

Брайан Герберт · Кевин Андерсон

ДЮНА

ДОМ АТРЕЙДЕСОВ

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Дом Атрейдесов

«АСТ»

1999

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Дом Атрейдесов / К. Д. Андерсон — «АСТ»,
1999 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-099776-3

Первая книга цикла о событиях, предшествовавших основному действию «Дюны» Фрэнка Герберта, роман, в котором мы ступаем на планету Арракис за несколько десятилетий до того, как на нее ступит легендарный Пауль Муад'Диб. Юный герцог Лето Атрейдес прибывает на технократическую планету Икс, чтобы пройти годовой курс обучения, а планетолог Пардот Кинес ищет способ превратить пустынный Арракис в цветущий зеленый рай...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099776-3

© Андерсон К. Д., 1999
© АСТ, 1999

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

96

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Дюна: Дом Атрейдесов

Brian Herbert
Kevin J. Anderson
Dune House Atreides

© Herbert Limited Partnership, 1999
© Перевод. А. Анваер, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Эта книга посвящается нашему учителю Фрэнку Герберту, которого отличали те же очарование и глубина, что и замечательную вселенную «Дюны», которую он создал

Межпланетное сообщение Космической Гильдии, направленное торговому союзу «Объединенный Совет Передовой и Честной Торговли» (ОСПЧТ):

Наша специфическая задача в выполнении этой неофициальной миссии заключается в поиске необитаемых планет на предмет выявления новых источников драгоценной пряности, от которой зависит благополучие и процветание Империи. В нашем распоряжении находятся сотни документов, в которых зафиксированы отчеты навигаторов и штурманов Гильдии, обследовавших сотни планет. Однако к настоящему времени мы не преуспели в нашей миссии. Единственным источником меланжи в Известной Вселенной по-прежнему остается пустынный мир Арракиса. Гильдия, ОСПЧТ и все прочие, кого это касается, вынуждены оставаться в плену монополии Харконненов.

Однако исследование неизвестных ранее территорий, поиск новых планетных систем и источников меланжи приносит свои плоды. К данному отчету приложены подробные карты и схемы, записанные на ридулианских кристаллах. Несомненно, эти карты будут иметь огромное значение для развития дальнейшей деятельности ОСПЧТ.

Поскольку мы выполнили свою часть договора, заключенного на известных вам условиях, то Гильдия просит зачислить причитающуюся нам сумму на счет штаб-квартиры банка Гильдии, расположенного на Джанкин.

* * *

Его Августейшему Величеству, Падишаху Императору Эльруду IX, Правителю Ойкумены:

От Его Преданнейшего Слуги сиридаря барона Владимира Харконнена, Планетарного Правителя Арракиса, титульного главы Дома Харконненов и Верховного Владетеля Гьеди Первой, Ланкевейля и союзных им планет.

Сир, позвольте мне еще раз засвидетельствовать мою преданную и верную службу Вам на пустынной планете Арракис. Я со стыдом вынужден признать, что за семь лет, прошедших после смерти моего отца, мой сводный брат Абульурд довел до полного упадка состояние производства пряности. Оборудование изношено и не возобновляется, экспорт меланжи упал невероятно низко. Учитывая высочайшую потребность Империи в меланже, я признаю, что такое состояние дел может иметь пагубные последствия. Хочу заверить Вас, что наше Семейство приняло все возможные меры для предотвращения такого поворота событий: Абульурд смещен со своего поста и отправлен в ссылку на Ланкевейль. Он, кроме того, лишен своего титула, хотя со временем его можно восстановить в качестве правителя малого района.

Теперь, когда верховным смотрителем Арракиса являюсь я, позвольте мне дать Вам мои личные гарантии, что я использую все необходимые средства – деньги, преданность и железную руку – чтобы производство и экспорт меланжи превысили прежний уровень.

Как Вы изволили мудро сказать в своем приказе: пряность должна поступать!

Меланжа – финансовая основа деятельности ОСПЧТ. Без пряности Преподобные Матери Бене Гессерит не могли бы совершать свои подвиги на ниве управления людьми, гильд-навигаторы не могли бы прокладывать маршруты своих кораблей, а миллиарды имперских граждан умерли бы от абстиненции. Любой простака знает, что такая зависимость от одного-единственного товара неизбежно приводит к злоупотреблениям. Опасность угрожает всем нам.

ОСПЧТ: экономический анализ товарных потоков

Худощавый и мускулистый барон Владимир Харконнен, сидевший рядом с пилотом орнитоптера, пригнувшись, подался вперед. Блестящие черные глаза напряженно вглядывались в пейзаж, расстилавшийся за плазом фонаря кабины. В воздухе стоял привычный и вездесущий запах песка и раскаленного камня.

Бронированный орнитоптер летел под солнцем, заливавшим ослепительным светом беспощадные пески Арракиса. Всюду, куда хватало глаз, простирались дюны. Яркий свет обжигал сетчатку. Ландшафт и небо были лишены цвета, его спалил безумный жар. Ничто не радовало взгляд.

Адское место.

Как бы хотелось барону снова оказаться в современном уютном мире индустриальной Гьеди Первой, главной планеты Дома Харконненов. Пришлось застрять здесь, хотя барону было чем заняться в семейном гнезде, в городе Карфаге, там были дела, куда больше отвечающие взыскательному вкусу Владимира Харконнена.

Но самое главное – добыча пряности. *Всегда*. Особенно важно не упустить большой выброс пряности, о котором сообщили разведчики.

Барон расположился в тесноте кабины с уверенной непринужденностью, не обращая никакого внимания на болтанку и толчки от сильных воздушных потоков. Механические крылья орнитоптера, похожие на крылья осы, ритмичными взмахами поддерживали машину в воздухе. Темный кожаный нагрудник облегал хорошо развитые мышцы барона. В свои сорок пять он был соблазнительно хорош. Золотисто-рыжие волосы были аккуратно и тщательно подстрижены. Гладкая кожа туго обтягивала высокие, чеканно вылепленные скулы. Мышцы шеи и челюстей выступали под кожей, готовые придать лицу любое выражение – от улыбки до свирепого оскала.

– Далеко еще? – спросил он сидевшего рядом пилота, который начал проявлять нервозность.

– Это место далеко в пустыне, милорд барон. Все указывает на то, что это богатейшее из известных месторождений пряности.

Летающее судно содрогнулось на восходящем потоке, когда они пролетели над отрогом вулканической скалы. Пилот судорожно сглотнул, стараясь удержать машину в повиновении.

Барон откинулся на спинку кресла и, взяв себя в руки, попытался усмирить свое нетерпение. Он был рад, что новое месторождение находится в глубинах пустыни, вдали от жадных взглядов имперских чиновников и служащих ОСПЧТ, которые могли создать ненужные хлопоты. Старику Эльруду IX, вечно сующему во все нос, совершенно ни к чему знать каждую мелочь о производстве пряности на Арракисе. С помощью тщательно отредактированных докладов и подложных журналов, не говоря уже о взятках, барон Владимир Харконнен показывал чиновникам Империи только то, что они должны были знать, но не более того.

Сильной рукой он отер пот с верхней губы и настроил систему управления климатом на большую влажность и более низкую температуру.

Пилот, очень недовольный тем, что в его машине оказался столь высокопоставленный пассажир, старался выжать из орнитоптера все возможное, напряженно вглядываясь в проектор карты на консоли управления, стараясь сориентироваться в бескрайнем море песка, простиравшемся внизу.

Барон тоже поинтересовался картой и остался недоволен отсутствием деталей. Как можно с такой картой ориентироваться в этом богом забытом углу мира? Как могло случиться, что столь важная для Империи планета практически не картографирована? Еще одно свидетельство полной неспособности его сводного брата Абульурда управлять планетой.

Но что говорить об этом? Абульурд отстранен, теперь правит он – барон Владимир Харконнен. *Теперь, когда Арракис принадлежит мне, я наведу здесь порядок.* После возвращения в Карфаг он направит сюда партии картографов и заставит составить карты и проложить маршруты, если, конечно, эти проклятые фримены снова не убьют картографов, не разрушат станцию и не снесут полигонометрические знаки.

Сорок лет этот пустынный мир является квазиленом Дома Харконненов, подаренным им императором с благословения Объединенного Совета Передовой и Честной Торговли. Хотя мир Арракиса был жесток и угрюм, эта планета считалась жемчужиной первой величины в императорской короне из-за драгоценной пряности, единственным источником которой во всей вселенной был Арракис.

Однако после смерти Дмитрия Харконнена, отца Владимира Харконнена, старый император, очевидно, впавший в маразм, передал власть над Арракисом слабодушному Абульурду, который ухитрился за какие-то семь лет уменьшить производство пряности в десять раз. Доходы резко упали, и новый правитель потерял контроль над контрабандистами и перестал справляться с саботажем. Дурак лишился милости владыки и был без всяких титулов и званий сослан на Ланкевейль, где даже он не смог бы помешать добыче китового меха.

Вступив в управление планетой, Владимир Харконнен решил перевернуть Арракис, оставив по себе неизгладимую память. Печать слабости и неумения властвовать должна быть смыта с рода Харконненов.

Арракис – это дьявольское место, которое несведущие профаны могли бы счесть наказанием, но ни в коем случае не наградой, – был единственным во всей Империи источником пряной меланжи, вещества более дорогого, нежели все драгоценные металлы вместе взятые. Здесь, в этом жестоком мире пустыни, меланжа ценилась выше, чем вода.

Без пряности станет невозможным межпланетное сообщение, а без него распадется и сама Империя. Пряность продлевает жизнь, сохраняет здоровье и придает остроту жизни. Барон, который сам употреблял пряность весьма умеренно, высоко ценил те ощущения, которые она ему дарила. Конечно, меланжа вызывает сильное привыкание, но это и делает ее таким дорогим товаром.

Бронированный орнитооптер летел над выжженной солнцем горной грядой, похожей на челюсть, утыканную гнилыми зубами. Над грядой поднималось к небу облако пыли, похожее на гигантскую наковальню.

– Там идет добыча, милорд барон.

Черные точки на горизонте превратились в военные орнитооптеры, стремительно приближавшиеся к машине барона. Пискнул акустический локатор, пилот включил идентификационный сигнал. Истребители, экипажи которых состояли из наемников, чьей задачей было не допустить к месту добычи посторонних, получив сигнал, развернулись и исчезли за горизонтом.

Пока Дом Харконненов может поддерживать иллюзию прогресса и увеличения доходов, Космической Гильдии не обязательно знать обо всех месторождениях, равно как и императорским чиновникам и людям ОСПЧТ. Барон придержит эту пряность для себя, чтобы увеличить свои и без того гигантские запасы.

После той путаницы и неразберихи, которые устроил здесь Абульурд, барону достаточно показывать лишь половину того, что он действительно добывает, чтобы ОСПЧТ и Империя почувствовали громадное улучшение в положении дел. Все они закроют глаза на грешки барона, если их аппетиты будут удовлетворены. Правители не заподозрят, что он создает тайные личные запасы пряности. Это, конечно, опасная стратегия, но у барона были средства борьбы с любопытными.

Они приблизились к облаку пыли, и барон вооружился биноклем. Теперь он мог видеть, как работает фабрика по добыче пряности. Стали видны огромные транспортерные ленты и ковши экскаваторов – вся эта техника стоила чудовищных денег, – но эту мощь следовало содержать, это оправдывало затраты, все – до последнего солари. Ковши вспарывали поверхность планеты, поднимая наверх коричнево-красную, похожую на корицу, массу, песок, пыль и куски кремния. Все ради того, чтобы отыскать драгоценную пряность.

Передвижные буровые установки работали поблизости; в их задачу входило бурение и отбор проб грунта. Наверху, подвешенные к застывшим в небе орнитооптерам, находились более тяжелые машины, готовые опуститься при первых признаках меланжи в образцах. По периметру разработки сновали разведчики, обследующие окрестность и прислушивающиеся к признакам появления червей. Один из громадных червей мог бы целиком поглотить всех работающих сейчас на месторождении.

– Милорд барон, – заговорил пилот и передал Владимиру Харконнену переговорное устройство, – с вами хочет переговорить капитан рабочей команды.

– Говорит ваш барон, – сказал Харконнен, приблизив к уху динамик. – Мне нужны последние данные. Сколько пряности вы нашли?

Снизу ответил капитан рабочей команды. Голос его был хриплым и грубым, казалось, этот человек не понимал, с кем он говорит, и это сильно раздражало, барона.

– Я десять лет работаю на пряности, но эти залежи превосходят все, что я когда-либо видел. Беда только в том, что они расположены очень глубоко. Обычно пряность располагается отдельными элементами, а здесь концентрация очень высока, но...

Барон подождал, но пауза затянулась.

– Что – но?

– Здесь происходит что-то странное, сэр. В химическом отношении, я хочу сказать. Из расщелин происходит утечка углекислого газа, там внизу что-то вроде пузыря. Рабочие прокопали поверхностный слой песка, чтобы добраться до пряности, но там оказался водяной пар.

– Водяной пар! – Это было неслыханно, на Арракисе влажность воздуха была равна приблизительно нулю даже в самые лучшие дни.

– Возможно, мы наткнулись на древнее водохранилище, сэр. Оно было, вероятно, спрятано под скалой.

Барон не мог даже предположить такую возможность – найти на Арракисе подземный источник проточной воды. Эту воду можно будет выгодно продавать населению, прикинул барон. То-то расстроятся местные торговцы водой, они прямо-таки раздуваются от сознания собственной значимости.

Его бас зарокотал в полную силу.

– Эта вода не испортила пряность?

– Не могу сказать, сэр, – ответил капитан. – Пряность – странная штука. Но я никогда не видел такого плотного скопления, сэр. Оно какое-то... какое-то неправильное.

Барон посмотрел на пилота.

– Соединись с разведчиками. Спроси, нет ли признаков появления червя?

– Нет никаких признаков появления червя, милорд барон, – ответил пилот, выслушав ответ. Харконнен заметил, что на лбу пилота выступили капельки пота.

– Как долго работает здесь команда?

– Около двух стандартных часов, сэр.

Теперь нахмурился барон. Один червь должен был обязательно появиться.

Пилот забыл выключить связь, и в наушнике снова зазвучал грубый голос капитана:

– Так много времени в нашем распоряжении тоже еще никогда не было, сэр. Черви приходят всегда. Всегда. Но внизу что-то происходит. Поток газа нарастает. В воздухе стоит густой запах.

Барон втянул ноздрями воздух, профильтрованный кондиционерами кабины, и ощутил пряный запах корицы. Орнитоптер завис в воздухе в нескольких сотнях метров над разработкой.

– Под землей ощущается какая-то вибрация, какой-то резонанс. Мне очень это не нравится, сэр.

– Тебе платят не за то, чтобы тебе что-то нравилось, – ответил барон. – Это глубинный червь?

– Не думаю, сэр.

Барон пробежал глазами рапорт, полученный с добывающих комбайнов. Цифры потрясли его воображение.

– С этой выработки мы получили столько же, сколько со всех остальных вместе взятых за целый месяц. – Он побарабанил пальцами по бедру.

– Тем не менее, сэр, я думаю, что нам надо сворачиваться и готовиться к эвакуации, мы можем потерять...

– Это полностью исключено, капитан, – сказал барон. – Признаков появления червя нет, а вы почти закончили выработку. Мы можем дать вам транспортник для перевозки людей и пустой комбайн, если они вам нужны. Я не собираюсь отказываться от целого состояния только потому, что ты нервничаешь из-за разыгравшегося воображения. Смешно!

Капитан попытался настоять на своем, но барон не дал ему договорить.

– Капитан, если ты – нервический трус, то ты выбрал себе не ту профессию и работаешь не на того хозяина. Продолжайте добычу.

Барон отключился, заметив мысленно, что от этого человека надо избавиться как можно скорее.

Над месторождением зависли транспортные орнитоптеры, готовые эвакуировать рабочих при первых же признаках появления червя. Но почему его так долго нет? Обычно черви очень ревностно защищают свою пряность.

Пряность. Барон неслышно произнес слово, как будто пробуя его губами.

Затянутое пеленой невежества и предрассудков, это вещество не имело протяженности и меры, оно было современным рогом единорога. Арракис же был необитаем настолько, что никто не догадывался об источнике пряности. На огромных просторах Империи не было ни

одной планеты с пряностью, ни к чему не привели и многовековые попытки синтезировать искусственный заменитель меланжи. С тех пор как Дом Харконненов получил в свое практически бесконтрольное распоряжение Арракис с его пряностью, барон был не слишком заинтересован в том, чтобы кто-то научился производить заменитель или нашелся бы иной источник уникального вещества.

Квалифицированные команды находили пряность, а Империя использовала ее по своему усмотрению, – все, что выходило за пределы этой простой цепочки, мало интересовало барона. Рабочие всегда рисковали, всегда была опасность того, что червь нападет слишком рано, что сломается транспортный орнитоптер и людей не успеют эвакуировать вовремя. На месторождение могла обрушиться песчаная буря. Потери людей и убытки от порчи оборудования были ошеломляющими, но цена добытой пряности окупала пролитую кровь и затраченные деньги.

Орнитоптер описывал над выработкой круг за кругом, ровно звенели двигатели, и барон внимательно осматривал промышленный пейзаж. Раскаленный солнцем чехол пыли над месторождением. Разведчики в орнитоптерах. Оборудованные буровыми установками машины отбирают пробы грунта.

Нет никаких признаков приближения червя, и каждая минута приносит все большую прибыль. Рабочие получают премию, все, за исключением этого слабака капитана, а Дом Харконненов станет еще богаче. Журнал добычи можно будет оформить и позже.

Барон повернулся к пилоту:

– Свяжись с ближайшей базой. Вызови еще один транспортник и еще один комбайн. Кажется, эта жила неисчерпаема. Если червя еще нет, то, может быть, у нас еще есть время... – Последнюю фразу Харконнен произнес вполголоса.

В наушниках снова раздался голос капитана, который воспользовался общей частотой, после того как барон отключил селекторную связь.

– Сэр, пробы показывают, что температура под землей стремительно возрастает. Пик ее очень высок! Внизу происходит какая-то химическая реакция. Одна из команд провалилась в гнездо песчаных форелей.

Барон зарычал от ярости. Этот тип вещает на открытой частоте. Что, если его подслушивают шпионы ОСПЧТ? Кроме того, что ужасного в этих слизеподобных тварях? Для Харконнена эти твари значили не больше, чем мухи, вьющиеся около трупа.

Он подумал, что этого капитана надо не только сместить с должности и лишить премии. *Этот ублюдок, наверно, подослан Абульурдом.* Внезапно барон увидел внизу бегущие фигурки разведчиков, спасающихся от облака ядовитого газа. Один из рабочих буквально вывалился из своего вездехода и ринулся к дверям большой машины.

– Что они делают? Они покидают свои рабочие места? Спустиись пониже, я хочу посмотреть, что там делается.

Пилот накренил орнитоптер, и машина, словно зловещий жук, заскользила к земле. Внизу корчились люди, которые, задыхаясь, пытались натянуть на лица респираторы. Двое, споткнувшись, упали в раскаленный песок. Другие лихорадочно спешили прочь от добывающих машин.

– Транспортник! Давайте транспортник! – кричал кто-то.

Разведчики в один голос докладывали:

– Я не вижу червя.

– Ничего опасного.

– Все спокойно.

– Почему они бегут? – спросил барон пилота, словно тот мог знать ответ.

– Что-то случилось! – проревел капитан. – Где этот транспортник? Он нам нужен прямо сейчас!

Земля содрогнулась. Четверо рабочих упали на песок лицом вниз, не успев добежать до фабрики пряности.

– Смотрите, милорд! – В голосе пилота прозвучал неподдельный ужас. Он указал рукой вниз. Барон перестал смотреть на охваченных паникой людей и обратил внимание, что песок вокруг выработки вибрирует, словно натянутая кожа звучащего барабана.

Комбайны начали заваливаться набок и опрокидываться. Вся поверхность земли вокруг шахты стала вздуваться, словно огромный пузырь, под давлением газов, напиравших снизу.

– Убираемся отсюда! – крикнул барон. Пилот замешкался, не в силах оторваться от страшного зрелища, и барон с быстротой молнии закатил ему оплеуху.

– Пошевеливайся!

Пилот, спохватившись, вцепился в ручки управления, направив машину вверх. Перепончатые крылья с остервенением били воздух.

Внизу вздыбившаяся земля образовала высокий купол, который внезапно взорвался, взметнув в воздух комбайны, людей и все, что находилось на поверхности. Гигантский взрыв песка, туча пыли взлетела к небу, унося с собой оранжевый шлейф пряности и обломки скал. Громадная фабрика была уничтожена в мгновение ока. Буря Кориолиса разнесла ее на куски, словно старый половик.

– Что за дьявольщина здесь творится? – Черные глаза барона расширились. Он не верил, что возможна катастрофа такого масштаба. Вся драгоценная пряность испарилась в котле бури, тоже исчезнув без следа. Все оборудование было уничтожено. До барона вряд ли дошло, что погибли и все люди, хотя это тоже был ощутимый убыток: слишком много денег ушло на подготовку команд.

– Держитесь, милорд, – крикнул пилот. Костяшки его пальцев побелели от напряжения, с такой силой он держал ручки управления.

Ударная волна настигла орнитоптер. Бронированная машина закачалась, крылья вхолостую били воздух. Моторы выли, не в силах справиться с напором ветра. По оконным переборкам ударяли тучи песка. Мотор, забитый песком, начал чихать. Машина стала терять высоту, падая в ненасытную пасть пустыни.

Пилот кричал что-то нечленораздельное. Барон собрал в кулак всю свою волю, отчужденно наблюдая, как земля приближается к ним, словно гигантский перевернутый каблук, готовый раздавить их, как мелких докучливых насекомых.

Как глава Дома Харконненов, барон всегда думал, что если погибнет, то только от предательской руки наемного убийцы. Но пасть жертвой разбушевавшейся стихии! В этой ситуации, пожалуй, было даже что-то комичное.

Пока они падали, Харконнен видел, как песок превращается в открытую гноящуюся язву. Пыль и сырая меланжа засасывались под землю, перемешиваясь потоками газа и химическими реакциями. Богатейшая жила пряности в считанные секунды превратилась в пасть прокаженного, готовую поглотить их.

Но пилот! Всю дорогу он казался барону расслабленным чудаком, страшно боящимся любого скрипа, но сейчас это был сгусток воли. Пилот переключал моторы, очищая сопла от пыли, ложился на попутные потоки воздуха, умело играя переключателями и рычагами управления.

Орнитоптер наконец выровнялся и заскользил над дюнами. Пилот облегченно вздохнул.

В том месте, где гигантская трещина вспорола поверхность песка, барон увидел прозрачные контуры, похожие на личинки мух, облепивших падаль. Это были песчаные форели, ринувшиеся к месту катастрофы. Скоро пожалуют и черви. Эти чудовища не смогут устоять перед таким соблазном.

Как барон ни старался, он таки не мог понять, что такое пряность. Совсем не мог.

Орнитоптер набрал высоту и направился к транспортникам и разведчикам, которых катастрофа застала врасплох. Они не смогли спасти фабрику и драгоценный груз, и их нельзя было за это винить. Во всем виноват только он один. Барон отдал им недвусмысленный приказ – держаться на безопасном расстоянии от жилы.

– Ты только что спас мне жизнь. Как тебя зовут?

– Криуби, сэр.

– Отлично, Криуби. Ты когда-нибудь видел такое? Что произошло внизу? В чем причина взрыва?

Пилот глубоко вздохнул.

– Я слышал, как фримены рассказывают о чем-то, что они называют *взрывом пряности*. – Пилот сейчас напоминал изваяние, словно пережитый ужас сделал его сильнее. – Такие взрывы происходят в глубинах пустыни, где редко бывают люди.

– Кого интересует, что болтают эти фримены? – Барон скривил губы при одной мысли об этих грязных нищих обитателях пустыни. – Мы все слышали об этих взрывах пряности, но никто их не видел. Сумасбродное суеверие.

– Да, но любое суеверие имеет под собой какую-то основу. В пустыне видели много чудес. – Сейчас барон восхищался этим человеком, который осмеливался высказывать свое мнение, зная о дурном характере и мстительности барона.

– Говорят, что взрыв пряности – это химическая реакция, – продолжал Криуби, – начинающаяся вследствие накопления предшественников пряности под землей.

Барон принял это к сведению; не мог же он отрицать то, что видел собственными глазами. Может быть, настанет время, когда люди поймут природу пряности и научатся предотвращать подобные катастрофы. Но поскольку запасы пряности кажутся неисчерпаемыми и она доступна всем, кто берет на себя труд достать ее, то вряд ли кого-то будет интересовать детальный анализ. Зачем тратить время на опыты, когда богатство лежит под ногами и ждет, когда его подберут. У барона монополия на Арракис, но это монополия, основанная на невежестве.

Он заскрипел зубами, подумав, что по возвращении в Карфаг ему надо будет выпустить пар, причем более интенсивно, чем он предполагал. Для этого надо воспользоваться услугами не постоянных любовниц, а других женщин, которыми он больше никогда не будет пользоваться. Это освободит его от скованности.

Потом он посмотрел вниз и подумал: *Нет никакой необходимости скрывать это месторождение от императора*. Надо внести месторождение в реестр, записать объем находки и документировать уничтожение людей и машин. Нет надобности манипулировать записями. Конечно, старик будет недоволен и Дому Харконненов придется понести некоторые финансовые издержки.

Пилот кругами стал снижать машину, а с земли начали поступать сообщения от уцелевших бригад, которые оценивали нанесенный ущерб от людских потерь, уничтоженного оборудования и погибшей пряности. Слушая их, барон чувствовал, как в нем закипает ярость.

Будь проклят этот Арракис! – думал он. *Будь прокляты пряность и наша зависимость от нее!*

Мы мыслим глобальными категориями. Планетарные проблемы нельзя очертить изящной линией. Планетология рождается методом проб и ошибок.

Пардот Кинес. «Трактат о восстановлении природной среды планеты Салуса Секундус после ядерного холокоста»

На имперской планете Кайтэйн громадные здания целуют небо. Величественные скульптуры и многоярусные фонтаны обрамляют вымощенные горным хрусталем бульвары. Сказка. Этим великолепием можно любоваться часами.

Пардот Кинес смог бросить на всю эту пышность лишь мимолетный взгляд, ибо сопровождавшие его гвардейцы быстро повели его во дворец. У них не хватило терпения ждать, пока этот чужестранец насытится небывалым зрелищем, и не было ни малейшего желания самим рассматривать все эти чудеса. Их задача – доставить его в аудиенц-зал императорского дворца без всяких проволочек. Император Известной Вселенной не может ждать, пока гость удовлетворит свое любопытство.

Солдаты эскорта, сардаукары, были одеты в черно-серую, безупречно чистую форму, украшенную аксельбантами и орденами. Все пуговицы и пряжки надраены до немыслимого блеска, каждая лента отутюжена. Пятнадцать сардаукаров, а именно столько их встречало Кинеса, стоят целой армии.

Однако великолепие столицы потрясло Пардота. Повернувшись к ближайшему гвардейцу, он сказал:

– Обычно я вожусь в грязи и таскаюсь по болотам на планетах, куда нормальные люди не желают показывать нос.

Он не только никогда не видел, он даже представить себе не мог, что на свете существуют такие райские уголки, как этот.

Гвардеец ничего не ответил, отчужденно глядя в пространство. Сардаукар – это машина, созданная для того, чтобы сражаться, а не болтать.

– Здесь меня вымыли и отскребли до третьего слоя кожи и одели, как дворянина. – Кинес прикоснулся к плотной ткани куртки и принюхался к запаху дорогого мыла, который источала его кожа. У планетолога был высокий лоб и редкие, зачесанные назад, песочного цвета волосы.

Гвардейцы торопливо повели Кинеса вверх по бесконечной, как громадный водопад, лестнице, сложенной из полированных каменных плит, украшенных золотой филигранью и вкраплениями маслянисто блестящих камней су.

– Это мой первый приезд на Кайтэйн. – Кинес сделал попытку заговорить с сардаукаром, шедшим слева. – Могу держать пари, что вас совершенно не интересуют достопримечательности столицы. Да и как может быть иначе, если вы смотрите на них много лет?

Слова его сопровождались виноватой улыбкой, но и этот гвардеец был, очевидно, глух.

Кинес был специалистом своего дела, блестящим экологом, геологом и метеорологом. Кроме того, он обладал глубокими познаниями в ботанике и микробиологии. Высшим наслаждением для него было впитывать в себя тайны миров. Но люди, населяющие эти миры, оставались для него тайной за семью печатями, вот как, например, эти гвардейцы.

– Кайтэйн намного более уютен, чем Салуса Секундус, – я вырос там, как вам известно, – продолжал он. – Был я и на Бела Тегез, там почти так же плохо. Представьте себе мрак, болота. На небе два карликовых солнца.

Отчаявшись, Кинес продолжал говорить, глядя прямо перед собой, бормоча слова, обращенные, судя по всему, к самому себе:

– Падишах император вызвал меня из дебрей галактики. Хотел бы я знать зачем.

Никто из гвардейцев не спешил дать ответ на этот вопрос.

Группа прошла под изъеденной временем аркой из темно-красной вулканической породы. Кинес задрал голову и посмотрел на арку. Наметанный глаз геолога сказал ему, что эту арку привезли сюда с Салусы Секундус, из того, разрушенного когда-то мира.

Ученый был озадачен: кто мог хранить реликт с дикой мрачной планеты, настоящей тюрьмы с разрушенной экосистемой. Потом, мысленно обозвав себя дураком, он вспомнил, что когда-то Салуса была главной планетой Империи, это было тысячелетия назад перед тем, как катастрофа изменила до неузнаваемости лицо планеты. Нет сомнения, что Дом Коррино доставил сюда эту арку как своеобразный трофей, напоминание о том, что императорская семья сумела преодолеть обрушившиеся на ее голову несчастья.

Как только сардаукары прошли арку и вступили в сам дворец, откуда-то грянули трубы. Кинес не знал названия этих духовых инструментов. Его никогда не учили музыке или другим изящным искусствам, даже когда он был ребенком. Да и зачем, если на свете столько естественных наук, которые надо усвоить?

Прежде чем ступить под сверкающие драгоценными камнями своды дворца, Кинес поднял голову и полюбовался бездонным, абсолютно синим небом.

По пути сюда, отдыхая в карантине Гильдии, Кинес кое-что почитал о главной планете Империи, хотя ему никогда не приходилось применять свои знания к столь цивилизованным местам. Кайтэйн был строго спланирован: три линии бульваров, великолепная архитектура, ухоженные сады, цветочные изгороди и многое, многое другое.

Официальный справочник Империи утверждал, что на планете всегда тепло, климат постоянно умеренный. Бурь не бывает вообще. Ни одно облако никогда не затмевает безупречно чистый небосвод. Сначала Кинес подумал, что это – обычная пропаганда для туристов, но когда причудливо украшенный транспортный корабль Гильдии садился в космопорте, Кинес успел заметить целую флотилию климатических спутников. Эта техника с помощью грубой силы превратила Кайтэйн в райский безмятежный уголок, остров покоя в бушующем море природы.

Инженеры-климатологи железной рукой втиснули погоду в рамки, которые кто-то по глупости посчитал оптимальными. На деле же такое насилие над природой должно было неизбежно отразиться на моральном, духовном и телесном здоровье населения. Это была реальная опасность, но императорская семья была не в состоянии понять, какая катастрофа произойдет, если они не откроют засоренные глаза. Они продолжают предаваться покою под синим небом и прогуливаться по тенистым аллеям садов, но катастрофа неминуема. Было бы большим вызовом остаться здесь и изучить процессы, происходящие на Кайтэйне. Но Кинес сомневался, что император вызвал его для этого...

Сардаукары тем временем провели его в глубь дворца, под его гулкие своды. Группа прошла мимо статуй и классических произведений живописи. Обширный аудиенц-зал был огромен, как римская арена для гладиаторских ристалищ. Пол состоял из разноцветных площадок, каждая из которых символизировала какую-то планету Империи.

По мере роста Империи к дворцу пристраивали альковы и флигели.

Придворные в ослепительных одеяниях, украшенных блестящими плюмажами и лентами, сотканными из нитей драгоценных металлов, с деловым видом сновали взад и вперед с какими-то бумагами, спеша на встречи и перешептываясь с таким видом, словно только им одним ведомо, каковы истинные цели их службы.

Кинес был чужим в этом мире политических интриг. Хотя пышность и величие очаровали его, он тянулся к уединению, неисследованным ландшафтам с, их диковинной флорой и фауной. От дворцовой сутолоки у ученого уже успела заболеть голова.

Между тем сардаукары, сопровождая Кинеса, вступили в длинный коридор, ведущий в аудиенц-зал, и перешли на строевой шаг. Грохот их сапог напоминал ружейные залпы, диссонансом звучали неуклюжие, сугубо штатские шаги Пардота Кинеса.

Впереди, в конце длинного зала высился помост из изумрудного горного хрусталя, на котором стоял прозрачный Трон Золотого Льва, высеченный из монолитной глыбы хагальского кварца. На этом троне, согнувшись, притулилась фигура древнего старика – Эльруда Коррино IX, имперского правителя Известной Вселенной.

Кинес уставился на него во все глаза. Император был до неприличия изможден, худ и костляв. Огромная голова, казалось, вот-вот сломает тощую морщинистую шею. Окруженный такой неправдоподобной роскошью и невиданным богатством, император казался на их фоне каким-то незначительным, хотя по одному мановению пальца с изуродованными подагрой суставами подчиненные этого старика могут уничтожить любую планету и убить миллиарды

людей. Эльруд сидел на этом троне уже без малого полтора года. Как много планет в Империи? Сколько человек ее населяют? Кинес подумал о том, кто может обработать такое невероятное количество информации?

Кинеса подвели к основанию помоста, и ученый неуверенно улыбнулся Эльруду, потом смутился, отвел глаза и согнулся в глубоком поклоне. Никто не потрудился рассказать Пардоту о придворном протоколе, а сам он был весьма несведущ в тонкостях светских манер и этикета. До ноздрей ученого донесся слабый запах корицы: рядом с тронном был столик, на котором стояла кружка с меланжевым пивом.

Вперед выступил паж, сделал знак начальнику сардаукарского караула и громовым голосом провозгласил на галахском языке, языке межгалактического общения:

– Планетолог Пардот Кинес!

Кинес расправил плечи и попытался принять горделивую осанку, недоумевая, зачем понадобилось так пышно представлять его монарху – словно тот не знает, кого сюда привели по его же собственному вызову. Он еще подумал, не поздороваться ли ему с императором, но передумал, предоставив протоколу идти своим чередом.

– Кинес, – произнес император пронзительным скрипучим голосом, надорванным многолетней привычкой повелевать, – тебя мне настоятельно рекомендовали. Наши советники просмотрели досье многих кандидатов и предпочли тебя всем другим. Что ты на это скажешь?

Император подался вперед, подняв в ожидании ответа брови, отчего глубокие морщины собралась на темени голого черепа.

Кинес забормотал, что это высокая честь и радость для него, потом откашлялся и задал действительно интересующий его вопрос:

– Но для чего именно меня выбрали?

Эльруд по-стариковски хихикнул и откинулся на спинку трона.

– Как это освежает, когда сталкиваешься с человеком, который говорит, движимый искренним любопытством, а не привычкой говорить правильные слова, чтобы угодить этой банде фигляров. – Когда Эльруд улыбался, морщины оттягивались назад, и серая пергаментная кожа натягивалась, делая лицо старика похожим на резиновый мяч. – В досье сказано, что ты вырос на Салусе Секундус и написал исчерпывающий доклад об экологии этой планеты.

– Да, сир, э... ваше величество. Мои родители были чиновниками, их послали на службу в тюрьму Салусы, а поскольку я был тогда маленьким ребенком, то поехал вместе с ними.

По правде сказать, Кинес слышал, что его родители чем-то не угодили Эльруду, впали в немилость и были сосланы на Салусу в наказание за строптивость. Однако юный Пардот нашел заброшенную страну очаровательной. После того как было закончено его образование, он стал проводить все дни на природе, в некогда взорванной глуши, делал заметки, изучал насекомых, растения, травы и морозоустойчивых животных, сумевших пережить последствия древнего атомного холокоста.

– Да-да, я знаю об этом, – сказал император. – Но после этого твои родители были переведены на другую планету.

Кинес кивнул:

– Да, сир. Они переехали на Хармонтеп.

Император махнул рукой, отмечая ненужные подробности.

– Но позже ты сам, по своей доброй воле вернулся на Салусу?

– Ну... э... у меня был чисто научный интерес. Я хотел еще больше узнать о планете, – ответил Кинес, едва подавив желание смущенно пожать плечами.

Он провел годы в глуши, пытаясь собрать воедино фрагменты знаний о климате и экосистеме. Ему пришлось пережить много лишений, преодолеть множество невзгод. Однажды его даже преследовал лазанский тигр, но естествоиспытатель чудом сумел спастись. Потом Кинес опубликовал пространный трактат о том, что он сумел узнать на Салусе. Это был замечатель-

ный прорыв, позволивший понять, что произошло с некогда цветущим, а ныне покинутым миром, главной планетой Империи.

– Изоляция планеты подогрела мой интерес к ее экологии. Это намного интереснее – изучать разрушенные миры. Для меня большая трудность работать в слишком цивилизованных местах.

Эльруд рассмеялся и, оглядевшись, призвал придворных последовать его примеру.

– Таких, как Кайтэйн, не так ли?

– Ну, я уверен, что здесь тоже можно найти массу интересных мест, сир, – ответил Кинес, надеясь, что не совершил faux pas¹.

– Хорошо сказано! – воскликнул император. – Мои советники сделали мудрый выбор, Пардот Кинес.

Не зная, что делать или говорить дальше, Кинес неуклюже поклонился.

После Салусы он отправился в сумрачный болотистый мир Бела Тегез, а потом и на другие планеты, которые по тем или иным причинам заинтересовали его. Он научился выживать в самых неблагоприятных условиях, стал чрезвычайно неприхотлив, сведя свои потребности к разумному минимуму. Самым важным для него был сбор научных данных, ради чего он был готов лазать по скалам и зарываться в землю, чтобы вырвать у природы разгадку ее тайн.

Но теперь император сумел раздражить его любопытство. Почему к его скромной особе было приковано пристальное августейшее внимание?

– Если я могу задать вопрос, ваше величество, то хотел бы спросить... что именно я должен делать? – Подумав, он торопливо добавил: – Конечно, я буду счастлив служить на любом поприще, какое будет угодно моему императору.

– Ты, Кинес, зарекомендовал себя как знаток сложных экосистем, ты способен, как никто, анализировать их и обуздывать на благо Империи. Мы выбрали тебя для того, чтобы ты совершил свое очередное чудо на пустынной планете Арракис.

– Арракис! – воскликнул Кинес, и в его возгласе было столько же удивления, сколько радости от такой блестящей перспективы. – Кажется, местные кочевники фримены называют свою планету Дюной.

– Каково бы ни было ее название, – в голосе императора прозвучало недовольство, – это одна из самых суровых, но одновременно и самых важных планет Империи. Ты, конечно, знаешь, что Арракис – это единственный источник меланжевой пряности.

Кинес кивнул.

– Я всегда удивлялся, почему исследователи до сих пор не обнаружили пряность на какой-нибудь другой планете. И почему никто не разобрался, откуда берется пряность и как она откладывается?

– Вот ты и должен будешь это понять и сказать нам, – ответил император. – Время не терпит.

Кинес внезапно осознал, что, вероятно, переступил границы дозволенного, и смутился. Ведь он стоит здесь, в самом роскошном тронном зале на миллион миров, и *разговаривает* с самим Падишахом Императором всей Известной Вселенной Эльрудом IX. Придворные смотрели на него кто с недовольством, кто со злорадством, словно ожидая, что сейчас этого дерзкого человека постигнет суровая кара.

Но вскоре Кинес забыл об этом и задумался о зыбучих песках Арракиса, величественных дюнах и чудовищных песчаных червях – их изображения он видел только на записях. Забыв о мелких нарушениях протокола, которые он допустил, Кинес с замиранием сердца ждал подробностей о своем новом назначении.

---

¹ Ложный, необдуманый шаг (*фр.*).

– Для будущего Империи жизненно важно, чтобы мы разгадали секрет меланжи. На сегодняшний день никто не хочет тратить время на такие изыскания. Люди думают, что Арракис – неисчерпаемый источник пряности, и поэтому не хотят знать детали механизмов ее образования. Это признак верхоглядства. – Император помолчал. – Это вызов, который примешь ты, Пардот Кинес. Мы назначаем тебя официальным планетологом Арракиса.

Сделав это заявление, Эльруд посмотрел на жилистого, средних лет человека, стоявшего у подножия трона. Он решил присмотреться к этому ученому, оценить его как личность. Император сразу понял, что Кинеса не назовешь сложным человеком. Его эмоции и расположение были ясно написаны на лице. Придворные советники говорили, что Кинес лишен политических амбиций и пристрастий. В этом плане у него нет никаких обязательств. Его единственный интерес заключается в поиске научной истины, в познании естественного порядка вещей во вселенной. Он по-детски увлекается новым, любит преодолевать трудности, которые создает суровая природа. Он сделает работу с неподдельным энтузиазмом и выдаст честный результат.

Эльруд провел много лет жизни среди притворщиков и льстецов, безмозглых лакеев, которые говорили только то, что считали приятным для слуха императора. Но этот человек с обветренным лицом был совсем не таков.

Теперь очень важно понять механизм образования меланжи, для того чтобы повысить производительность ее добычи. После семи лет неумелого правления Абульурда Харконнена, после недавних катастроф и ошибок, которые наделал уже сверхамбициозный барон Владимир Харконнен, император был всерьез обеспокоен снижением производства пряности. Пряность должна поступать!

Космическая Гильдия нуждалась в огромных количествах пряности, чтобы наполнять ею каюты, в которых жили их мутанты-навигаторы. Он сам и его приближенные, да и вся элита нуждалась в ежедневных (все время возрастающих) дозах пряности для поддержания здоровья и самой жизни. Община Сестер Бене Гессерит тоже нуждалась в пряности для воспитания новых Преподобных Матерей. Потребляли пряность и ментаты, для достижения ментальной сосредоточенности.

Хотя император был не согласен с жестокими методами управления, которые демонстрировал барон Харконнен, Эльруд не мог ввести на Арракисе прямое имперское правление. После многих десятилетий политических маневров и манипуляций Дом Харконненов был облечен властью вместо попавшего в опалу Дома Ришезов.

Уже в течение тысячи лет Арракис был имперским дарением, которое предоставлялось избранным Домам, которые получали право качать богатства из песков по своему усмотрению, но не дольше ста лет. Каждый раз, когда лен менял хозяина, начиналось нечто невообразимое. Императорский двор захлестывал поток жалоб и челобитных. Поддержка Совета Земель была опутана столькими условиями, что Эльруд воспринимал эту помощь как удавку на своей шее.

Хотя Эльруд был императором, его власть зиждилась на балансе союзных отношений со многими силами, включая Великие и Малые Дома Совета Земель, Космическую Гильдию и такие всеохватывающие коммерческие объединения, как ОСПЧТ. С другими силами было еще труднее справиться, тем более что они не показывались на сцене, а предпочитали действовать закулисно.

Мне необходимо сломать это равновесие, нарушить его в свою пользу, – думал Эльруд. Неприятности с Арракисом затянулись слишком надолго.

Император, подавшись вперед, вперил взгляд в Кинеса. Этот человек действительно в полном восторге от того, что ему предстоит экспедиция на пустынную суровую планету. Он не скрывает радости и энтузиазма. Что ж, тем лучше!

– Познавай Арракис как можно лучше и шли мне регулярные отчеты, планетолог. Дом Харконненов получит подробные инструкции и окажет тебе всемерную поддержку и помощь.

Харконнен будет не в большом восторге от того, что на его планете появится имперский чиновник, сующий везде свой нос.

Ставший правителем совсем недавно барон Харконнен постарается обвести императора вокруг пальца, это совершенно ясно.

– Мы обеспечим тебя всем необходимым. Представь список всего необходимого моему канцлеру. Все остальное ты получишь по своему требованию у барона Харконнена.

– Мои потребности скромны, – сказал Кинес. – Все, что мне нужно, – это мои глаза и разум.

– Это понятно, но надо, чтобы барон позаботился и о твоём отдыхе и удовольствиях.

Улыбнувшись, Эльруд отпустил Кинеса. Император заметил, что планетолог покидал аудиенц-зал пружинистой легкой походкой.

Ты не должен делать машин по образу и подобию разума человеческого.

Главная заповедь Джихада Слуг, записанная в Оранжевой Католической Библии

– Стрдание – учитель мужей.

Пожилые актеры стоявшего на сцене хора старательно и в унисон произносили бессмертные слова. Актеры были простыми жителями деревень, окружающих Замок Каладана, но они тщательно отрепетировали ежегодное представление Дома. Костюмы, хотя и не были вполне аутентичны, отличались тем не менее живописностью. Декорации – фасад дворца Агамемнона и вымощенная плитами площадь – были выполнены с реализмом, замешанным на энтузиазме и просмотре старых фильмов о Древней Греции.

Длинная пьеса Эсхила шла уже довольно продолжительное время, в зале было жарко и довольно душно. Сцена освещалась шарообразными плавающими светильниками, но на сцене стояли жаровни, а в стены были воткнуты факелы, которые курились древними ароматами.

Хотя на сцене было шумно, храп, издаваемый старым герцогом, грозил нарушить впечатление от трагедии.

– Отец, проснись, – прошептал Лето Атрейде, ткнув герцога Пауля в бок. – Пьесу не сыграли еще и до половины.

Пауль заворочался в своей ложе, потягиваясь и стряхивая воображаемые крошки с широкой груди. Пляшущий огонь факелов отбрасывал переменчивый свет на покрытое глубокими морщинами узкое лицо и окладистую, обильно тронутую сединой бороду герцога. Он был одет в черную униформу Дома Атрейдесов. На левой стороне груди красовался герб: красный ястреб.

– Они только говорят и совсем не двигаются. – Он повернул голову в сторону сцены, где старики актеры и в самом деле практически не двигались. – К тому же мы видим это каждый год.

– Дело не в этом, Пауль, дорогой. Люди смотрят, – заговорила мать Лето, сидевшая по другую сторону от герцога. Смуглая леди Елена, одетая в парадное платье, всерьез воспринимала тяжеловесные строфы греческого хора.

– Прислушайтесь к контексту. Это история вашей семьи, а не моей.

Лето перевел взгляд с отца на мать, зная, что история Дома матери – Дома Ришезов полна таких же величественных взлетов и падений, как и история Дома Атрейдесов. Ришезы – могущественный род во времена «золотого века» – сильно обеднели в настоящую эпоху.

Дом Атрейдесов, по преданию, происходил от достославных сынов Атрея, живших на Древней Земле. У семьи старая история, славная, несмотря на многие трагические и бесчестные эпизоды. Герцоги неукоснительно придерживались традиции ежегодно устраивать представление трагедии Эсхила «Агамемнон», самого великого из сынов Атрея и полководца, взявшего Трою.

Своими иссиня-черными волосами и узким лицом Лето напоминал мать. От отца он унаследовал орлиный нос и ястребиный профиль. Юноша, одетый в неудобный роскошный наряд, смотрел пьесе, едва ли полностью осознавая историческую подоплеку событий. Автор писал свое сочинение в расчете на публику, которая понимает эзотерический смысл большинства намеков. Генерал Агамемнон был великим военачальником тех изобиловавших великими битвами доисторических времен, когда люди еще не изобрели мыслящих машин, поработивших человечество, задолго до Джихада Слуг, которые освободили род людской от электронного рабства.

Впервые за свои четырнадцать лет Лето осознал и почувствовал, что на его плечах лежит груз исторической ответственности; он ощутил свою причастность к этим персонажам, которые отражали звездную судьбу его предков. Когда он унаследует власть от отца, то тоже приобщится к истории Дома Атрейдесов. События пьесы – детство его рода. Глядя на сцену, Лето превращался в мужчину. Мальчик очень хорошо это понимал.

– Лучшая участь – та, которой не завидуют, – ритмично, нараспев произносили свою роль старики на сцене. – Предпочтительнее ограбить город, чем следовать чужим повелениям.

Перед тем как отплыть в Трою, Агамемнон принес в жертву свою дочь, чтобы заручиться попутным ветром и милостью богов. Его безумная жена Клитемнестра провела десять лет разлуки с ним, обдумывая план мести. И вот закончилась последняя битва. Цепь сигнальных огней на берегу возвестила грекам победу.

– Все действие происходит за сценой, – пробормотал Пауль, хотя он никогда не был ни прилежным читателем, ни тем более литературным критиком. Он предпочитал жить данным моментом, выжимая из реальной жизни драгоценный опыт. Всему на свете он предпочитал общество сына или солдат.

– Все просто стоят у рампы и ждут прибытия Агамемнона.

Пока хор стариков продолжал монотонно жужжать, вперед вышла Клитемнестра, готовая произнести свой монолог. Хор снова принялся за свои заунывные причитания. В это время, притворившись, что он только что сошел с корабля, на сцену вышел вестник, поцеловал землю и начал декламировать:

– Агамемнон, преславный царь! О, как заслужил ты наш восторг, наше радостное приветствие за то, что ты уничтожил Трою и Троянскую землю. Дома наших врагов в развалинах, нечем больше им умиловить своих богов, ибо уголья их разорены и выжжены.

Войны и сражения – мысли о них заставляли Лето думать о молодости отца, когда он водил войска в битвы за императора. О тех временах, когда старый герцог подавил кровавый мятеж на Эказе вместе со своим другом Домиником, который получил после этого титул графа Дома Верниусов на Иксе. В душевных разговорах с сыном герцог часто и с неподдельной любовью вспоминал те славные времена.

Пауль, не считая нужным скрывать скуку, потянулся и откровенно зевнул в темноте ложи. Леди Елена бросила на мужа негодующий взгляд, потом повернулась к сцене, не забыв безмятежно улыбнуться на случай, если бы кто-то в этот момент посмотрел на герцогскую ложу. Лето украдкой сочувственно улыбнулся отцу, а тот подмигнул сыну. Герцог и его жена играли каждый свою роль и получали от этого явное удовольствие.

На сцене наконец начали происходить какие-то события: прибыл победоносный Агамемнон в колеснице в сопровождении своей взятой на войне наложницы – безумной девицы-предсказательницы Кассандры. Клитемнестра же, замислив месть ненавистному мужу, источала притворные чувства, говоря о преданности и любви.

Старый Пауль собрался расстегнуть верхнюю пуговицу тесного ворота мундира, но Елена, уловив это желание, взяла мужа за руку, не переставая при этом ласково улыбаться.

Видя этот ритуал, вошедший в привычку родителей, Лето мысленно улыбнулся. Мать постоянно препиралась с отцом, пытаясь приучить его к соблюдению того, что она называла

«внешними приличиями». Однако старый герцог предпочитал более неформальный стиль поведения. В семье роли родителей тоже были строго поделены: отец учил сына править государством и властвовать, леди Елена же больше занималась протоколом и религиозными нормами.

Дочь Ришезов, леди Елена Атрейдедес, была рождена в Великом Доме, который утратил большую часть могущества и престижа, не выдержав тягот экономической конкуренции и перипетий политических интриг. После отстранения от правления Арракисом семья Елены сумела сохранить лицо, выдав Елену, старшую дочь, за потомка Атрейдесов. Ее сестры вышли замуж за представителей других Великих Домов.

Несмотря на различия характеров, Пауль, как он сам неоднократно признавался Лето, любил жену в первые годы брака, но потом отношения их охладели, у Пауля появились любовницы и внебрачные дети, хотя единственным официальным наследником оставался, безусловно, Лето. Шли десятилетия, вражда между супругами нарастала, теперь их брак был чисто политическим.

– В первую очередь, сынок, я женился по политическим соображениям, – сказал как-то герцог, – и никогда не желал поступить иначе. В нашем положении брак – это инструмент. Не пытайся внести в женитьбу любовь, этим ты только все испортишь.

Иногда Лето задавал себе вопрос: а любила ли сама Елена своего мужа или она была влюблена только в его титул и положение? В последнее время она приняла на себя обязанности августейшей няни, следя за тем, чтобы Пауль выглядел прилично и презентабельно. Небрежение герцога к внешним приличиям могло пагубно отразиться и на ее собственной репутации.

Тем временем на сцене Клитемнестра расстилала перед мужем красный ковер, чтобы он вошел во дворец не по земле, а по ковру. Ни о чем не подозревающий Агамемнон вошел, но Кассандра, пораженная ужасом, отказалась переступить порог дворца. Она предсказала свою смерть и убийство Агамемнона, но, конечно, прорицательницу никто не стал слушать.

Пользуясь тщательно сохраняемыми политическими каналами, мать Лето поддерживала необходимые контакты с другими могущественными Домами, в то время как герцог Пауль налаживал отношения с простыми жителями Каладана. Герцоги Атрейдедесы вели за собой подданных, служа им и получая прибыль только от своих честных экономических предприятий, не присваивая себе чужого. Атрейдедесы были богатым семейством, но без излишеств и не за счет своих граждан.

Пьеса тем временем шла своим чередом. Прибывший с поля брани победоносный военачальник отправился в баню, где его изменница жена, закутывая его в красное одеяние, нанесла ему и его ясновидящей любовнице смертельные удары кинжалом.

– Мои боги! Смертельный удар свалил меня! – прозвучал жалобный голос Агамемнона из-за сцены.

Ухмыльнувшись, Пауль наклонился к сыну.

– Мне случалось убивать многих людей на поле брани, но я ни разу не слышал, чтобы кто-то из них произнес что-нибудь подобное, – сказал он.

Елена шикнула на мужа.

– Боги, защитите меня! Еще один удар! Я умираю! – снова раздался из-за сцены голос Агамемнона.

Публика была поглощена зрелищем, а Лето постарался разобраться, как он сам относится к положению, описанному Эсхилом, какое отношение имеет трагедия к его собственной жизни. В конце концов, ведь эта пьеса – его личное наследие, наследие его семьи.

Клитемнестра призналась в убийстве, оправдываясь тем, что отомстила Агамемнону за злодейское убийство дочери, за распутство в походе и за то, что он, преступая все законы, привез в ее дом наложницу, взятую им на войне.

– Славный царь, – жалобно застонал хор, – наша скорбь безгранична, наши слезы не высыхают. Паук завлек тебя в свою смертоносную колдовскую сеть.

У Лето сжалось сердце. В отдаленном прошлом Дом Атрейдесов совершил страшные злодеяния. Но теперь семья изменилась в лучшую сторону, возможно, не в последнюю очередь под влиянием призраков истории. Старый герцог был уважаемым человеком, которого почитали члены Совета Земель и любил народ Каладана. Лето надеялся, что и он сможет быть таким, когда настанет его черед править Домом Атрейдесов.

Отзвучали последние строки трагедии, актеры пересекли сцену и подошли к рядам кресел, кланяясь политической и экономической элите города, аристократам, одетым, как подобает людям высокого звания.

– Я рад, что это наконец кончилось, – вздохнув, произнес Пауль, когда в зале зажглись основные светильники. Старый герцог встал, поцеловал жене руку и сказал:

– Ты можешь идти, дорогая, мне надо кое-что сказать Лето. Жди нас в приемном зале.

Елена взглянула на сына и спустилась в коридор древнего театра, выстроенного на древний манер, из камня и дерева. По ее взгляду было видно, что она заранее знала, что скажет Пауль, но склонилась перед древним обычаем: пока мужчины говорят о «важных делах», женщины занимаются своими пустяками в другом месте.

Купцы, важные бизнесмены и другие уважаемые деятели заполнили коридоры, потягивая каладанское вино и похрустывая закуской.

– Вот так, мальчик, – сказал Пауль, выходя в боковой коридор. Они прошли мимо двух отсалютовавших гвардейцев. На лифте отец и сын поднялись на четвертый уровень и вошли в отделанную золотом уборную. В воздухе плавали сделанные из балутского хрусталя светильники, излучавшие теплый оранжевый цвет. Когда-то эти апартаменты служили жильем одного из прославленных каладанских актеров, но теперь были предназначены исключительно для Атрейдесов и использовались ими и их советниками для решения самых секретных вопросов.

«Интересно, зачем отец привел меня сюда?» – подумал Лето.

Закрыв дверь, Пауль сел в черно-зеленое подвесное кресло, жестом предложив сыну сесть в такое же кресло напротив. Лето сел и поднял кресло повыше, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами отца. Мальчик поступал так только наедине с отцом, не смея делать этого даже в присутствии матери; которая могла бы счесть такое поведение непристойным и неуважительным по отношению к отцу. В противоположность этому, сам герцог считал, что такая раскованность и некоторое высокомерие повторяют его самого в ранней юности.

– Ты уже почти взрослый, Лето, – начал Пауль, извлекая из ручки кресла украшенную орнаментом трубку. Герцог не стал тратить времени на пустую болтовню. – Ты должен уже знать кое-что, кроме заднего двора нашего замка. Итак, я посылаю тебя учиться на Икс.

Он пылливо посмотрел на черноволосого юношу, так похожего на мать, хотя кожа его носила более светлый, оливковый оттенок. У мальчика узкое лицо с угловатыми резкими чертами и глубоко посаженными серыми глазами.

Икс! У Лето участился пульс. Планета машин. Странный и чуждый мир. В Империи каждый знает, что это планета невиданных технологий и чудесных изобретений, но на Иксе редко бывают чужестранцы. Лето был немного растерян, было такое ощущение, что он попал в шторм на утлом суденышке. Отец любил преподносить сюрпризы, приучая Лето реагировать на быстрое изменение обстановки.

Иксианцы держали под покровом секретности свою промышленную деятельность. Они славились своим умением прикрывать видимостью законности производство приспособлений, нарушающее запреты, наложенные Джихадом Слуг на изготовление думающих машин. *Но почему тогда отец посылает меня учиться именно туда и как ему удалось это устроить? И почему никто не спросил моего согласия?*

Рядом с Лето из пола вырос столик, на котором стоял стакан с соком цидрита. Вкусы молодого наследника были хорошо известны, так же как и то, что старый герцог первым делом потянется к трубке. Лето отхлебнул сок, скривил губы.

– Ты будешь учиться там год, – сказал Пауль, – согласно традиции союзных Великих Домов. Жизнь на Иксе покажется тебе большим контрастом по сравнению с нашей буколической планетой. Тебе предстоит многому научиться.

Старый герцог задумчиво посмотрел на трубку, вырезанную из элакканского дерева джакаранды. Коричневый орнамент тускло отблескивал в оранжевом свете ламп.

– Вы там были, сэр, – понимающе улыбнувшись, спросил Лето, – чтобы повидаться со своим другом Домиником Верниусом, не так ли?

Пауль нажал на зажигательное устройство, вмонтированное в трубку. Табак начал тлеть. Собственно говоря, это был не табак, а золотистая морская водоросль, богатая никотином. Пауль глубоко затянулся и не спеша выдохнул облако дыма.

– Не только, причин было несколько. Иксианцы – изолированное общество, они не доверяют иностранцам. Поэтому тебе придется пройти множество досмотров, допросов и сканирований. Они понимают, что малейшее ослабление бдительности может оказаться для них фатальным. Великие и Малые Дома жаждут получить то, чем обладает Икс, чтобы использовать его достижения в своих целях.

– Например, Ришезы, – произнес Лето.

– Не говори этого твоей матери. Ришезы теперь – бледная тень того, чем они были до того, как Икс разорил их в ходе изнурительной экономической войны.

Он наклонился вперед и выпустил еще один клуб дыма.

– Иксианцы – мастера промышленного саботажа и торговли патентами. В наши дни Ришезы могут только делать дешевые копии, но не имеют права внедрить ни одного изобретения.

Лето задумался над этими комментариями, которые были для него новостью. Старый герцог выпустил облако дыма и надул щеки, отчего борода встала дыбом.

– Из уважения к твоей матери мы фильтровали информацию, которую ты получал. Дом Ришезов – это действительно трагические потери. Твой дед, граф Ильбан Ришез, имел многочисленную семью и с большим удовольствием проводил время со своими отпрысками, нежели занимался делами. В результате дети выросли совершенно избалованными, и все состояние некогда Великого Дома растаяло, как летний туман.

Лето кивнул, как обычно, внимательно прислушиваясь к словам отца. Но он уже знал больше, чем мог вообразить Пауль. Он слушал записи и просматривал видеофильмы, которые его прокторы непреднамеренно оставляли в местах, доступных ребенку. Теперь он понял, что эта небрежность была частью тщательно разработанного плана. История семьи его матери должна была раскрыться перед глазами Лето, как цветок – лепесток за лепестком.

В связи с семейным интересом к семье Ришезов Лето находил равно интригующим и непонятным мир Икса. Дом Верниусов, некогда бывший промышленным конкурентом Дома Ришезов, стал ныне мощной технологической державой. Королевская семья Икса была одной из богатейших в Империи, и именно туда поедет учиться Лето.

Слова отца вывели Лето из задумчивости.

– Твоим партнером по обучению станет принц Ромбур, наследник благородного титула Верниуса. Надеюсь, что вы поладите. Вы приблизительно одного возраста.

Принц Икса. Мысли Лето омрачились. Надо надеяться, что этот молодой человек окажется не таким испорченным, как большинство других отпрысков влиятельных семейств Совета Земель. Лучше бы это была принцесса с таким личиком, как у дочери банкира Гильдии, девочки, с которой он познакомился в прошлом году на балу, посвященном Зимнему Солнцестоянию.

– И как выглядит этот принц Ромбур? – спросил Лето.

Пауль рассмеялся, что служило признаком, что сейчас последует рассказ о романтических, равно как и не очень пристойных, историях.

– Ну откуда же я знаю? Я слишком давно был в гостях у Верниуса и его жены Шандо.

Он улыбнулся своим мыслям.

– Ах, Шандо... Когда-то она была императорской наложницей, но Доминик похитил ее прямо из-под носа старика Эльруда. – Он громко, неприлично рассмеялся. – Теперь у них сын, да и дочь. Ее зовут Кайлея.

Загадочно улыбаясь, старый герцог продолжал:

– Тебе многому придется научиться, мой мальчик. Через год вы оба приедете сюда, чтобы учиться и на Каладане. Ты и Ромбур поработаете на рисовых фермах в болотистой низине Южного континента, будете жить в хижинах и работать на полях. Ты совершишь подводное путешествие в камере Нелла и научишься нырять за коралловыми геммами. – Он улыбнулся и похлопал сына по плечу. – Есть вещи, которым не научишься по фильмам и в классе.

– Да, сэр.

Лето ощутил сладковато-йодный запах табака из водорослей. Он нахмурился, надеясь, что дым скрыл выражение его лица. Такое изменение образа жизни было ему не по нраву, но он уважал своего отца; на собственном опыте Лето познал, что отец никогда не бросает слов на ветер и его единственным искренним желанием было, чтобы сын пошел по его стопам. Старый герцог хотел, чтобы это желание непременно исполнилось.

Герцог откинулся на спинку кресла и принялся раскачиваться.

– Парень, я вижу, что ты не очень доволен тем, что тебе предстоит, но это будет прекрасная школа для тебя и сына Доминика. Здесь, на Каладане, вы поймете, как нам удается держать в повиновении наших подданных, добившись от них безусловной верности, почему мы можем доверять своим людям, чего не могут позволить себе иксианские правители.

Пауль посерьезнел. В его глазах не было больше насмешливого выражения.

– Сын мой, есть одна очень важная вещь, которую ты должен понять: на их индустриальной планете люди гораздо важнее любых машин.

Это была любимая поговорка отца; фраза отражала сущность старого герцога. Для него эта истина была так же важна, как дыхание.

– Именно поэтому наши солдаты сражаются так доблестно.

Пауль подался вперед, утонув в облаке дыма, которое только что выдохнул.

– Настанет день, мальчик, когда ты станешь герцогом, патриархом Дома Атрейдесов. Ты займешь подобающее тебе место в Совете Земель. Твой голос будет иметь такое же право, как голос любого правителя из Великого Дома. Это очень большая ответственность.

– Я справлюсь с ней.

– Я уверен в этом, Лето... но пока успокойся. Люди могут понять, что ты несчастлив, а если несчастлив герцог, то несчастливы и его подданные. Пусть все тяготы проходят сквозь тебя и над тобой; только тогда они не смогут причинить тебе вред. – Он предостерегающе поднял палец. – Больше радуйся.

Радость. Лето снова подумал о дочери банкира Гильдии. Представил себе полную округлость ее груди и бедер, влажный чувственный рот, ее соблазнительный, зовущий, околдовывающий взгляд.

Наверно, он не так серьезен, как думает его отец...

Лето сделал еще один глоток цидритного сока, горьковатая прохлада ласково пощекотала горло.

– Сэр, при вашей проверенной лояльности, при известной всем верности Атрейдесов своим союзным обязательствам, почему иксианцы подвергают нас столь многочисленным про-

веркам? Неужели вы думаете, что Атрейдесы со всеми их чертами могут стать предателями? Можем ли мы стать такими, как... как Харконнены?

Старый герцог нахмурился.

– Было время, когда мы не очень отличались от них, но ты еще не готов слушать эти истории. Вспомни пьесу, которую мы только что смотрели. – Он поднял палец. – Обстоятельства и вещи меняются. Союзы образуются и разваливаются по малейшей прихоти.

– Но не *наши* союзы.

Пауль выдержал взгляд серых глаз сына, потом отвернулся и посмотрел в угол, где стояла дымовая завеса от его трубки.

Лето вздохнул. Он хотел знать так много и немедленно, и ему давали это знание, но слишком маленькими порциями, такими угощали гостей на вечерах, которые устраивала мать.

Было слышно, как за дверью ходили люди, убиравшие театр для следующего представления «Агамемнона». Актерам надо отдохнуть, переодеться и подготовиться к встрече с новой публикой.

Сидя здесь, в этой потайной комнате вместе с отцом, Лето с небывалой до сих пор острой ошущил, что он уже мужчина. Может быть, в следующий раз он тоже закурит трубку и будет пить что-то покрепче, чем цидритный сок. Пауль смотрел на сына с нескрываемой гордостью.

Лето улыбнулся в ответ и попытался вообразить, каково это: быть герцогом Атрейдесом. Потом его охватило внезапно нахлынувшее чувство вины: ведь для того, чтобы он сам стал герцогом, должен умереть его отец; только тогда он наденет знак герцогского достоинства – кольцо Атрейдесов. Он не хотел этого и был очень рад, что впереди еще много времени. То было настолько далекое будущее, что о нем не стоило даже думать.

Космическая Гильдия: одна из опор политического треножника, на котором зиждется Великое Соглашение. Гильдия стала второй по счету школой психофизической тренировки (см. Бене Гессерит) после Джихада Слуг. Монополия Гильдии на космическое сообщение, транспорт и ее роль в банковском деле настолько важны, что время основания Космической Гильдии принято за точку отсчета Имперского Летосчисления.

Терминология Империи

С высоты Трона Золотого Льва Эльруд IX скосил глаза вниз на стоявшего у подножия помоста широкоплечего, излишне самоуверенного человека, который осмелился поставить обутую в пыльный ботинок ногу на нижнюю ступень трона. Лысый, как мраморный набалдашник перильной балясины, граф Доминик Верниус продолжал вести себя, как популярный и живописный герой многочисленных войн, хотя они остались в далеком прошлом. Сомнительно, чтобы кто-то вообще помнил те славные времена безудержной отваги и доблести.

Имперский канцлер, Эйкен Хесбан, торопливо подбежал к Доминику и коротко приказал ему убрать дерзкую ногу со ступени. Лицо Хесбана отливало нездоровой желтизной, рот обрамляли длинные вислые усы. Лучи послеполюденного кайтэйнского солнца отбрасывали светлые полосы на стены, рисуя золотистые ручейки на стеклах узких призматических окон.

Граф Верниус Иксианский убрал со ступени ногу, как приказал ему канцлер, но продолжал почтительно смотреть в лицо императору. Иксианский гребень – пурпурно-медный завиток – украшал ворот парадного мундира. Хотя Дом Коррино был гораздо могущественнее, чем правящее семейство Икса, Доминик вел себя с императором как с ровней, будто их прошлое – история взлетов и падений обоих родов – давало ему право не придерживаться формальностей этикета. Канцлер Хесбан явно не одобрял такие манеры графа.

Несколько десятилетий назад Доминик водил в бой имперские легионы. Было это во время кровопролитных гражданских войн, и с тех пор граф не слишком величал императора. Эльруд тогда собственными руками вверг себя в Политический скандал, заключив скоропалительный брак с четвертой женой по имени Хабла. Для сохранения стабильности нескольким

вождям Совета Земель пришлось использовать всю свою военную силу. Дом Верниусов, так же как и Дом Атрейдесов, оказался в числе таких вождей.

И вот теперь Доминик, пряча в усах усмешку, дерзкими глазами рассматривает императора. Старый стервятник не заслужил трон великими деяниями или подвигами. Один из родственников Доминика когда-то сказал: «Если ты рожден для власти, то должен доказать это делом или отступить. Делать что-то меньшее просто бессовестно».

Доминика обуревало нетерпение. Он стоял на выложенном полированными плитами полу, едва удерживая желание переминаясь с ноги на ногу. Говорили, что эти камни собраны со всей Империи – по одному с каждой планеты. Когда же Эльруд соизволит заговорить? *Миллион планет? Невозможно, чтобы здесь был миллион плит, но пусть меня повесят, если я стану их пересчитывать.*

Канцлер посмотрел на Доминика с таким выражением, словно всю жизнь питался только кислым молоком. Но Верниуса не проймешь такими дешевыми фокусами, он вполне способен вести самостоятельную игру и не станет вилять хвостом и интересоваться, зачем понадобился он императору. Он продолжал стоять, приветливо улыбаясь старику. Выражение лица Доминика и его ясные глаза говорили о том, что он многое знает о старом императоре – гораздо больше, чем рассказывала о нем Шандо, но подозрения все равно терзали Эльруда словно отравленный нож в ране.

Доминик заметил справа какое-то движение. Граф скосил глаза в ту сторону и увидел женщину, закутанную в черное покрывало. Одна из ведьм Бене Гессерит. Лица женщины не было видно из-под накинутаго на голову капюшона. Известные собирательницы тайн, эти ведьмы вечно крутились около власти, все время наблюдая... все время манипулируя.

– Я не стану спрашивать тебя, Верниус, правда ли это, – заговорил наконец император. – Мои источники не ошибаются, и я знаю, что ты совершил этот ужасный акт. Иксианская технология! Подумать только!

Он сделал такое движение иссохшими губами, словно собирался плюнуть от отвращения. Доминик не стал в ответ закатывать глаза к небу, зная, как обожает Эльруд эффекты мелодраматических жестов.

Доминик продолжал улыбаться, демонстрируя безупречные зубы.

– Мне неизвестно ни о каких «ужасных актах», сир. Спросите у своей Вещающей Истину, если не верите мне.

Доминик выразительно посмотрел на женщину в черном.

– Семантическая игра. Не строй из себя идиота, Доминик.

Граф, однако, продолжал терпеливо ждать, желая заставить императора выразаться яснее.

Император изобразил на лице ярость, его примеру последовал и канцлер.

– Твои проклятые корабли новой конструкции позволяют Гильдии, этому чертовому монополисту, перевозить за каждый полет на *шестнадцать процентов* больше груза.

Продолжая сдержанно улыбаться, Доминик поклонился.

– На самом деле, милорд, мы можем добиться увеличения на целых восемнадцать процентов. Это существенное усовершенствование по сравнению с прежними моделями. Потребовалось создать не только принципиально новый корпус, но и изменить систему защиты, которая теперь стала легче и занимает меньше места. Отсюда и большая эффективность. В этом заключается суть иксианского нововведения, которое на много столетий сделало могущественным Дом Верниусов.

– Ваши изменения привели к тому, что кораблям Гильдии требуется выполнять меньше рейсов для того, чтобы перевезти равные количества грузов.

– Но это же естественно, сир.

Доминик посмотрел на императора, как на непроходимо тупицу.

– Если увеличить грузоподъемность корабля, то потребуется меньше рейсов для перевозки общего количества груза. Это же простая математика.

– Твое изобретательство создает большие трудности императорскому дому, граф Верниус, – вступил в разговор канцлер Эйкен Хесбан, комкая золотую цепь, как носовой платок. Вислые усы придавали Эйкену сходство с моржом.

– Мне кажется, я понимаю причину вашего недалёковидного недовольства, сир, – ответил Доминик, не соизволив обратить внимание на реплику напыщенного ничтожества – канцлера. Имперским налогом обладалось количество рейсов, а не вес перевозимого груза, поэтому, естественно, новое иксианское изобретение ударило по доходам Дома Коррино.

Доминик протянул вперед покрытую шрамами мощную руку, которая сама по себе выглядела достаточно убедительно.

– Но как можно требовать, чтобы мы, повинувшись собственной глупости, затормозили поступь прогресса? Действия Икса ни в коем случае не противоречат ограничениям Великого Переворота. Нас полностью поддерживают Космическая Гильдия и Совет Земель.

– И ты пошел на это, зная, что твой поступок навлечет на тебя мой гнев? – Эльруд рванулся вперед, став еще больше похожим на большую хищную птицу.

– Ну что вы, сир! – Доминик рассмеялся, сделав карикатурным гнев императора. – Личные чувства не могут иметь места на дороге промышленного прогресса.

Эльруд вскочил. Пышные императорские одежды свободно висели на его костлявом теле.

– Я не могу провести новые переговоры с Космической Гильдией, чтобы взимать налог с количества метрических тонн, и ты это знаешь, Верниус!

– Но я не могу изменить простые законы экономики и коммерции. – Он недоуменно покачал своей лысой головой. – Это же бизнес, Эльруд.

Придворные затаили дыхание, слушая, как прямодушно и бесцеремонно общается с императором Доминик Верниус.

– Не забывайте, – предостерегающе прошипел канцлер.

Но Доминик продолжал, не обращая внимания на Эйкена:

– Новая конструкция затрагивает интересы многих людей, и большинство из них относятся к нововведениям положительно. Мы озабочены только прогрессом и тем, чтобы как можно лучше выполнить заказ нашего клиента – Космической Гильдии. Должен сказать, что стоимость нового корабля превышает стандартно-годовой бюджет иных планетных систем.

Эльруд уставился на графа тяжелым взглядом.

– Вероятно, настало время, чтобы мои администраторы и аудиторы проверили состояние твоих производственных мощностей. – Тон императора стал угрожающим. – У меня есть донесения о том, что на Иксе тайно разрабатываются мыслящие машины, что противоречит законам, установленным после Джихада. Слышали мы также и о репрессиях, которые терпит рабочий класс, не так ли, Эйкен?

– Да, ваше величество, – с суровым видом подтвердил канцлер.

– До меня такие слухи не доходили, – не очень уверенно проговорил Верниус, усмехнувшись. – У меня нет никаких данных на этот счет.

– Увы, это были анонимные доносы, и у нас не сохранились записи. – Император шелкнул костлявыми пальцами с длинными ногтями, и на его лице неожиданно заиграла довольная улыбка. – Да, мне кажется, что самое лучшее – это послать на Икс негласную инспекцию, да так, чтобы ты не смог предупредить о ней.

– Вы не имеете права вмешиваться во внутренние дела Икса; так записано в долгосрочном пакте между Империей и Советом Земель. – Доминик начал злиться, но старался сохранить спокойствие.

– Я ни с кем не заключал такого соглашения. – Эльруд с преувеличенным интересом принялся рассматривать свои ногти. – А я уже очень давно император.

– Этот пакт заключил ваш предшественник, и договор связывает вас.

– В моей власти не только заключать, но и разрывать пакты. Мне кажется, что ты не понимаешь, что я – падишах император и могу поступать так, как мне заблагорассудится.

– Совет Земель найдет, что сказать по этому поводу, *Руди*.

Доминик в ту же секунду пожалел о том, что произнес это уменьшительное прозвище императора, но было уже поздно; слово – не воробей.

Побагровев от ярости, император вскочил на ноги, уставив в Доминика трясущийся палец.

– Как ты смеешь?

Сардаукары взяли оружие на изготовку.

– Если вы будете настаивать на имперской инспекции, – презрительно отмахнувшись, ответил Доминик, – то я буду сопротивляться всеми доступными для меня средствами. Я обращаюсь с формальной жалобой в суд Совета Земель. У вас нет повода для такой инспекции, и вы прекрасно это знаете.

Он поклонился и отступил на несколько шагов.

– Я чрезвычайно занят, сир. Простите меня, но мне пора идти.

Эльруд смотрел на Доминика испепеляющим взглядом. Прозвище, которым назвал его граф... *Руди*. Оба знали, что таким именем называла Эльруда его бывшая наложница, красавица Шандо, ставшая теперь леди Верниус.

После подавления эказского мятежа император Эльруд щедро наградил доблестного молодого Доминика и одарил его новыми ленами, включая несколько планет системы Алкау-ропс. По приглашению Эльруда молодой граф Верниус много времени проводил при дворе. Героя войны рассматривали как украшение имперских банкетов и придворных церемоний. Отличавшийся сердечностью Доминик был в то время весьма популярен, его охотно приглашали на обеды, стараясь заполучить в гости этого гордого, не обделенного чувством юмора человека.

Но именно тогда Доминик познакомился с Шандо, одной из многочисленных наложниц императора. В то время Эльруд был не женат; его последняя жена Хабла умерла пять лет назад, а он уже имел двух взрослых наследников, правда, старшего из них, Фафнира, отравили в том же году. Император продолжал держать при себе красивых молодых женщин, хотя весьма редко ложился с ними в постель.

Доминик и Шандо полюбили друг друга, но скрывали свои опасные чувства на протяжении многих месяцев. Было ясно, что Эльруд потерял к ней всякий интерес; ведь их связь продолжалась уже пять лет, и когда Шандо попросила освободить ее и позволить покинуть императорский двор, то император, хотя и несколько озадаченный, согласился. Не мог же он отказать своей любимой наложнице в такой пустяковой просьбе.

Другие наложницы считали Шандо полной дурой – разве можно добровольно отказываться от роскоши и потакания любым капризам, – но Шандо была непоколебима: хватит вести праздную жизнь, пора выходить замуж и рожать детей. Эльруд, естественно, не собирался брать ее в жены.

Как только Шандо уволили с императорской службы, они немедленно поженились с Домиником, не обставляя церемонию пышными празднествами, но скрепив свои узы законом.

Как только Эльруд узнал, что кто-то еще пожелал Шандо, в нем разыгралась мужская гордость... но было слишком поздно. Он возненавидел Доминика, как муж-рогоносец ненавидит счастливого соперника. Какими их постельными тайнами поделится Шандо со своим мужем?

Руди.

Ведьма Бене Гессерит, вертевшаяся поблизости, спряталась за гранитной колонной. Из-за капюшона, накинутого на ее лицо, Доминик не мог понять, радуется женщина или, наоборот, расстроена таким поворотом событий.

Усилием воли заставив себя не дрожать и не суетиться, Доминик не спеша прошел мимо сардаукаров и вышел в коридор, ведущий на улицу. По сигналу императора его могли сейчас убить.

Доминик ускорил шаг.

Представители рода Коррино славились своим опрометчивым поведением. Они часто совершали преступления в пылу гнева, но откупались от суда, пользуясь своими несметными фамильными богатствами. Убийство главы Дома Верниусов во время императорской аудиенции могло стать одним из таких опрометчивых поступков, если бы не заинтересованность Космической Гильдии. Гильдия с большой симпатией относилась к Иксу, осыпая эту планету всяческими благодеяниями; Гильдия приняла новую конструкцию кораблей, и никто, включая императора вместе с его звероподобными сардаукарами, не мог противостоять Гильдии.

Какая ирония судьбы! Вооруженная до зубов армия императора была бессильна против Гильдии, которая не имела вообще никакого вооружения. Но без Гильдии и ее навигаторов, способных прокладывать маршруты сквозь свернутое пространство, не было бы никакого межгалактического сообщения и не было бы империи, которой мог бы править Эльруд. Гильдия могла моментально прекратить поставки вооружений в любую точку Известной Вселенной, прекратив тем самым любые военные действия. Какая тогда польза от сардаукаров, если они не смогут покинуть пределы Кайтэйна?

Доминик прошел под аркой из салусской лавы и благополучно добрался до главного выхода, где три гвардейца провели его через сканирующее устройство.

К сожалению, защита Гильдии имела свои границы.

Доминик не испытывал к старому императору никакого уважения. Он искренне пытался скрыть свое презрение к склонному к патетическим эффектам правителю миллиона миров, но он совершил роковую ошибку, когда отнесся к императору просто как к человеку, как к бывшему любовнику своей жены. Оскорбленный Эльруд мог в припадке ярости уничтожить целую планету. Император был мстительным субъектом. Как и все из рода Коррино.

У меня есть кое-какие связи, думал император, глядя, как уходит из дворца его противник. Я могу подкупить рабочих, которые изготавливают части новых кораблей, хотя это может оказаться трудным делом – говорят, что субоиды совершенно безмозглы. Но ничего, я могу найти и других людей, которых Доминик в свое время оттолкнул, восприняв их помощь как нечто само собой разумеющееся. Твоя ошибка в том, что ты не заметишь их.

Мысленным взором император видел теперь свою возлюбленную Шандо, вспоминая самые интимные моменты их связи. Как давно это было – несколько десятков лет назад. Застеленная красными простынями постель, благовонные курения, зеркальные светильники. Как император он мог выбрать для себя любую женщину. Эльруд выбрал Шандо.

Два года она была любимой наложницей, даже тогда, когда была еще жива его жена Хабла. У Шандо была хрупкая кость, вся она походила на изящную фарфоровую статуэтку. Ее внешность очень подходила тепличным условиям Кайтэйна; но Эльруд, как никто другой, знал, что у Шандо твердый характер и развитый здравый смысл. Они часто развлекались составлением головоломок из многоязычных слов. Когда он звал ее в императорские покои, она шептала ему на ухо: «Руди». Она громко выкрикивала это слово в порыве страсти.

Он очень хорошо помнил ее голос.

Руди... Руди... Руди...

Будучи простолюдинкой, Шандо просто не могла стать женой императора. Об этом даже не шла речь. Главы королевских Домов редко женились на своих наложницах, а императоры – никогда. Напористый молодой Доминик уловками и лестью заставил Шандо просить для себя свободы. Он обманул Эльруда, увез Шандо на Икс и тайно женился на ней. Совет Земель выразил свое удивление позже, но, несмотря на скандал, этот брак оказался на удивление прочным.

Да и Совет Земель, несмотря на все старания императора, оставил без последствий поданную им жалобу. В конце концов, Доминик женился на девушке, а император никогда не выражал такого намерения. Все, таким образом, было сделано по закону. Несмотря на мелкую, недостойную императора ревность, Эльруд не мог при всем желании обвинить Шандо ни в неверности, ни в нарушении каких-то обязательств.

Но Доминик Верниус знал ласковое прозвище, с которым обращалась к нему Шандо в порыве нежной страсти. Что еще рассказала Шандо мужу? Эти мысли терзали императора, как гнойная язва.

На экране наручного монитора было видно, как Доминик подошел к сканирующему устройству, как по телу графа скользит светлый луч. Этот сканер тоже был порождением инженерного гения Икса.

Можно послать сигнал, и заряженный энергией луч навсегда превратит Доминика в безмозглое животное. *Внезапная вспышка энергии... Страшное несчастье...* Какая ирония судьбы в том, что Эльруд воспользуется иксианской техникой, чтобы убить графа Иксианского.

О, как ему хотелось сделать это немедленно! Но нет, не сейчас. Еще не время, будут неудобные вопросы, даже, может быть, расследование. Такая месть – дело очень тонкое, такое надо тщательно спланировать и подготовить. Вот тогда внезапный удар и одержанная победа доставят Эльруду куда большее удовлетворение.

Он выключил монитор, и экран погас.

Стоявший рядом с массивным тронном канцлер Эйкен Хесбан не стал спрашивать, почему улыбается император.

*Наивысший смысл экологии – умение предвидеть последствия.
Пардот Кинес. Экология планеты Бела Тегез. Предварительный
доклад имперскому правительству*

Мерцающая над тонкой, как лезвие бритвы, линией горизонта, прозрачная атмосфера вдруг наполнилась пастельными красками восхода солнца. В считанные секунды целомудренная неподвижность изборожденного трещинами ландшафта Арракиса оказалась залита теплым светом... Это был настоящий потоп ярчайшей белизны и нестерпимого, обжигающего зноя. В сухом воздухе, над горизонтом, без предшествующих сумерек, внезапно явилось огромное белое солнце.

Наконец-то он оказался на этой пустынной планете. Пардот Кинес с наслаждением втянул в легкие жаркий сухой воздух, потом, спохватившись, натянул на рот и нос специальную маску, сохраняющую в организме влагу. Слабый утренний ветерок шевелил редкие, песочного цвета волосы планетолога. Он пробыл на Арракисе всего четыре дня, но уже успел понять, что этот затерянный, безлюдный мир хранит столько тайн, что их можно открывать всю оставшуюся жизнь.

Кинес предпочел бы отправиться в экспедицию самостоятельно – без посторонних, вооружившись только нужными инструментами и научным журналом. Следовало в первую очередь изучить характер вулканических скал и исследовать слоистый характер строения дюн.

Однако случилось так, что Глоссу Раббан, племянник барона и, очевидно, наследник Дома Харконненов, в то же самое время собрался поохотиться в глубинах пустыни на легендарного песчаного червя. От такой окации не смог отказаться даже такой фанатик планетологии, как Пардот Кинес.

Простой планетолог – ученый, а не воин – выглядел в свите Раббана довольно причудливо, если не сказать странно. Выходя в пустыню, воинские подразделения Харконненов получали массу вооружения и взрывчатки с центрального военного склада. Охотничья экспедиция Глоссу не стала в этом отношении исключением. Вездеход вел человек по имени Текар, который, как поговаривали, жил когда-то в одной из деревень пустыни, хотя в настоящее время

он занимался в Карфаге продажей воды. Его фрименская внешность была ярче, чем он хотел бы показать окружающим, но было похоже, что Харконненов это обстоятельство занимало не слишком сильно.

У Раббана не было четко разработанного плана выслеживания и преследования таинственного зверя пустыни. Не хотел Глоссу появляться и на разработках, чтобы не мешать добыче пряности. Он хотел вволю поохотиться и лично, если повезет, убить пресловутую тварь. Он взял с собой все вооружение, которое сумел найти на складе. Оставалось только положиться на инстинкт разрушения.

За несколько дней до этого Кинес прибыл на планету в корабле дипломатического ведомства. Космическое судно приземлилось в довольно грязном, хотя и относительно недавно построенном городе. Кинесу не терпелось начать работу, и он в тот же день представил подписанные императором документы о назначении на Арракис самому барону Харконнену. Мускулистый, жилистый рыжеволосый мужчина внимательно просмотрел бумаги, потом удостоверился в подлинности имперской печати. Сжав тонкие губы, он некоторое время помолчал, затем неохотно процедил сквозь зубы, что готов сотрудничать с планетологом, но только в том случае, если он не станет мешать добыче пряности.

Кинес поклонился:

– Больше всего на свете я люблю одиночество. Я всегда работаю один и никогда никому не мешаю, милорд барон.

Первые два дня своего пребывания в городе Пардот потратил на приобретение пустынной экипировки, беседы с жителями отдаленных деревень, изучение легенд, мер предосторожности, обычаев и местных тайн. Понимая всю важность предприятия и его трудность, Кинес не поскупился на приобретение лучшего защитного костюма, парамагнитного компаса, аппарата для дистилляции воды и надежной записывающей аппаратуры.

Говорили, что в бескрайней пустыне жили таинственные племена фрименов. Кинес с радостью поговорил бы с ними, чтобы понять, как они научились выживать в такой суровой и страшной пустыне, но те фримены, которые находились в Карфаге, оказались на редкость скрытными и спешили прочь, как только Кинес пытался обратиться к ним...

Сам город не вызвал у Пардота Кинеса никакого интереса. Дом Харконненов занимался активным строительством главных зданий около четырех десятилетий назад, когда происки Гильдии позволили Харконненам получить Арракис в ленное владение. Карфаг был воздвигнут в рекордно короткие сроки, само строительство показало, на что способен человек в своем стремлении. Дома складывали из простых кубических элементов, пользуясь некондиционными материалами. Здания отличались подчеркнутой функциональностью; об эlegantности и архитектурных изысках никто и не помышлял.

Карфаг выглядел на Арракисе как квадратная затычка в круглом отверстии. Он не *втискивался* в окружающую природу, оскорбляя чувство пропорции, свойственное Кинесу. Планетолог обладал врожденной способностью видеть, как складываются в единую экосистему элементы в мире природы. Но этот центр народонаселения выглядел словно нарыв на коже Арракиса.

Был на планете еще один аванпост цивилизации; он назывался Арракин и располагался на юго-западе, возле горного хребта, называемого Защитным Валом. Это поселение строилось медленно, было более естественным, и Кинес подумал, что надо было первым делом ехать в Арракин, но политические соображения заставили его основать свою базу в Карфаге, поближе к резиденции правителей.

Кроме того, именно они позволили ему принять участие в поисках песчаного червя.

Мощный транспортный орнитоптер с группой охотников легко оторвался от земли и поднялся в воздух. Вскоре Кинес впервые увидел воочию, что такое пустыня Арракиса. Кинес не мог оторвать зачарованный взор от волнистой поверхности затерянного мира. По опыту работы

в других пустынных регионах он мог оценить строения дюн. Форма и извилистые борозды рассказывали об особенностях сезонных изменений направления господствующего ветра, о воздушных течениях и песчаных бурях. Очень многое можно узнать по складкам на поверхности песка – этим своеобразным отпечаткам пальцев погоды. Кинес прижался лицом к плазу иллюминатора; никто из пассажиров орнитоптера не разделял его интереса.

Сидевшие в воздушном судне военные ерзали на своих местах, мучаясь от жары в плотной синей форме и тяжелом вооружении. В кабине стоял неумолчный лязг оружия. Солдаты чувствовали себя неуютно без персонального защитного экрана, но вместо него имелся общий защитный экран, поле Хольцмана которого могло уничтожить любого оказавшегося поблизости червя. Сегодня Раббан хотел сам убить зверя.

Глоссу Раббан, которому миновал двадцать один год, сын бывшего бесталанного правителя Арракиса, сидел рядом с пилотом, высматривая на песке цель. Широкоплечий, с коротко остриженными каштановыми волосами, юноша обладал низким голосом и совсем не обладал терпением. С обожженного солнцем лица на мир холодно смотрели ледяные голубые глаза. Раббан делал все возможное, чтобы не походить на своего незадачливого отца.

– Увидим ли мы с неба следы червя? – спросил он.

Ответил Текар, сидевший за спиной Раббана и дышавший тому в затылок:

– Песок прикрывает и маскирует маршруты передвижения червя. Очень часто червь движется на большой глубине и становится виден только тогда, когда приближается к поверхности, готовясь к атаке.

Высокий, угловатый Кинес внимательно прислушивался к словам Текара, стараясь запомнить все услышанное. Записи в журнал придется делать позже.

– Но тогда как мы его найдем? Я слышал, что пустыня буквально кишит ползающими по ней червями.

– Не так все просто, милорд Раббан, – ответил Текар. – У больших червей есть свои владения, или, как их называют, домены. Некоторые из них имеют площадь в сотни квадратных километров. В своих владениях черви атакуют и убивают любого пришельца.

От нетерпения Раббан заерзал в кресле. Лицо его потемнело.

– Но как мы узнаем, что вступили в домен червя?

Текар улыбнулся, его близко посаженные темные глаза приняли отчужденное выражение.

– Вся пустыня принадлежит: Шай-Хулуду.

– Я спросил *как!* Перестань увливать от моих вопросов. – Кинесу показалось, что в следующую секунду Раббан двинет Текара в челюсть.

– Вы так долго прожили на Арракисе и до сих пор не знаете этого, милорд Раббан? – удивленно спросил Текар. – Фримены считают больших червей богами, – невозмутимо произнес человек пустыни. – Собирательное наименование этих богов – Шай-Хулуд.

– Значит, сегодня мы убьем бога, – громко объявил Раббан, чем развеселил остальных охотников. Он резко обернулся к проводнику: – Через пару дней я уезжаю на Гьеди Первую, и мне необходимо взять с собой трофей. Охота *будет* успешной.

Гьеди Первая, подумал Кинес. *Родовое гнездо Харконненов. По крайней мере он не будет мешать мне своим присутствием.*

– Вы получите свой трофей, милорд, – пообещал Текар.

– В этом нет никакого сомнения, – сказал Раббан, но тон его был зловещим.

Кинес сидел в хвосте орнитоптера, облаченный в пустынную амуницию. Он очень неуютно чувствовал себя в этой компании. Ему были совершенно неинтересны охотничьи амбиции юного племянника барона, но если удастся увидеть чудовище, то это окупит неудобства. Сам он потратил бы на это много дней или недель.

Раббан пристально смотрел на пустыню через передний иллюминатор. Слегка раскосые глаза смотрели из-под толстых складок кожи. Отпрыск баронов смотрел на пустыню как на

лакомство, которое он собирается отведать. Его совершенно не интересовали красоты пустынного ландшафта, расстилавшегося внизу.

– У меня есть план, и вот как мы будем ему следовать, – снова заговорил Раббан. Он обернулся к своим солдатам и включил связь с орнитоптерами-разведчиками, летевшими рядом. Разведчики, словно хищники, кружили над открытым песком. Складки местности выглядели как морщины на стариковском лице.

– Вон та скала, – он показал на нее пальцем и громко объявил координаты, – будет нашей базой. В трехстах метрах от скалы мы опустимся и оставим там Текара с приспособлением, которое называется вибратором. После этого мы поднимемся на вершину скалы, где будем в полной безопасности, ибо червь не сможет туда залезть.

Жилистый житель пустыни явно встревожился:

– Оставить меня там? Но, милорд, я не...

– Даже если ты не сможешь это сделать сам, то все равно червь явится на удары инструмента. Взрыв уничтожит зверя до того, как он успеет расправиться с тобой.

– Это меня успокаивает, милорд, – произнес Текар.

Заинтригованный орудием фримена, Кинес решил, что тоже приобретет себе вибратор. Ему очень хотелось пожить бок о бок с фрименами, понять, как они передвигаются по пескам, как избегают раздражать сотрясениями песка «Старика Пустыни». Но сейчас планетолог понимал, что должен сидеть тихо, как мышка, чтобы горячий на расправу Раббан не отправил его вместе с Текаром.

В хвосте орнитоптера Батор, командир отряда солдат, и его подчиненные начали разбирать сваленные на полу лазерные ружья. Вместе с механизмом, который Текар взял с собой, с *вибратором*, солдаты сложили взрывчатку.

Любознательный Кинес сразу понял, что вибратор – это просто пружинный механизм, похожий на кол, который передает на конец цилиндра сильные повторяющиеся импульсы, заставляя всю конструкцию вибрировать в продольном направлении. Когда вибратор втыкают в песок, он начинает посылать в глубь пустыни сотрясения, которые и улавливает «Шай-Хулуд».

– Как только мы тебя высадим, сразу же разложи взрывчатку, – инструктировал Раббан Текара. – Двигатели орнитоптера вызовут сотрясение почвы, и червь приползет, не дожидаясь, когда тыпустишь в ход эту фрименскую игрушку.

– Это мне очень хорошо понятно, милорд Раббан, – сказал Текар. Его оливковая кожа приобрела сероватый оттенок, на лбу выступил холодный пот. Человеку было страшно.

Стойки орнитоптера мягко коснулись песка, взметнув кверху небольшой бурн. Открыли люки, Текар – теперь преисполненный решимости – схватил вибратор и, расставив ноги, прыгнул на мягкий песок. Он бросил тоскливый взгляд на орнитоптер, потом повернул голову в сторону сомнительного убежища – скалистой гряды, которая высилась приблизительно в трехстах метрах от этого места.

Батор передал взрывчатку злополучному сыну пустыни, и Раббан дал знак поторопиться.

– Надеюсь, что червь не сожрет тебя, мой друг, – со смехом сказал Раббан Текару. Не успели захлопнуться люки орнитоптера, как машина взмыла вверх, оставив Текара один на один с пустыней и ее страшными обитателями.

Кинес и солдаты кинулись к правому борту транспортного орнитоптера, чтобы увидеть, что будет делать проводник, оставленный в песках. Текар на их глазах превратился во фримена пустыни, забывшего о цивилизации.

– Простите, но сколько взрывчатки требуется, чтобы убить червя? – с любопытством спросил Кинес.

– У Текара ее достаточно, планетолог, – ответил Батор. – Во всяком случае, мы дали ее столько, что хватит стереть с лица земли небольшой городок.

Кинес снова обратил свое внимание на драму, развернувшуюся внизу. Не обращая больше внимания на улетевший орнитоптер, Текар лихорадочно принялся за дело. Собрав взрывчатку, он сложил ее высокой горкой и присоединил проволокой шиги. На пульте замигал индикатор готовности к взрыву. После этого сухощавый поджарый человек пустыни с такой силой воткнул вибратор в песок рядом с взрывчаткой, словно хотел пронзить планету насквозь.

Армейский орнитоптер развернулся и полетел по направлению к скале, откуда великий охотник Раббан собирался, наслаждаясь полной безопасностью, ждать результата. Текар запустил механизм вибратора и бросился бежать.

В орнитоптере стали заключать пари на высокие ставки, как в тотализаторе.

Через несколько секунд орнитоптер приземлился на черной скале, которая словно риф высилась среди мягких песков. Пилот заглушил двигатель, и двери открылись. Раббан оттеснил в сторону своих солдат, чтобы первым ступить на сверкающие камни под солнцем скалы. Все остальные начали выход после Раббана. Кинес терпеливо дождался своей очереди и последним покинул орнитоптер.

Солдаты выставили охранение, направив бинокли на маленькую бегущую фигурку. Раббан, выпрямившись во весь свой высокий рост, стоял, держа наперевес мощное лазерное ружье, хотя Кинес недоумевал, для чего оно нужно в этой ситуации. Через стереотрубу племянник барона всматривался сквозь марево знойного воздуха в рябь песка, стараясь заметить малейшее движение. Не было видно ничего, кроме миражей, Раббан направил трубу на работающий вибратор и сложенную заметной кучей взрывчатку.

Один из орнитоптеров-разведчиков доложил, что в двух километрах к югу от скалы заметны признаки подземного перемещения червя.

Текар бежал, словно одержимый, взметая тучи песка. Он изо всех сил несся к островку безопасности, к спасительному архипелагу скал в море песка – но бежать ему надо было еще немало минут.

Кинес обратил внимание на странный способ бега, который использовал Текар. Казалось, что фримен пьян, он раскачивался, ставил ноги неритмично, в каком-то беспорядке. Было похоже, что бежит какое-то неуклюжее насекомое. Кинес подумал, что в этом беге есть своя система, основанная на многовековой мудрости фрименского племени. Неритмичное движение не вызывало вибрации песка и не доходило до червя. Не это ли техника бега, которой с детства учатся люди пустыни? Если это так, то кто сможет научить Кинеса такому бегу? Ему надо знать все о планете, пустыне, ее людях, о червях, пряности и дюнах. Это была не только императорская директива, но и желание самого планетолога; он терпеть не мог вопросов, на которые не мог получить ответа.

Группа застыла в ожидании; время тянулось нестерпимо медленно. Солдаты болтали о всяких пустяках. Человек пустыни продолжал бежать, выбиваясь из сил, но приближение к скалам было почти незаметным. Кинес чувствовал, как слоистая ткань защитного костюма поглощает капельки пота с кожи.

Он опустился на колени и принялся изучать темно-коричневую породу скалы. Базальтовая лава была пористой, состоящей из изъеденных ветрами печально известных кориолисовых бурь ячеек и пустот, образованных в незапамятные времена раскаленными вулканическими газами, искавшими выход в расплавленном камне.

Кинес набрал горсть песка и задумчиво пропустил песчинки сквозь пальцы. Для него не было неожиданностью, что среди них поблескивали кристаллики кварца, яркими пятнами выделявшиеся на фоне других частиц, скорее всего магнетита.

На других планетах песок имел ржавый вид, с прожилками коричневого, оранжевого и кораллового цветов, что говорило о присутствии окисей. Здесь тоже были оранжевые примеси, но это могли быть частицы пряности. Правда, Кинес ни разу не видел дикой, природной пряности. *Пока не видел.*

Наконец разведчики доложили, что видят крупного, стремительно приближающегося песчаного червя.

Солдаты вскочили на ноги. Глядя на дрожавший в жарком Марева ландшафт, Кинес видел, как рябь песка приподнимается, словно под поверхностью движется огромный палец, взметающий вверх песок на своем пути. Размер этого невидимого пальца поразил воображение планетолога.

– Червь пришел сбоку! – крикнул Батор.

– Он идет прямо к Текару! – со жестокой радостью воскликнул племянник барона. – Он находится как раз между червем и вибратором. Да, не повезло парню.

На широком лице Раббана отразилось странное предвкушение чего-то страшного, но одновременно и притягательного. Кинес мог отчетливо представить, какой ужас, отчаяние и страх отражаются сейчас на лице бегущего по песку сына пустыни.

Вдруг с мрачной решимостью, отчаявшись спастись бегством, Текар остановился и лег в песок лицом вверх. Он неподвижно вытянулся на песке, уставив глаза к небу. Наверно, в этот миг он молил Шай-Хулуда о пощаде.

Небольшие сотрясения, вызванные бегом, прекратились, и работа вибратора стала слышна с громкостью императорского духового оркестра. *Бум, бум, бум.* Червь на мгновение остановился, потом изменил направление движения, устремившись к вибратору и горе взрывчатки.

Раббан небрежно пожал плечами, заранее смирившись с возможным поражением.

Кинес буквально чувствовал, как свистит песок на пути гиганта пустыни. Чудовище приближалось. Его, словно магнит кусок железа, притягивала смертельно опасная гора взрывчатки. Приблизившись к вибратору, червь нырнул глубоко в песок и окружил своим длинным телом то, что привлекало и одновременно сердило его – или какие там еще инстинктивные чувства мог испытывать этот слепой пустынный левиафан.

Червь вырос из песка, как гигантская колонна. Он раскрыл пасть, способную проглотить космический корабль, потом поднялся еще выше, продолжая разевать пасть, которая раскрывалась, как лепестки неправдоподобно огромного цветка. По краям пасти виднелись кристаллические прозрачные зубы, уходящие в бездонную пропасть глотки. В мгновение ока червь проглотил такую мелочь, как вибратор, и всю кучу взрывчатки.

С расстояния триста метров Кинес мог отчетливо разглядеть поперечные, жесткие кольца древней кожи на поверхности тела червя. Перекрывая друг друга, эти кольца защищали червя при движении сквозь песок. Проглотив приманку, червь начал стремительно погружаться в песок.

На губах Раббана появилась демоническая усмешка. В руках его вдруг появился пульт дистанционного управления. Горячий ветер осыпал лицо племянника барона Харконнена песком, который хрустел на зубах Раббана, но тот ничего не замечал. Раббан нажал кнопку.

Отдаленный взрыв, казалось, потряс всю пустыню до основания. От краев дюн поднялись буруны песка. Последовательные взрывы разорвали внутренности червя, расчленили его кольца, оторвали их друг от друга.

Когда пыль и песок осели, Кинес увидел извивающееся, умирающее чудовище, лежавшее в глубокой воронке. Червь сейчас был похож на выброшенного на берег мехового кита.

– Эта тварь не меньше двухсот метров в длину, – кричал Раббан, до которого только теперь дошел масштаб того, что произошло, и кого им удалось убить.

Солдаты развеселились. Раббан обернулся и похлопал Кинеса по плечу с такой силой, что чуть не вывихнул ему руку.

– Вот это трофей, планетолог. Я отвезу *это* на Гьеди Первую.

Почти не замеченный, на скале появился запыхавшийся, дрожащий и подгоняющий себя криками Текар, который наконец-то добрался до безопасного места. Со смешанным чувством он оглядел распростертое на песке тело мертвого чудовища.

Раббан подождал, когда в нутре червя взорвется последний заряд и когда прекратятся судороги. Охваченные восторгом солдаты наперегонки бросились к трупу невиданного зверя. Кинес, которому не терпелось увидеть представителя нового для него биологического вида, бросился за солдатами, спотыкаясь о кучи песка, которые оставили за собой охотники.

Почти час спустя охваченный благоговением Кинес стоял на коленях под высившейся на много метров вверх массой мертвого древнего червя. Кожа его была, словно чешуей, покрыта жесткими грубыми выростами, шершавыми на ощупь. Но между сегментами, которые были разорваны взрывом, виднелась нежная розовая кожа. Разинутая пасть зверя напоминала вход в шахту, края которого были усеяны кристаллическими зубами-кинжалами.

– Это самый страшный зверь на этой никудышной планете, – ликовал Раббан. – И я убил его!

Солдаты с любопытством пялились на червя, но никто не рискнул подойти к нему ближе нескольких метров. Кинес не мог понять, каким образом племянник барона собирается везти свой охотничий трофей.

Планетолог обернулся и увидел, что к ним незаметно подошел выбившийся из сил Текар. Глаза его светились каким-то новым, серебристым светом. Может быть, близость смерти и Шай-Хулуда за какие-то считанные минуты перевернули его мировоззрение? Может быть, он стал другим человеком, видя, как его божество было разнесено на куски взрывчаткой племянника барона Харконнена?

– Шай-Хулуд, – прошептал проводник. Он обернулся к Кинесу, словно почувствовав в нем родственную душу: – Это очень древний червь. Один из самых древних.

Кинес выступил вперед, рассматривая покрытую твердыми наростами кожу и раздумывая, каким образом лучше приступить к препарированию трупа. Не станет же Раббан возражать против научного исследования? Если понадобится, Кинес сошлется на задание императора, чтобы заставить Раббана с пониманием отнестись к делу Кинеса.

Но когда Пардот приблизился к туше, то вдруг заметил, что кожа червя начала светиться, колебаться и перемещаться. Червь был, вне всякого сомнения, мертв – нервы его погибли, он перестал даже дергаться, но наружные слои кожи дрожали, и было такое впечатление, что они плаваются.

Пока Кинес, полный непередаваемого удивления, разглядывал червя, последний стал распадаться на миллионы прозрачных телец, которые, словно чешуйки, опадали с червя на песок и стремительно исчезали в его глубине.

– Что происходит? – закричал Раббан; лицо его побагровело от гнева. На его глазах червь неотвратно испарялся. Кожа отшелушивалась, превращалась в прозрачные сверкающие капли, похожие на амеб, и они погружались в песок, словно капельки расплавленного олова. Древнее чудовище погружалось в свою родную пустыню.

В конце концов от огромного животного на поверхности земли остались только скелет, хрящевые ребра и молочно-белые зубы. Но даже и это медленно погружалось в желатиновую массу, пропитавшую песок на многометровую глубину.

Воинство Харконнена отступило на безопасное расстояние.

Кинесу казалось, что он видит, как распад живой материи, который по законам биологии должен продолжаться несколько тысячелетий, произошел в течение нескольких секунд. Ускоренная энтропия. Голодная пустыня, казалось, желала поглотить свидетельство гибели червя до последнего кусочка, для того чтобы скрыть тот факт, что человеку удалось нанести поражение пустынному чудовищу.

Кинес наблюдал за исчезновением червя в изумлении и растерянности, не испытывая ни малейшего недовольства тем, что ему не удастся сегодня анатомировать образчик величественного животного, жизненный цикл которого был настоящей загадкой.

Надо так много узнать об этом загадочном Арракисе...

Раббан кипел от ярости, которую даже не пытался скрыть. Мышцы его шеи вздулись, словно стальные тросы.

– Мой трофей!

Он повернулся, сжал кулаки и ударил Текара в лицо, опрокинув проводника в песок. Был момент, когда Кинесу показалось, что Раббан действительно сейчас убьет несчастного сына пустыни, но племянник барона Харконнена предпочел теперь обратить свой гнев на остатки червя, которые продолжали растворяться в песке.

Глядя на останки Шай-Хулуда, Раббан принялся выкрикивать проклятия и гнусные ругательства. Потом Кинес заметил, что в холодных, исполненных угрозы глазах Раббана появилось осмысленное выражение.

Загорелое лицо покрылось румянцем.

– Когда я вернусь на Гьеди Первую, то поохочусь на что-нибудь более подходящее.

Потом, словно забыв о черве, Раббан отвернулся от скелета владыки пустыни и зашагал прочь.

Наблюдай за выжившими и учись у них.

Учение Бене Гессерит

Говорят, что Империя состоит из миллиона разнообразных миров. Это миллион планет. Трудно вообразить себе такое множество. Но из всего этого сонма миров Дункан Айдахо за свои восемь лет успел побывать только на одной – на Гьеди Первой. Это был пропитанный нефтью мир; планета, застроенная заводами, оплетенная трубопроводами, закованная в металлоконструкции и пропахшая дымом. Харконнены считали, что именно таким должно быть их родовое гнездо. В таком мире рос Дункан Айдахо все восемь лет своей пока еще короткой жизни.

Но сегодня даже покрытые копотью деревья аллея квартала, где родился и вырос Айдахо, показались бы мальчику спасительной гаванью. После многих месяцев, проведенных в заточении вместе с остатками семьи, ребенок уже не надеялся когда-либо вырваться из этого города всеобщего порабощения, из Баронии. Но если это удастся, то не исключено, что ему удастся и встретить свое десятилетие, ждать которого осталось уже не долго. Он провел рукой по мокрому от пота густым черным курчавым волосам.

Айдахо отер пот, не переставая бежать. Охотники настигали его.

Дункан уже вырвался за пределы города-тюрьмы, но и преследователи не отставали. Он нырнул в тесный туннель, чувствуя себя таким же беспомощным, как тот маленький колючий зверек, которого мать разрешила ему завести, когда Дункану исполнилось пять лет. Спустившись вниз, он продолжал бежать мимо тесных помещений, смрадных отдушин вентиляционных шахт и горячих силовых трубопроводов. Ни один взрослый, а тем более солдат в полном вооружении, не смог бы протиснуться сюда. Отталкиваясь локтями от металлических стен, Дункан полз по лабиринту, не известному ни одной живой душе.

Мальчик дал себе клятву, что Харконнены никогда не поймают его, во всяком случае, не сегодня. Он ненавидел их бесчеловечные игры и навсегда отказался быть чьей-то рабочей скотиной или жертвой. Айдахо прокладывал себе путь, повинувшись запахам и своему инстинкту. В нос ударила струя спертого воздуха, отметив направление циркуляции воздуха в вентиляционных шахтах.

До ушей Дункана доносился шум, топот ног и шорох: это бежали другие заключенные дети, бежали столь же отчаянно. Наверно, это даже были его товарищи по рабочей команде. Но

Айдахо бежал один. По опыту предыдущих неудач он знал, что нельзя связываться с людьми, чей первобытный инстинкт хуже, чем его собственный.

Он поклялся, что на этот раз уйдет от преследователей, но внутренний голос подсказывал, что он никогда не освободится от них навсегда. Поисковые команды рыщут по всей планете, и они наверняка снова поймают его и подвергнут наказанию. Они сами называют это «тренировкой». Айдахо не знал, для чего предназначена такая «тренировка».

Правый бок все еще противно ныл после последней тренировки. Когда мучители изловили его в тот раз, то бросили его, раненного, в машину для плетения кожи, а потом подержали в ванне для восстановления аккумуляторных ячеек. Ребра после этого все еще болели, правда, в последнее время мальчик чувствовал себя намного лучше.

В мягкие ткани правого плеча был имплантирован радиомаяк, поэтому окончательно скрыться от поисковых команд было даже теоретически невозможно. Да и вообще бежать из Баронии, этой метрополии Харконненов, было немыслимо. Метрополия представляла собой мегалитический монолит высотой 950 этажей и длиной 45 километров. Из подвалов и подземных коммуникаций не было выходов за пределы города. В Баронии можно найти массу потайных мест, но обрести настоящую свободу невозможно.

У Харконненов было множество заключенных и множество садистских способов заставить их играть в свои игры. Если Дункан на этот раз сможет на достаточно долгий срок спрятаться от своих преследователей и они не смогут его найти сами, то Дункану и его семье будет позволено вернуться к их прежней жизни. Такое обещание было дано всем детям, за которыми сейчас охотились. Жертвам нужно было дать цель, приз, ради которого можно было сражаться.

Дункан бежал, следуя своему инстинкту, по потайным проходам, стараясь приглушить звук шагов. За спиной, совсем недалеко, Айдахо слышал хлопок и шипение – это охотники стреляли по детям из парализующего ружья. Вслед за выстрелом раздался грохот падающего тела и крик боли.

Если охотники настигают жертву, то они начинают ее мучить, иногда причиняя серьезные травмы, а иногда дело обстояло и еще хуже – все зависело от экипировки охотников в каждом конкретном случае. Речь шла не об обычной детской игре в прятки. Во всяком случае, не для жертв.

Как ни мал был Дункан, он уже знал, что жизнь и смерть имеют свою цену. Харконненов нисколько не интересовало, сколько малышей пострадает во время их тренировок. Так они, Харконнены, *играли*. Дункан понимал суть этих жестоких увеселений. Он и раньше видел, как это делается. Сколько раз дети, его сотоварищи по заключению, отрывали крылья насекомым или бросали в огонь маленьких, голых еще крысят. Харконнены и их солдаты были взрослыми детьми, просто они обладали большими ресурсами, большим воображением и отличались большим злодейством.

Не производя ни малейшего шума, он на ощупь отыскал узкую ржавую лестницу и начал карабкаться вверх, в темноту, стараясь не тратить времени на ненужные размышления. Дункану надо было сделать что-то неожиданное, спрятаться там, где его не смогут поймать, куда преследователи смогут проникнуть лишь с превеликим трудом или вовсе будут не в состоянии добраться. Перекладины железной лестницы, изъеденные многолетней ржавчиной, больно царапали детские ладони.

Эта часть древней Баронии все еще функционировала: силовые трубопроводы шли в разных направлениях: прямо, под прихотливо изогнутыми углами, вверх и вниз. Это место представляло собой идеальную тренировочную полосу препятствий, и солдаты могли целиться и стрелять, не рискуя повредить какие-то важные конструкции.

Дункан слышал, как по железному полу верхнего главного коридора, прямо у него над головой, загрохотали солдатские сапоги. Послышались приглушенные шлемами голоса, потом

раздался повелительный голос. Все остановились. Пискнул какой-то зуммер, и Дункан сообщил, что солдаты запеленговали сигнал имплантированного в его плечо радиомаяка.

Ослепительно белый луч лазерного ружья ударил в потолок над его головой и прожег отверстие. Края его мгновенно оплавилась. Дункан отпустил перекладины лестницы и начал падать в никуда, в темную бездну. Один из вооруженных гвардейцев отодвинул в сторону плиту пола и ударил из ружья по кронштейнам лестницы, расплавив и их. Лестница полетела в них вслед за Дунканом.

Дункан упал у следующего шахтного ствола, сверху его накрыла тяжелая лестница. Но мальчик сдержал крик боли. Это только ускорит развязку... хотя они все равно настигнут его, ведь этот проклятый маячок, не переставая, посылает сигналы из его правого плеча. Кто, кроме Харконненов, может выиграть эту игру?

Он рывком вскочил на ноги и бросился вперед, ничего так не желая, как сохранить свободу. К его разочарованию, впереди показался более широкий проход. Широкий – это плохо, по нему может пробежать и взрослый человек.

Позади раздались возгласы, топот, ружейная пальба, потом булькающий вскрик. Вообще преследователи должны были пользоваться парализующими пулями, но время было уже позднее, почти все жертвы были уже пойманы, и ставки в игре росли, подзадоривая охотников и заставляя их идти ва-банк, нарушая все и всяческие правила.

Дункан должен выжить, во что бы то ни стало. Надо сделать все, что в его силах. Если он умрет, то никогда больше не увидит мать. Но если он выживет и утрет нос этим ублюдкам, то, может быть, его семья получит свободу или столько свободы, сколько могут иметь во владениях Харконненов рабочие общественных служб. На Гьеди Первой были свои понятия о свободе.

Дункан прежде видел, как некоторые дети ухитрялись побеждать в этой гонке за жизнь. Они потом исчезали из тюрьмы вместе со своими семьями, покидая преисподнюю Баронии. У Дункана не было никаких доказательств, что дела обстояли именно так, но было множество оснований сомневаться в искренности приспешников Харконнена. Но он хотел верить, ведь надежда умирает последней.

Он не понимал, за что бросили сюда его родителей. Чем могли прогневить могущественных баронов мелкие служащие, чтобы удостоиться столь сурового наказания? Дункан помнил только, что до поры до времени жизнь их текла нормально и даже почти счастливо – и вдруг все изменилось. Они оказались здесь, и ему, маленькому мальчику, пришлось почти ежедневно бегать по этим коридорам, спасаясь от преследователей, чтобы завоевать свободу своим родителям. С каждым разом это получалось у него все лучше и лучше.

Он хорошо помнил тот последний день нормальной жизни. Стоял погожий день. Семья собралась на ухоженной лужайке, расположенной на одной из немногих террас, где Харконнены позволяли некоторым из своих подданных разводить сады. Тщательно ухоженные, удобренные и аккуратно подстриженные растения и живые изгороди росли в отравленной промышленными отходами атмосфере и загаженной теми же отходами почве. Естественно, эти растения нуждались в очень тщательном уходе.

Родители Дункана и другие взрослые члены семьи развлекались немудреными играми на свежем воздухе. Они бросали в цель шары, которые во время полета могли совершенно неожиданно изменять направление движения и неожиданно рикошетировать от препятствий. Мальчик еще тогда начал замечать, как мирные развлечения родителей отличаются от порожденных необузданной фантазией игр детей.

Рядом с ним стояла, наблюдая за игрой, молодая женщина. У нее были волосы шоколадного цвета, смуглая кожа и высокие скулы. Скованность и тяжелый взгляд скрадывали ее замечательную красоту. Дункан не имел представления о том, кто эта женщина. Знал он лишь, что ее зовут Джейнис Майлем и что она работает где-то вместе с его родителями.

Дункан, глядя на игру взрослых, слушая их смех, улыбнулся и обратился к женщине:

– Они учатся быть стариками.

Однако сразу стало ясно, что Джейнис не собирается выслушивать его детские реплики. Молодая женщина шикнула на мальчика и продолжала с преувеличенным вниманием следить за игрой.

Дункан тоже следил за игрой, но его все больше и больше удивляло поведение этой странной женщины. Она выглядела слишком напряженной и то и дело оглядывалась через плечо, словно чего-то ждала. Через несколько минут явился патруль и арестовал родителей Дункана, его самого и даже дядю и двух двоюродных братьев. Интуитивно Дункан понимал, что по каким бы то ни было причинам Джейнис имеет непосредственное отношение к этому аресту. Он никогда больше не видел ее с тех пор, как он и его семья оказались в заключении, а прошло уже полгода...

Позади него со свистом раскрылись створки люка, и из него выпрыгнули в коридор две одетые в синюю форму фигуры. Солдаты увидели Дункана и торжествующе захохотали. Раскачиваясь из стороны в сторону, Дункан бросился вперед. Луч лазерного ружья, оставляя вокруг себя резкий запах озона, полоснул по плитам потолка, оплавляя металл. Если кусок раскаленного металла упадет на его голову, подумал Дункан, то ему не избежать смерти. Как он ненавидел хохочущих солдат; для них это была веселая забава с живой игрушкой.

В боковой проход, буквально в метре впереди от Дункана, вдруг вывалились еще две фигуры, но Дункан бежал слишком быстро; солдаты не сразу его заметили и не успели среагировать. Он проскочил между ними, успев ударить одного из них – толстого и на вид весьма неуклюжего – по колену. Тот отпрыгнул в сторону, и Дункан пролетел мимо них со всей возможной быстротой.

Толстяк споткнулся и заорал, когда луч лазера оплавил его амуницию:

– Перестань стрелять, идиот! Ты же своих побьешь!

Дункан не бежал так никогда за всю свою короткую жизнь. Он понимал, что его детские ноги не смогут долго выдержать соревнование с мощными, тренированными для битв солдатами. Но он не желал сдаваться. Сдаваться было не в его характере.

Впереди, там, где был виден вход в коридор, сверкнул свет. Там было ярко освещенное пересечение ходов. Добежав до этого места, Дункан остановился и, присмотревшись, увидел, что поперечная труба – вовсе не туннель, а труба, по которой в поле Хольцмана носились из одного конца Баронии в другой контейнеры на воздушной подушке, похожие скорее на средневековые ядра. В центре по длине цилиндра помещалось поле Хольцмана. Парящие в этом поле контейнеры выстреливались в трубы без всякого сопротивления, на энергии одиночного импульса ядра достигали противоположного конца города-тюрьмы.

Кроме трубы, здесь не было ни дверей, ни входов в другие коридоры. Дальше бежать некуда. Выставив вперед ружья, солдаты подступили к нему вплотную. Интересно, не застрелят ли они его, если он сдастся? Может быть, и застрелят, подумал Дункан, у них в крови сейчас слишком много адреналина по моей милости.

Подвешенное по длине оси горизонтальной трубы поле сверкало и переливалось перед его глазами. Дункан смутно представлял себе, что делать дальше. Впрочем, иного выхода не оставалось. Он не представлял, что его ждет в транспортной трубе, но точно знал, что его накажут или просто убьют, если он сейчас попадет в руки солдат.

Они подступили к нему еще ближе, и тогда Дункан повернулся и заглянул в трубу, присмотревшись к мерцающему поддерживающему полю. Набрав в легкие побольше воздуха, словно это могло придать ему мужества, мальчик завел руки за спину и бросился в трубу головой вперед.

Поток воздуха разлохматил его курчавые волосы, когда он влетел в поле трубы. Дункан закричал, и неизвестно, чего в этом крике было больше: отчаяния или чувства полного освобождения. Если он и умрет здесь, то умрет свободным человеком!

Поле Хольцмана окружило его со всех сторон. Дункан почувствовал резкий толчок, после чего его тело стало невесомым. Было такое ощущение, что желудок переместился в грудь, а сам Дункан беспомощно начал барахтаться в невидимой сети. Поле крепко держало своего пленника, он не мог упасть и парил в воздухе, в самом центре спасительного поля. Это поле было способно удерживать на весу тяжелые контейнеры, несущиеся по назначению, тем более удержит оно его почти невесомое тело.

Дункан видел, как солдаты, подбежав к краю платформы, яростно кричали на него. Один из них показал Дункану кулак. Двое других направили на него ружья.

Айдахо парил в воздухе, пытаясь плыть; он изо всех сил старался удалиться от преследователей.

Издав предостерегающий возглас, один из гвардейцев выбил ружье из рук другого. Дункан слышал, какой кошмарный эффект получается, когда луч лазера пересекает поле Хольцмана. В поле образуются уничтожающие друг друга заряды, происходит взрыв, превосходящий по мощности атомный.

Но тогда солдаты начали стрелять по нему парализующими лучами.

Дункан извивался в воздухе. Ему было не за что ухватиться, но, извиваясь и крутясь, он представлял для гвардейцев подвижную мишень, в которую было трудно попасть. Парализующие заряды ложились справа и слева, прокладывая в поле Хольцмана прихотливо искривленные траектории.

Поле держало его в своих железных объятиях, но, несмотря на это, Дункан все же уловил какое-то изменение давления в центре поля, почувствовав изменение скорости движения потока. Он перевернулся в воздухе и увидел в отдаленной части трубы огонь приближающегося поезда.

А он находится в самом центре поля!

Дункан начал беспорядочно размахивать руками, пытаясь сдвинуться с места в любом направлении. Ему удалось продвинуться к дальнему концу поля антигравитации, подальше от гвардейцев. Они продолжали стрелять, но изменившееся давление отклоняло выстрелы еще дальше от цели. Он видел, как одетые в синие мундиры люди тщательно выверяют прицелы.

Внизу Дункан видел какие-то двери, помосты и платформы, ведущие куда-то дальше, в зловещее чрево Баронии. Может быть, ему удастся достичь одного из этих выходов. Если бы только можно было вырваться из стальных объятий поля.

Еще один парализующий луч разорвал пространство справа. На этот раз выстрел оказался более точным. Плечо немедленно онемело, по коже руки поползли мурашки. Было такое ощущение, что руку колют тысячи жал мелких насекомых.

В этот миг Дункан вырвался за пределы поля и рухнул вниз. Падая лицом вниз, он вовремя увидел платформу и успел выставить вперед уцелевшую руку и уцепиться за ограждение. Мимо, в каком-то сантиметре от Дункана, с визгом рассекая воздух, пронесся контейнер.

Удар о платформу был так силен, что Дункан едва не вывихнул плечо, но времени на обдумывание положения не было. Мальчик вскочил на ноги и бросился в какой-то туннель. Но это был тупик. Дункан оказался в замкнутом пространстве, ограниченном металлическими стенами. Выхода отсюда не было. Люк в стене был заперт, и открыть его Дункан не смог.

В этот момент захлопнулась и та дверь, через которую он проник сюда. Айдахо оказался в мышеловке, запечатанный в бронированном шкафу. Все было кончено.

Прошло несколько секунд, и солдаты открыли задний люк. Они наставили на мальчика ружья, но взгляды гвардейцев выражали смесь злости и восхищения. Дункан покорно ждал, когда они начнут стрелять.

Вместо этого капитан, старший среди них по званию офицер, улыбнулся без всякого юмора и сказал:

– Мои поздравления, парень. Ты сделал это.

Совершенно измученного Дункана доставили в его камеру. Сейчас он сидел с матерью и отцом за скудным столом. Семья ела свой ежедневный паек: вареные овощи, крахмальные пирожки и белковые чипсы. Все это имело удовлетворительную питательную ценность, но со злым умыслом было лишено вкуса и обладало весьма неприятным запахом. Капитан, захвативший его, не сказал больше ничего, кроме того, что сказал: «Ты сделал это». Судя по всему, это должно было означать свободу. Как бы то ни было, оставалось только надеяться.

Камера родителей представляла собой омерзительное зрелище и поражала своей грязью. Родители изо всех сил старались поддерживать в ней чистоту, но у них не было ни мыла, ни тряпок, ни щеток. К тому же выдаваемой воды хватало только для питья.

За месяцы заключения Дункан, единственный из всей семьи, занимался физической подготовкой, хотя и вынужденно. Отец и мать проводили время в полной, тоже вынужденной, праздности, ничего не делая целыми днями. Всем им были присвоены номера, адреса камер для содержания рабов, где они (за исключением Дункана) были обречены на бездействие – ни труда, ни развлечений. Они просто ждали изменения своего приговора и страшно боялись такого изменения.

Дункан, взволнованный и гордый, рассказал матери о своем сегодняшнем приключении, о том, как ему удалось перехитрить самых лучших ищек харконненовской гвардии. Никому из других детей не повезло сегодня так, как ему. Дункан был уверен, что сделал все, чтобы купить свободу своей семье.

Теперь они каждую минуту могли ждать освобождения. Мальчик постарался представить, как его семья снова в полном сборе стоит в саду на террасе и любуется звездами ночного неба.

Отец смотрел на сына с нескрываемой гордостью, но мать не могла поверить в такое счастье. Слишком хорошо знала она цену посулам Харконненов.

Прошло несколько минут, плотное защитное поле дверного проема стало прозрачным, а потом раскрылось. На пороге стояли люди в синей форме надзирателей и среди них улыбающийся капитан, руководивший сегодня охотниками. Сердце Дункана затрепетало. *Нас освободят?*

Ему сразу не понравилась улыбка капитана.

Люди в форме почтительно расступились, дав дорогу широкоплечему, толстогубому, мускулистому мужчине. Лицо его было загорелым и обветренным. Ясно, этот человек проводил большую часть времени не на пропахшей гарью промышленных выхлопов Гьеди Первой.

Отец Дункана вскочил на ноги и неуклюже поклонился:

– Милорд Раббан!

Раббан не обратил на родителей ни малейшего внимания. Глазами он искал круглолицего мальчика, юного объекта тренировок его охотников и надзирателей.

– Капитан охотников говорит, что ты – самый лучший из мальчиков, – сказал Раббан Дункану.

Он вошел в камеру, и сопровождающие сгрудились за его спиной. Глоссу улыбался.

– Жаль, что вы его не видели в сегодняшнем деле, милорд, – заискивающе произнес улыбчивый капитан. – Никогда мне не приходилось видеть такой живучей куклы.

Раббан удовлетворенно кивнул.

– Номер 11368, я просмотрел твое досье, видел голографический фильм о твоих успехах. Как твои раны? Не слишком тяжелы? Ты молод, так что быстро поправишься. – Глаза его стали жесткими. – В тебе осталось еще много неиспользованного удовольствия. Посмотрим, как ты сыграешь против меня.

Он повернулся к выходу.

– Мы пойдем на охоту. Сейчас. Следуй за мной, мальчик.

– Меня зовут Дункан Айдахо, – ответил мальчик, и в голосе его не было и следа покорности. – Я не номер.

Голос его был по-детски тонок, но в нем прозвучала неподдельная, мужская храбрость, которая потрясла его родителей. Охранники свиты удивленно воззрились на Дункана. Мальчик смотрел на мать, ища поддержки, но она лишь попыталась шикнуть на сына.

Раббан, не меняясь в лице, взял лазерное ружье у стоявшего рядом телохранителя и выпустил смертельный луч в грудь отца Дункана. Мужчина, отброшенный к стене страшным ударом, медленно сполз на пол. Его мертвое тело не успело коснуться пола, когда Раббан, слегка переместив ствол, следующим выстрелом сжег голову матери Дункана.

Мальчик дико закричал. Отец и мать лежали на полу. От них осталась только пузырящаяся, сожженная, мертвая плоть.

– Теперь тебе придется откликаться на номер 11368, – сказал Раббан. – Идем со мной.

Гвардейцы схватили мальчика, не дав ему ни попрощаться с мертвыми родителями, ни поплакать над их телами.

– Эти люди приготовят тебя к тому, что станет следующим раундом моих развлечений. Мне надо поохотиться, чтобы развеяться.

Охранники потащили с собой кусающегося и изо всех сил отбивающегося Дункана. Он чувствовал внутри себя смерть. Его чувства были мертвы, он ощущал только холодный неугасимый огонь ненависти, который вспыхнул в его груди, спалив остатки детства в его душе.

Люди народа должны думать, что правитель – сверхчеловек, в противном случае обязаны ли они ему подчиняться? Сверх того, воздѣ должен быть волшебником, дающим своему народу хлеб и зрелища, коих он домогается.

Герцог Пауль Атрейдес

Несколько недель, отведенных на подготовку к временному пребыванию на Иксе, пролетели как в тумане. Лето старался изо всех сил запечатлеть в памяти картины родной планеты, чтобы ее милые образы сохранились в душе в течение года разлуки. Ему будет не хватать влажного, пропитанного морской солью воздуха Каладана, его утренних часов, когда над морем повисала туманная дымка. Он будет скучать и по грозовым дождям с их упоительной музыкой грохочущего грома. Как может окоченевшая в плену своих машин планета сравниться с таким раем?

Из всех дворцов и вилл самым лучшим местом для Лето можно было считать Замок Каладана, высившийся на высоком утесе, выступавшем далеко в море. Именно там ощущал себя как дома юный отпрыск Атрейдесов. Когда настанет день и он наденет на палец перстень – знак власти Атрейдесов, он станет двадцать третьим герцогом Атрейдес, восседающим на троне каладанского замка.

Его мать, Елена, хлопотала над ним, как заботливая опекунша, видя во многих совершенно обыденных вещах недобрые предзнаменования и заставляя юношу по нескольку раз перечитывать одни и те же места из Оранжевой Католической Библии. Она была страшно расстроена тем, что теряет сына на целый год, но она не решалась противоречить приказам герцога, во всяком случае, во всеуслышание. На лице матери застыло озабоченное выражение, и больше всего ее лишало покоя то обстоятельство, что Пауль, отец юноши и ее супруг, выбрал для учебы сына именно Икс.

– Это гноящаяся язва, гнилое пристанище подозрительных технологий, – сказала она как-то сыну, когда их не мог слышать герцог.

– Может быть, это просто твоя реакция на то, что Икс является главным противником Дома Ришезов, мама? – спросил Лето.

– Думаю, что нет! – Ее длинные пальцы, ловко прикреплявшие элегантный воротник на рубашку сына, на мгновение застыли. – Дом Ришезов во всем полагается на старые испытанные

технологии, мы не выходим за рамки предписанного. Никто не может упрекнуть Дом Ришезов. Мы привержены ограничениям, которые наложил на нашу жизнь Джихад.

Она посмотрела на сына. Ее жесткие глаза смягчились и наполнились слезами. Она погладила сына по плечу. Недавно он стал быстро расти и теперь почти сравнялся ростом с матерью.

– Лето, Лето, я не хочу, чтобы ты потерял там свою невинность, а может быть, и душу, – сказала она ему. – Слишком многое здесь поставлено на карту.

Позже, за обеденным столом, когда семейство Атрейдесов мирно наслаждалось жареной рыбой и бисквитами, Елена снова попыталась уговорить герцога послать сына куда-нибудь еще, но не на Икс. Сначала Пауль только смеялся в ответ, но потом, видя, что жена проявляет упорство, пришел в ярость.

– Доминик – мой друг. Наш сын не может оказаться в лучших руках, чем в руках этого достойнейшего человека!

Лето постарался сосредоточиться на еде, но его взволновали протесты матери. Как ни неприятно было ему это делать, но он принял сторону отца.

– Я хочу туда поехать, мама, – сказал он и положил ложку рядом с чашей, произнеся фразу, которую она сама часто любила повторять: – Это будет к лучшему.

Воспитывая Лето, герцог часто делал вещи, с которыми Елена была категорически не согласна. Отец побуждал Лето работать на фермах, знакомиться с простыми людьми и водить с ними дружбу, не чураться грязной работы. Лето полагал, что это мудрые шаги, ведь в один прекрасный день, когда он станет герцогом, ему придется вести за собой именно этих людей и именно в этой стране. Но Елена всегда возражала, приводя в качестве доводов подходящие пассажи из Оранжевой Католической Библии.

Мать не отличалась способностью терпеливо сносить возражения и не проявляла особой сердечности и теплоты по отношению к своему сыну, хотя умела добиться желаемого во время публичных выступлений и общественных мероприятий. Она была очень озабочена своей внешностью и постоянно твердила, что ни за что не будет иметь других детей. Воспитание единственного сына и исполнение властных обязанностей отнимали большую часть ее драгоценного времени, которое в противном случае можно было потратить на изучение Оранжевой Католической Библии и других религиозных текстов. Было очевидно, что Елена родила сына только по обязанности, как наследника Дома Атрейдесов. У нее не было ни малейшей склонности рожать и воспитывать детей из чувства простого материнства.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Пауль искал общества других, не столь жестких женщин.

Иногда по ночам, из-за массивных дверей из слоистого элакканского тика, Лето слышал громкие споры отца и матери: леди Елена могла приводить любые, самые сильные доводы в пользу своего несогласия с воспитанием сына и с отправкой его на Икс, но в этом замке, на Каладане, именно он, старый герцог Атрейдес, воплощает собой Дом Атрейдесов, и его слово – закон, независимо от того, насколько неистово его обезумевшая жена будет отстаивать свое мнение.

Это будет к лучшему.

Лето прекрасно знал, что их брак был браком по расчету, политической сделкой, заключенной между Домами Совета Земель для того, чтобы удовлетворить желания и требования многих важных родов. Со стороны терпящего бедствие и клонящегося к упадку Дома Ришезов это был жест отчаяния, а Дом Атрейдесов мог надеяться, что тяжелые времена изменятся и бывшее величие Ришезов, склонных к технологическим инновациям, снова возродится. В то же время старый герцог Атрейдес получил разнообразные уступки и вознаграждения за то, что взял в жены одну из многочисленных дочерей Дома Ришезов.

– В благородных Домах нет места головокружительным чувствам и романтизму, которые могут позволить себе люди низкого звания, действиями которых управляют гормоны, – сказала

ему однажды мать, объясняя природу династических и политических браков. Мальчик тогда же понял, что такая же судьба со временем ожидает и его самого. В этом вопросе они с Отцом были на удивление единодушны, и герцог проявлял даже большую твердость.

– Каково первое правило Дома? – все время повторял герцог один и тот же вопрос.

И Лето должен был отвечать на него одними и теми же, раз навсегда затверженными словами:

– Никогда не жениться по любви, ибо это приведет к упадку Дома.

В свои четырнадцать лет Лето ни разу не был влюблен, хотя, естественно, испытывал муки вожделения. Отец побуждал его к интрижкам с деревенскими девушками, к сексуальным играм с женщинами, но предостерегал от обещаний, которых нельзя было давать кому бы то ни было из них. Учитывая свое наследственное право, Лето вообще сомневался в том, что когда-нибудь полюбит, особенно женщину, которая будет предназначена ему в жены...

Однажды утром, за неделю до срока запланированного отъезда Лето, отец хлопнул его по плечу и взял с собой. В этот день старый герцог хотел встретиться с народом, приветствуя по дороге даже слуг. Во главе небольшого почетного караула Пауль решил спуститься в приморский городок, расположенный у подножия замка, чтобы пройти по рынку, сделать покупки, посмотреть на своих подданных и показать им себя. Пауль часто брал в такие вылазки сына, и для того это было чудесным времяпрепровождением.

Выйдя за пределы дворца, оказавшись под бледно-синим небом, Пауль начинал заразительно от души смеяться, показывая всем свой добрый нрав. Людям всегда нравится, когда среди них оказывается сердечный добрый человек. Лето и его отец не спеша шли по рынку, справляясь о ценах у лотков с овощами и свежей рыбой, торгуясь у витрин с коврами, сплетенными из отбитых волокон понджи, или огненной травы. В этих рядах Атрейдес часто, особенно после очередной ссоры, покупал жене безделушки или сувениры. Однако он слишком плохо знал вкусы Елены, чтобы хоть раз угодить ей.

У лотка с устрицами старый герцог внезапно остановился и посмотрел в небо, затянутое неизвестно откуда набежавшими облаками. Паулю в пришла голову, как ему показалось, блестящая идея. Он посмотрел на сына и улыбнулся так широко, что его кустистая борода разошлась надвое.

– Прежде чем отправить тебя в далекие края, сынок, надо устроить для народа доброе представление. Твой отъезд должен стать памятным событием для всего Каладана.

Лето с трудом удержался от того, чтобы съезжиться. Он слышал о склонности отца к сумасбродным выходкам и знал, что он сделает все, что задумал, хотя бы это противоречило здравому смыслу.

– Что вы задумали, сэр? Что я должен делать?

– Ровным счетом ничего. Я объявлю празднество в честь моего сына и наследника.

С этими словами герцог схватил руку сына, поднял ее вверх в знак триумфа и заговорил, покрывая своим громовым голосом гомон толпы:

– Сегодня у нас будет бой быков, старое развлечение народа. Это будет день праздника на Каладане, голографическую проекцию события мы передадим по всей планете.

– Бой с салусскими быками? – спросил Лето, ясно представив себе это свирепое создание с высокой холкой, головой, украшенной многочисленными смертоносными рогами, и налитыми кровью фасеточными глазами. Когда Лето был еще маленьким мальчиком, он не раз ходил в стойло и внимательно рассматривал этих чудовищных животных. Скотник Ириск, один из тех немногих слуг, которых мать привезла с собой, ухаживал за быками и готовил их к представлениям, которые время от времени устраивал старый герцог.

– Естественно, – ответил Пауль. – И, как всегда, я сам буду с ними драться.

Он взмахнул рукой в приветственном жесте, словно в кулаке у него был зажат яркий цветной плащ.

– Старые кости еще достаточно проворны, чтобы справиться с громадным быком. Пусть Ириск приготовит одного, или ты хочешь сам выбрать мне быка, сынок?

– Я думаю, что вам не стоит больше этим заниматься, – ответил Лето. – Прошел почти год с тех пор, как вы...

– Откуда ты набрался этого вздора?

– Так говорят ваши советники, сэр. Бой с быком полон неоправданного риска. Разве не поэтому с некоторых пор вместо вас с быками сражаются другие люди?

Старик рассмеялся.

– Какая глупость! Я не выступал только по одной причине: быки постепенно выродились, в них произошел какой-то генетический сбой, и они стали никуда не годны, но теперь положение выправилось. Новые быки, которых недавно доставили, в полном порядке и готовы к бою, так же как и я.

Он обнял мощной рукой узкие плечи сына.

– Какой лучший повод, чем твой отъезд, можно найти для *corrida de toros*?² Ты будешь первым гостем на этой корриде. Именно ты. Мать не сможет теперь сказать, что ты слишком юн для этого.

Лето неохотно кивнул. Отец никогда не откажется от своего решения; никогда и ни при каких обстоятельствах. В конце концов, Пауль еще очень силен и у него есть персональный защитный пояс. Так что все не так страшно.

Используя персональный защитный пояс, Лето и сам не раз дрался, правда, с людьми, и хорошо знал все достоинства и недостатки щита. Он хорошо защищал от пуль, снарядов и других поражающих объектов, но клинок, который двигался ниже некоторой критической скорости, беспрепятственно проникал сквозь пояс и поражал беззащитную плоть. Разъяренный салусский бык, вооруженный смертоносными рогами, двигался слишком медленно и представлял смертельную угрозу, так как был способен пробить любой, даже самый совершенный щит.

Он судорожно сглотнул, пытаясь представить себе этих новых, еще более свирепых быков. Те, что Ириск показывал ему раньше, тоже были достаточно опасны; во всяком случае, они убили трех матадоров. Это Лето хорошо запомнил...

Захваченный своей идеей, Пауль оповестил о ней всех торговцев на рынке через систему оповещения, громкоговорители которой были установлены в каждом магазинчике и возле каждого прилавка. Услышав новость, люди оживились, глаза их заблестели от предвкушения поистине народного и одновременно королевского зрелища. Все смеялись, не только потому, что их ожидало замечательное представление, но и потому, что герцог объявил, что будет праздник, а значит, и день отдыха.

Мальчик заранее знал, что мать будет решительно возражать против того, чтобы Пауль дрался с быком, а Лето при этом присутствовал, но не хуже знал он и то, что в этих обстоятельствах Пауль проявит еще большее упорство, чем обычно. Под нежарким полуденным солнцем раскинулась чаша арены «Пласа-де-Торос». Трибуны являли собой огромную решетку с ячейками, и с большого расстояния люди на трибунах выглядели как крошечные, разноцветные точки, заполнившие ячейки. Герцог никогда не брал с людей платы за ристалища, в которых выступал главным действующим лицом; для этого он был слишком горд, к тому же Пауль любил выступать.

Огромные черно-зеленые полотнища развевались на ветру, из громкоговорителей неслись звуки фанфар. Колонны, украшенные гербами Атрейдесов – ястребами, – подновили и заново покрасили по случаю знаменательного события. По краю арены были сложены букеты

---

² Бой быков, коррида (*исп.*).

цветов полей и долин: намек на то, что герцог не возражает, чтобы подданные бросали ему цветы после того, как он убьет быка.

Внизу, в раздевалке матадоров, Пауль снаряжался для боя с быком. Лето, стоя рядом с ним, прислушивался к возбужденному реву толпы.

– Отец, мне очень не нравится эта затея. Это слишком большой риск. Тебе не стоит это делать, особенно ради меня.

Старый герцог отмел эти возражения.

– Лето, сынок, ты должен хорошенько понять, что умение управлять людьми и завоевывать их верность состоит не только в подписании бумаг, сборе налогов и заседаниях в Совете Земель.

Встав перед зеркалом, Пауль поправил красный плащ.

– Я зависим от этих людей, что сейчас на трибунах ждут представления. Мне надо, чтобы они производили на Каладане все, что он может дать. Они должны трудиться охотно, не жалея сил, и не только ради собственного обогащения, но и ради славы и чести. Если Дом Атрейдесов снова будет вынужден воевать, то именно эти люди прольют за него свою драгоценную кровь. Они будут складывать свои головы под нашими знаменами. – Он ощупал снаряжение. – Ты не затянешь ремни?

Лето подтянул кожаные полосы на кожаном панцире и, туго затянув их, завязал. Он промолчал, но кивнул, давая понять, что все понял.

– Как их герцог, я должен дать им что-то взамен, чтобы показать, что я тоже представляю для них ценность. Я делаю это не только для развлечения, а для того, чтобы они увидели, что я герой могучего телосложения, отмеченный свыше роком управлять ими. Я не могу править, если не отдам им себя взамен. Правление – это не пассивный и не односторонний процесс.

Пауль потрогал защитный пояс и улыбнулся сквозь бороду.

– Учиться не поздно в любом возрасте, – назидательно процитировал он. – Это строка из «Агамемнона». Как видишь, я не всегда сплю на спектаклях, а только делаю вид.

Туфир Гават, оружейный мастер, стоял рядом со своим герцогом. Как верный ментат, Гават никогда не перечил решениям своего господина. Напротив, в его обязанности входило обдумывать положение и давать герцогу самые лучшие советы. Вот и сейчас Гават шептал на ухо Паулю, что именно отличает новых салусских быков от прежних животных.

Лето знал, что мать тоже здесь; сидит в герцогской ложе. Она одета в лучшее платье, лицо ее полускрыто за прозрачной вуалью. Она одета почти роскошно и талантливо играет свою роль. Сейчас она приветливо машет толпе, хотя всю прошедшую ночь супруги снова провели в ожесточенном споре за закрытыми дверями. Кончилось тем, что герцог Пауль просто заткнул жене рот жестким приказом. После этого он как ни в чем не бывало отправился спать, чтобы отдохнуть и набраться сил перед предстоящим боем.

Герцог облачился в отороченный зеленой каймой плащ, потом взял снаряжение, нужное для сражения с диким быком: шпагу с отравленным острием. Туфир Гават предложил слегка оглушить быка лекарствами перед боем, чтобы уменьшить его воинственный пыл, но герцог отверг это предложение – он любил встречать опасность лицом к лицу, ему не нужен заторможенный наркотиками противник!

Пауль пристегнул к защитному поясу активатор и зарядил поле, которое предназначалось только для того, чтобы прикрыть один его бок. Другой герцог защищал яркой блестящей мулетой.

Пауль церемонно поклонился сначала сыну, потом ментату, потом тренерам, которые ожидали его выхода на арену.

– Время начинать бой.

Лето смотрел во все глаза, как его отец, словно павлин на токовище, подбоченился и выступил на середину арены «Пласа-де-Торос». При его появлении на трибунах начался невообразимый рев, такого шума не бывало на обычных боях с салусскими быками.

Лето отошел за ограждение, жмурясь от нестерпимого сияния солнца. Он улыбнулся, видя, как отец медленно обошел арену по кругу, размахивая плащом и кланяясь восторженной публике. Мальчик почувствовал, как обожает народ своего храброго властителя, и это ощущение согрело его сердце.

Остановившись в тени, Лето дал себе клятву изучить, каким образом его отцу удалось завоевать такой триумф в глазах народа, чтобы потом, когда наступит срок, он тоже мог бы с таким же правом вести за собой свой народ. Триумф... да, сейчас будет еще один триумф – один из многих триумфов старого герцога. Лето не сомневался в успехе, но душу его все же снедало беспокойство. Слишком ненадежным было защитное поле. Бык мог повредить его ударом острого рога или тяжелого копыта.

Прозвучали литавры, и голос информатора объявил о начале боя быков, корриды. Народу объяснили правила. Величавым жестом руки, затянутой в сверкающую перчатку, герцог указал на массивные ворота на противоположной стороне арены.

Чтобы лучше видеть, Лето перешел на другую сторону, напомнив себе, что это будет не шуточное представление; отцу придется отстаивать свою жизнь.

Служители выводили по одному свирепых животных, и Ириск лично отобрал одно из них для поединка. Герцог осмотрел быка и остался доволен. Бык должен был удовлетворить своей свирепостью и силой толпу зрителей на трибунах. Герцог приготовился к корриде.

Тяжелые ворота, скрипя старинными петлями, отворились, и на арену выбежал бык, на мгновение остановившийся как вкопанный. Яркое солнце ослепило дикое животное. Зверь потряс своей массивной головой, украшенной множеством смертоносных рогов. В фасеточных глазах сверкала необузданная ярость. На спине мутировавшего быка были видны твердые чешуи, в которых, переливаясь разными цветами, отражалась шкура зверя.

Герцог Пауль свистнул, помахал плащом мулеты и крикнул:

– Иди сюда, тупица!

Публика оживилась, приветствуя выкрик громким одобрительным шумом.

Оглушительно и угрожающе всхрипнув, бык повернулся мордой к Паулю и низко наклонил голову, выставив вперед рога.

Лето заметил, что отец не стал включать защитное поле, а вместо этого взмахнул пестрым плащом перед носом быка, стараясь раззадорить животное и вызвать его гнев. Бык захрипел, начал бить копытом песок арены, потом еще ниже наклонил голову и бросился вперед. Лето хотелось крикнуть, предупредить отца. Может быть, он просто забыл нажать кнопку защитного поля на поясе? Как он вообще сможет уцелеть без поля?

Но бык пронесся мимо, и Пауль грациозно повернул в ту же сторону плащ, позволив быку поразить рогами ложную цель. Изогнутые рога разодрали ткань плаща на неровные полосы. Когда бык пронесся мимо него, Пауль демонстративно отвернулся от быка, самоуверенно подставив зверю незащищенную спину. Он шутовски поклонился толпе, потом выпрямился и не спеша, спокойно включил защитное поле.

Бык снова атаковал, и на этот раз герцог пустил в ход шпагу, нанося быку мелкие, но болезненные уколы в бока. В многогранных фасеточных глазах быка многократно отражалась фигура его живописно одетого мучителя.

Бык снова бросился вперед.

Он движется слишком быстро для того, чтобы пробить поле, подумалось в это мгновение Лето. Но если бык устанет и выдохнется, то он может стать намного опаснее...

Бой продолжался, и Лето видел, что все эти картинные сцены отец представляет только затем, чтобы ублажить толпу, доставить ей сладкое, мучительное удовольствие видом своей

игры со смертью. Старый Пауль мог убить быка в любой момент, но он оттягивал удовольствие, преднамеренно играя с быком в долгую кровавую игру.

Из обрывков разговоров на трибунах Лето понял, что об этом бое быков будут вспоминать много лет. Фермеры с рисовых полей и рыбаки ведут тяжкую, заполненную повседневными трудами, жизнь. Но после сегодняшнего боя в их памяти запечатлется образ рыцаря без страха и упрека, их герцога. Посмотрите, будут говорить они, что вытворяет наш старый Пауль, несмотря на годы!

Постепенно бык стал выдыхаться, его дыхание стало еще более хриплым, глаза налились кровью, которая капала из многочисленных мелких ран, заливая пыльную арену. Герцог Пауль решил наконец сам закончить бой. Он и так растянул это удовольствие почти на час. Пот капал с его лба, но герцог каким-то образом ухитрился сохранить свое поистине королевское достоинство. Даже его одежда не растрепалась, оставшись в полном порядке.

В ложе леди Елена продолжала размахивать разноцветными флажками, заученно улыбаясь народу на трибунах.

Сейчас салусский бык превратился в обезумевшую машину смерти, в бронированной, покрытой твердой чешуей шкуре которого было всего несколько уязвимых мест, через которые его можно было поразить насмерть. Бык снова понесся на герцога, бег его был не очень уверенным, но рога, выставленные вперед, походили на смертоносные копья. Герцог Пауль увернулся влево и резко повернулся, когда зверь пронесся мимо.

Пауль тем временем отпрыгнул в сторону, швырнул в песок накидку и обеими руками взялся за рукоять шпаги. В боковой удар он вложил всю свою силу. Удар был безупречно проведен и великолепно исполнен. Лезвие клинка прошло между чешуями на коже животного, скользнуло между позвоночником и черепом, распоров связь между головным и спинным мозгом чудовища. Это был самый трудный и изощренный способ умерщвления быка.

Чудовище остановилось как вкопанное, хрипло взревело – и рухнуло замертво. Труп грохнулся на песок с такой же силой, с какой падает на землю потерпевший бедствие космический корабль.

Поставив ногу на голову поверженного противника, Пауль оперся на ножны шпаги. Покрытый кровью клинок он небрежным жестом отбросил на присыпанную пеплом арену. Достав из ножен меч, он приветственно взмахнул им в воздухе.

Люди, все как один, повскакивали со своих мест, крича, улюлюкая и от души веселясь. Они размахивали знаменами, вытаскивали из расставленных по периметру трибуны ведер цветы и бросали их к ногам победителя. Толпа нараспев еще и еще раз выкрикивала имя Пауля.

Купаясь в этом море обожания, патриарх Атрейдесов улыбался, поворачиваясь в разные стороны, чтобы никто не чувствовал себя обделенным его милостью. Он словно невзначай запахнул плащ, показывая одежду, пропитанную потом. Теперь, когда он одержал победу, поданные могли увидеть, какой ценой досталась она старому герцогу. Лоск можно было отбросить.

После того как приветственные крики понемногу утихли, герцог взметнул вверх меч и с силой опустил его несколько раз на шею быка, до тех пор, пока ему не удалось отделить голову от туловища. После этого Пауль бросил на мягкий песок арены окровавленный меч, взялся обеими руками за рога чудовища и поднял вверх его голову.

– Лето, – крикнул герцог, и его голос гулко прозвучал под сводами «Пласа-де-Торос». – Лето, сын мой, подойди ко мне!

Лето, который все еще стоял под сводом арки, мгновение колебался, но потом вышел вперед. Высоко подняв голову, он пересек арену, взрытую копытами быка, и встал рядом с отцом. Толпа снова взорвалась восторженными криками.

Старый герцог повернулся к сыну лицом и протянул ему голову поверженного чудовища.

– Вот Лето Атрейдес! – громко провозгласил старый Пауль. – Ваш будущий герцог!

Толпа продолжала аплодировать и кричать «ура». Лето взялся рукой за один из рогов; они с отцом стояли рядом, высоко подняв голову быка; из зияющей раны на песок арены, пятная его, продолжала капать алая бычья кровь.

Когда Лето услышал, как толпа в едином порыве громко выкрикивает его имя, он ощутил глубокое волнение. Интересно, не это ли чувство испытывает человек, ощущая себя вождем, подумал мальчик.

Н'ки: Медленно действующий яд, образующийся в надпочечных железах; самый коварный токсин, разрешенный к применению по соглашению с Гильдией и соответствующий ограничениям, наложенным Великой Конвенцией. (См. Война Убийц.)

Учебник наемного убийцы.

– М-м-м, вы же знаете, Шаддам, что император никогда не умрет.

Маленький человечек с огромными черными глазами на вытянутом крошечном личике, похожем на мордочку ласки, Хазимир Фенринг, сел напротив консоли защитного поля своего гостя, кронпринца Шаддама.

– По крайней мере это не случится, пока вы молоды и можете наслаждаться всеми радостями царствования.

Проницательным взглядом Фенринг взглянул на черный шар защитного поля кронпринца, который, закончив свою игру, присел отдохнуть, явно недовольный результатом. Эти два человека знали друг друга всю свою сознательную жизнь и были дружны с детства. Фенринг хорошо знал, как отвлечь Шаддама от мрачных мыслей.

Из игрового зала, расположенного в пентхаусе Фенринга, Шаддам хорошо видел императорский дворец своего отца, сверкавший в лучах солнца на пологом склоне холма в километре от дома Фенринга. Много лет назад, с помощью своего преданного друга, Шаддам сумел избавиться от соперника, старшего брата Фафнира, но от этого императорский Трон Золотого Льва не стал ни на йоту ближе.

Шаддам вышел на балкон и тяжело вздохнул.

Кронпринцу было около тридцати пяти лет, он отличался резкими чертами лица, сильным, волевым подбородком и орлиным носом. Рыжеватые волосы были тщательно подстрижены и напомажены. Вообще Шаддам до странности походил на бюст старого императора, изваянный придворным скульптором лет сто назад, в первые годы правления Эльруда.

Наступал вечер, две из четырех лун Кайтэйна, взойдя над горизонтом, низко висели за гигантским силуэтом императорского дворца. В ясном небе парили ярко освещенные планеры, преследуемые стайками певчих птиц. Иногда Шаддам чувствовал просто настоятельную потребность бежать подальше от императорского дворца.

– Сто тридцать шесть лет правит падишах император, – продолжал Фенринг своим гнусавым голосом. – Да и отец старого Эльруда тоже правил больше сотни лет. Что вы об этом думаете, а? Ваш батюшка взойшел на престол, когда ему было девятнадцать лет, а вам уже в два раза больше. Вас это не беспокоит?

Фенринг повернул к принцу свою остренькую мордочку и уставил огромные глаза в лицо Шаддама.

Тот в ответ промолчал, глядя на горизонт и думая о том, что надо продолжить игру... хотя впереди у него с Фенрингом были совсем иные игры с куда большими ставками.

Фенринг дружил с имперским наследником много лет и прекрасно знал, что Шаддам не способен решать серьезные проблемы, когда его отвлекают удовольствия. *Ну что ж, надо положить конец развлечению.*

– Моя очередь, – объявил он. Фенринг потянул на себя рычаг, торчавший из защитного шарового поля, коснувшись концом рычага вращающегося диска внутри шара. От этого движения внутренний черный шарик взметнулся вверх и завис под сферой защитного поля. Выждав

нужное время, Фенринг отпустил рычаг. Шарик рухнул вниз, попав точно в центр диска. Высший балл!

– Черт бы тебя побрал, Хазимир! – в сердцах воскликнул кронпринц. – Ты опять великолепно провел партию. Надеюсь, ты будешь мне поддаваться, когда я стану императором?

В глазах Хазимира Фенринга застыло дикое выражение, это были глаза хищника, всегда готового к смертоносному прыжку. Придворный страдал генетическим дефектом, делавшим его евнухом, неспособным иметь детей, но, как бы в компенсацию болезни, Фенринг был самым опасным бойцом Империи, его свирепость и отвага вошли в поговорку. Хазимир мог состязаться в воинском искусстве с любым сардаукаром.

– *Когда* вы станете императором? – Фенринг и Шаддам делили между собой такие тайны, что между ними уже не осталось ничего недосказанного. – Шаддам, вы выслушаете то, что я вам скажу, а? – Он раздраженно вздохнул. – Вам тридцать четыре года, вы сидите сложа руки и ждете, когда начнется ваша жизнь. Да, это ваше природное право. Но Эльруд может протянуть еще не одно десятилетие. Он старый, крепкий Бурсег, постоянно глотает пряное пиво, и если так пойдет дальше, то он переживет нас обоих.

– Так зачем об этом говорить? – поинтересовался Шаддам, играя рычагами шара и явно желая продолжить увлекательную забаву. – У меня и так есть все, что мне нужно.

– Вы с большим удовольствием будете играть в игрушки до тех пор, пока не состаритесь? Я-то думал, что у вас гораздо более серьезные планы на жизнь. Как быть с предназначением крови Коррино?

– Ах да! Но что будет, если я не достигну своего *предназначения*, – в тоне Шаддама прозвучала горечь, – то с чем останешься ты?

– У меня все будет в порядке, – отпарировал Фенринг.

Его мать была воспитанницей ордена Бене Гессерит и состояла в нем до тех пор, пока ее не призвали ко двору и не сделали статс-дамой при четвертой жене Эльруда. Мать хорошо воспитала сына, готовя его к великим и славным деяниям.

Однако Хазимир Фенринг был разочарован поведением царственного друга. Когда-то, когда Шаддаму не было еще и двадцати лет, он был более деятельным и куда сильнее домогался трона. Домогался настолько, что побудил Фенринга отравить своего старшего брата Фафнира, которому шел тогда сорок седьмой год и он сам очень хотел стать императором.

Фафнир мертв уже пятнадцать лет, но старый стервятник Эльруд и не думает умирать. Он не хочет даже отречься от престола по своей доброй воле. За это время Шаддам утратил свой боевой пыл, погрузившись в удовольствия жизни наследника. В самом деле, хорошо быть кронпринцем – масса удовольствий и никакой ответственности. Но Фенринг хотел большего, дня своего друга и для себя.

Шаддам сердито посмотрел на приятеля. Мать Шаддама, Хабла, пренебрегла воспитанием сына, доверив его заботам статс-дамы Чаолы Фенринг. С самого детства Шаддам и Хазимир часами говорили о том, как это будет прекрасно, когда на Трон Золотого Льва взойдет *Падишах Император Шаддам IV*.

Но в глазах Шаддама все эти разговоры давно потеряли свою магическую привлекательность. Многолетняя действительность, так не похожая на детские грезы, убедила Шаддама, что незачем предаваться бесплодным ожиданиям. Его желания и стремления растворились в апатии. Зачем куда-то стремиться, если можно с таким удовольствием играть в мяч и ни о чем не думать?

– Ты ублюдок, – сказал Шаддам. – Давай начнем новую партию.

Не обращая внимания на это предложение друга, Фенринг выключил консоль управления игрой.

– Может быть, я и ублюдок, но Империя стоит перед массой проблем, которые требуют незамедлительного решения, а ваш отец совершенно забросил дела и плохо с ними управля-

ется. Вы это знаете не хуже, а лучше, чем я. Если бы глава какой-нибудь компании вел дела, как ваш отец, его фирма неминуемо разорилась бы. Вспомните о скандале с ОСПЧТ, связанном с исчезновением камней су.

Шаддам с трудом подавил тяжкий вздох.

– Да, тут я не могу с тобой спорить, Хазимир. Ты прав на сто процентов.

– Всякие самозванцы, герцог, герцогиня... все эти призраки под носом у вашего батюшки. Кто за ними всеми следит? Как они ухитрились укрыться на какой-то планете на окраине Империи, да так, что никто не знает, как их найти и выкурить оттуда? Этого никогда не должно было произойти, не правда ли, мой принц? Вообразите себе и потери от утраты контроля над Баззеллом. Вообразили? О чем вообще думает Эльруд?

Шаддам отвел взгляд. Он не любил занимать голову серьезными имперскими проблемами. Учитывая, что его отец был еще бодр и крепок, эти проблемы представлялись далекими и не слишком важными для наследного принца.

Но Фенринг не отставал:

– Мне представляется, что если вы будете вести себя так же, как сейчас, то дела наши никогда не поправятся. Никаких шансов. Ему уже сто пятьдесят пять лет, а он здоров как бык. Фондиль III, его отец, прожил целых сто семьдесят пять лет. Кто-нибудь из императоров Коррино побьет этот рекорд?

Шаддам нахмурился и бросил красноречивый взгляд на игровой шар.

– Ты же знаешь, что я не занимаюсь этими вещами, даже навлекая на свою голову гнев тугуров.

Фенринг ткнул Шаддама пальцем в грудь.

– Эльруд проживет двести лет, попомните мои слова. У вас будут серьезные неприятности, мой друг, если вы не прислушаетесь к моим словам.

В ожидании ответа Хазимир высоко поднял брови и округлил свои и без того огромные глаза.

– Ты опять начитался на ночь «Учебника наемного убийцы», не так ли? Будь осторожен с такой информацией. Смотри, а то как бы у тебя не было неприятностей.

– Робкие и боязливые люди обычно не заслуживают ничего лучшего, чем незаметной, нудной работы. Но вы и я, Шаддам, заслуживаем гораздо более светлого будущего. Подумайте о возможностях, хотя бы даже гипотетических. Да и потом, что плохого в яде? Он работает очень мягко и надежно, поражает только цель, не вызывает никаких побочных смертей, то есть действует именно так, как того требует Великая Конвенция. Отравление ядом не влияет на годовые доходы государства, не разрушает собственность. Легко, надежно и аккуратно.

– Яды должны использоваться в отношениях между Домами, а не для того, что ты мне тут предлагаешь.

– Но вы же не жаловались, когда я позаботился о вашем брате Фафнире, не жаловались? Ему бы сейчас было далеко за пятьдесят, а он бы все ждал своей очереди попробовать на вкус, что такое Трон Золотого Льва. *Вы* тоже хотите так долго ждать?

Шаддам топнул ногой:

– Прекрати. Я и представить себе не могу такой исход. Это не по правилам.

– А лишать вас природного права на власть, это по правилам? Какой же получится из вас император, если вам так и не представится возможность испытать, что такое власть, пока вы не станете таким же немощным стариком, как и ваш батюшка? Посмотрите, что произошло на Арракисе. К тому времени, когда мы сместили Абульурда Харконнена, был нанесен значительный ущерб добыче пряности. Абульурд не умел щелкать бичом, и рабочие перестали ловить мышей. Сейчас там заправляет делами барон Харконнен. Он умеет щелкать бичом, но слишком усердствует на этом поприще, а это привело к падению нравов и саботажу. Я не спешу обвинять барона Харконнена, ибо в конечном счете во всем виноват только ваш отец, и никто

больше. Во всем виновен падишах император, принимающий неверные решения. – Хазимир взял себя в руки и продолжил более спокойным тоном: – Вы должны нести ответственность за стабильность Империи.

Шаддам посмотрел на потолок, словно ища там глазки видеокамер и подслушивающие устройства, хотя знал, что Фенринг регулярно проверяет свои апартаменты на наличие следящей аппаратуры и убирает ее при обнаружении.

– Каким ядом ты хочешь воспользоваться? Конечно, чисто гипотетически.

Он посмотрел на сияющий огнями императорский дворец. Сверкающее здание показалось ему чашей святого Грааля, недостижимой и долгожданной наградой.

– Может быть, стоит попробовать что-нибудь медленно действующее, а? Все подумают, что Эльруд постепенно стареет. Положитесь в этом деле на меня. Как наш будущий император, вы не должны занимать себя мелочами такого рода. В этих делах я всегда был вашим доверенным лицом, не правда ли?

Шаддам задумчиво пожевал нижнюю губу. Никто во всей Империи не знал больше о Хазимире Фенринге, чем он, кронпринц Шаддам. Но может ли его друг обратиться против него самого? Вполне вероятно, хотя Фенринг отчетливо понимал, что его путь к вершинам власти намертво связан с Шаддамом. Вызов заключался в умении держать в узде амбиции друга и всегда опережать его хотя бы на полкорпуса.

Старый император Эльруд, знавший о смертоносных способностях Хазимира Фенринга, использовал его в нескольких тайных операциях, все из которых оказались успешными. Эльруд подозревал, что Фенринг приложил руку и к преждевременной смерти кронпринца Фафнира, но считал этот эпизод неизбежной частью имперской политики. За все годы Фенринг умертвил приблизительно пятьдесят мужчин и дюжину женщин, как правило, это были любовники императора обоюбого пола. Хазимир был горд тем, что является убийцей, который может встретить жертву лицом к лицу или поразить ее в спину, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Бывали дни, когда Шаддам искренне жалел о том, что в детстве судьба свела его с таким чудовищем, как Хазимир Фенринг. Не будь этой детской дружбы, не стоял бы сейчас кронпринц перед тяжким выбором, о котором даже думать не хотелось. Шаддаму следовало бы расстаться с товарищем по колыбели, как только он научился ходить. Было слишком рискованно держать при себе такого безжалостного убийцу, к тому же эта дружба пятном позора ложилась на репутацию самого Шаддама.

Но как бы то ни было, Фенринг оставался его другом. Между ними существовало какое-то притяжение, какое-то неопределимое нечто, о котором они часто говорили, не вполне осознавая, в чем именно заключается это нечто. В настоящее время Шаддаму было гораздо проще продолжать поддерживать отношения с Хазимиром, считая их дружбой, чем порвать с ним. Такой поворот событий мог бы оказаться в высшей степени опасным для жизни.

Совсем рядом Шаддам внезапно услышал тихий голос, выведший его из раздумий. Он поднял голову и увидел возле себя Фенринга, протягивающего ему стакан мутноватого киранского бренди.

– Ваш любимый бренди, мой принц.

Кронпринц принял бокал из руки Фенринга, но внимательно и с опаской пригляделся к цвету напитка. Не изменился ли он, не подмешал ли друг в коньяк какое-нибудь зелье? Шаддам наклонился вперед и принюхался: не пахнет ли коньяк чем-то необычным? Нет, аромат бренди был совершенно нормальным. Но Хазимир может сохранить и цвет и запах в норме, он дока в своем деле.

– Могу принести снупер, если хотите, мой принц, но не волнуйтесь, я никогда не стану вас травить, – произнес Фенринг со зловещей улыбкой на устах. – Однако это не относится к вашему отцу. У него совсем иное положение.

– Ах да! Медленно действующий яд, ты говоришь? Подозреваю, что ты уже знаешь, каким именно веществом ты воспользуешься, Как долго проживет мой отец после того, как ты примешься за дело? Я хочу сказать, если мы вообще возьмемся за это дело.

– Два года, может быть, три. Во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы все подумали, что его упадок связан с возрастом и является вполне естественным.

Шаддам поднял подбородок, стараясь придать себе царственный вид. Кожа его была надушена, волосы напомажены и гладко зачесаны назад.

– Надеюсь, ты понимаешь; что я могу поддержать такую измену только для блага Империи, чтобы избавить ее от возможных настоящих и грядущих потрясений, которые она испытывает при слабом правлении моего отца?

Хитрая усмешка исказила лисью мордочку.

– Конечно, конечно.

– Два или три года, – начал вслух размышлять Шаддам. – У меня будет время приготовиться к тому, чтобы взять на себя ответственность за управление Империей. Полагаю, что в это время ты займешься более неприятными делами, но тоже во имя Империи.

– Вы будете пить, Шаддам?

Шаддам встретил взгляд огромных глаз и почувствовал, как по спине пробежала волна страха. Он слишком далеко зашел, чтобы сейчас не доверять Фенрингу. Принц, дрожа, вздохнул и отхлебнул огненную, ароматную жидкость.

Три дня спустя Фенринг, словно привидение, проскользнул сквозь защитные поля дворца, миновал охрану и проник в спальню императора. Вот он стоит над спящим владыкой, прислушиваясь к его натужному храпу.

Во всей вселенной нет никого, кто мог бы позаботиться о бедолаге.

Никто, кроме Хазимира Фенринга, не смог бы проникнуть в святая святых – опочивальню старого императора, но у ловкого убийцы были свои проверенные способы: взятка кому надо, болезнь наложницы, отвлекшийся на мгновение привратник, канцлер, посланный решать какие-то неотложные дела. Хазимир проделывал все это настолько много раз, что техника выполнения подобных операций была отработана до мелочей, которые он сам перестал осознавать. Навык вошел в плоть и кровь, любое задание выполнялось с неизбежностью восхода солнца. Все обитатели дворца привыкли к тому, что Фенринг постоянно слоняется по его коридорам, кроме того, было не принято задавать этому человеку вопросы. Согласно подсчетам, которые сделали бы честь любому ментату, Фенринг знал, что в его распоряжении три минуты. Может быть, при большом везении, четыре.

Вполне достаточно для того, чтобы изменить ход мировой истории.

Рассчитывая время с той же безошибочностью, как во время игры и при испытании яда на манекенах и двух несчастных женщинах, работницах продовольственного склада, Фенринг застыл на месте, прислушиваясь к дыханию жертвы, как это делают лазанские тигры перед прыжком. В одной руке Хазимир держал тончайший капилляр-иглу, а в другой распылитель анестетика. Старый Эльруд лежал на спине в очень подходящем положении. Император походил на мумию. Пергаментная кожа туго обтягивала стариковский череп.

Твердая рука поднесла распылитель к лицу спящего человека. Фенринг мысленно считал, выжидая нужный момент...

В середине промежутка между двумя дыхательными циклами он нажал на кнопку распылителя, и туман обезболивающего вещества окутал голову императора.

Внешне Эльруд нисколько не изменился, но Фенринг наверняка знал, что нервные окончания кожи на время стали мертвыми. Настало время убийственного укола. Тонкая, как волосок, игла вошла в нос императора. Кончик ее, снабженный системой самонаведения, скользнул вглубь, прошел сквозь пазуху и проник в лобную долю головного мозга Эльруда. Выждав мгно-

вание, Фенринг выдавил в вещество мозга химическую мину замедленного действия и тотчас извлек иглу. Всего несколько секунд, и дело сделано. Никаких следов, никакой боли. Никакими существующими способами невозможно обнаружить в мозгу императора эту многослойную химическую машину, приведенную в действие Фенрингом. Маленький катализатор, заложенный в лобной доле, отныне начнет расти и выполнять свою разрушительную миссию.

Каждый раз, когда император будет пить свое любимое пиво, его собственный мозг станет выделять в кровь небольшие дозы каталитического яда, превращающего безобидное пиво в смертельный, незаметно действующий яд. Разум императора постепенно начнет сдавать. Как приятно будет наблюдать за этим необратимым процессом.

Фенринг обожал тонкую работу.

Квисац Хадерах: «Сокращение Пути». Так назвали Сестры Бене Гессерит некое неизвестное искомое, для нахождения которого они пытались воспользоваться генетическим решением. Требовалось создать мужчину Бене Гессерит, который послужил бы мостом для соединения пространства и времени.

Терминология Империи

Наступило еще одно холодное утро. Сквозь серые тучи, с которых сеялся мелкий дождь, проглянуло маленькое синевато-белое солнце Лаоцзинь, осветившее выложенные терракотовыми плитками крыши домов.

Преподобная Мать Анирул Садоу Тонкин надвинула на лоб капюшон и застегнула ворот накидки, чтобы уберечься от сырости, которую нес с собой всепроникающий южный ветер. Быстрыми мелкими шажками Преподобная Мать пересекла вымошенную мокрой от вечного дождя брусчаткой площадь, чтобы войти в сводчатую дверь административного здания Бене Гессерит.

Она опаздывала, поэтому ей пришлось бежать, хотя даме ее положения не подобает бегать, как пунцовой от стыда школьнице. Верховная Мать и члены Совета уже собрались в палате Капитула, но их встреча не могла начаться без Анирул. Только она обладала всеми необходимыми документами, касающимися селекционной программы, и только у нее хранились данные, полученные из Другой Памяти.

Обширный учебный комплекс на Валлахе IX был базой операций Бене Гессерит, которые проводились по всей Империи. Первое в истории Убежище Общины Сестер было воздвигнуто именно здесь, в первые годы после великого Джихада Слуг, в то время, когда основывались великие школы для изучения человеческого сознания. Некоторые строения учебно-тренировочного центра были построены несколько тысячелетий назад, но были и более новые постройки, стиль которых соответствовал стилю первоначальных зданий, полных привидений, легенд и слухов. Буколический вид зданий полностью соответствовал принципу, который исповедовала Община Сестер: минимум внешнего, максимум содержания. Лицо Анирул полностью отвечало этому требованию: продолговатое, ничем не примечательное лицо, и только в глазах таилась глубина нескольких тысячелетий человеческой истории.

Деревянные, оштукатуренные здания, выстроенные в эклектичном архаичном стиле и покрытые сиенскими крышами, подернутыми полосками проросшего в щелях мха, и маленькие сводчатые окна, приспособленные для концентраций скудного света и тепла от маленького солнца, производили странное впечатление и не поражали воображение высоких надменных визитеров. Однако это последнее обстоятельство нисколько не тревожило Сестер Бене Гессерит, работавших в учебном центре, где за неказистой внешностью классов пряталось глубочайшее знание истории и психики человека.

Сестры не слишком высывали нос, передвигаясь по всей Империи, но их всегда можно было видеть там, где происходили решающие события. Сестры Бене Гессерит смещали политическое равновесие в поворотных пунктах истории, наблюдали за изменениями, подталки-

вали их, достигая при этом своих целей. Для них было только к лучшему, если противники недооценивали их, так на их пути возникало меньше препятствий.

При всех внешних неудобствах и трудностях, которые представляла планета Валлах IX, она была едва ли не идеальным местом для тренировки психической мускулатуры, если так можно выразиться, что являлось главным условием воспитания полноценной Преподобной Матери. Хитросплетение зданий и инфраструктуры настолько соответствовало духу и задачам Ордена Бене Гессерит, что было почти невыносимо менять место нынешней дислокации Общины Сестер и ее учебно-тренировочного центра. Да, были, конечно, планеты с более теплым климатом и более ярким солнцем, были более гостеприимные миры, но какая же Преподобная Мать может получиться из послушницы, которая не готова испытывать нужду и терпеть лишения, одновременно принимая тяжелые решения, как то подобает настоящей воспитаннице Бене Гессерит?

Утишив дыхание, Преподобная Мать Анирул поднялась по скользким ступеням крыльца административного здания и оглянулась на площадь. Она стояла выпрямив спину и расправив плечи, хотя на них давил груз тысячелетней памяти, которая была заключена в ее сознании. В этом отношении Преподобные Матери мало отличались друг от друга. Голоса прошлых поколений эхом отдавались в Другой Памяти какофонией мудрости, опыта и мнений, доступных всем Преподобным Матерям, а в особенности Анирул.

Именно здесь первая Верховная Мать, Раquelла Берто-Анирул, в честь которой выбрала свое имя Анирул, произнесла первую легендарную речь, создав первую Общину Сестер. Раquelла выковала новую школу из нескольких послушниц – самых отчаянных и крепких, которые, как и некоторые их предшественницы, сумели несколько столетий прожить под гнетом думающих машин.

Знала ли ты, чему положила начало в те незапамятные времена? – мысленно спросила Анирул. – *Столько интриг, столько надежд... столь многое ты вложила в одну-единственную, тайную надежду.* Иногда голос Раquelлы, погребенный в глубинах памяти, сам отвечал на эти вопросы. Но сегодня первая Верховная Мать молчала.

Имея доступ к множеству совокупной памяти в своем сознании, Анирул знала всю последовательность своей генеалогии, все ее ступени, которые занимали на ней ее блистательные предки. Она могла слышать каждое их слово, произнесенное много столетий и тысячелетий назад. По ее спине пробежал холодок, заставивший женщину остановиться. Хотя она была молода годами и отличалась гладкой кожей, в ее психике находились памяти всех живших когда-либо предков, такая древность тяготила, и хотя такой особенностью обладали все Преподобные Матери, голоса предков звучали в памяти Анирул громче и отчетливее, чем у других. Эти советчики придавали уверенность, помогали в трудные минуты, предостерегая от глупых и нелепых ошибок.

Однако Анирул обвинят в рассеянности и неоправданной задержке, если она не явится на Совет. Некоторые говорили, что она слишком молода, чтобы стать матерью для Квисац Хадераха, но ведь именно ей Другая Память открывает больше, чем остальным Сестрам. Анирул понимала, что она больше других подходит для роли матери Квисац Хадераха, поскольку лучше других Преподобных Матерей осознает необходимость рождения этого человека. В ее душе присутствует вся Память, в то время как некоторые детали недоступны большинству Преподобных Матерей Бене Гессерит.

Идея Квисац Хадераха владела умами Преподобных Матерей многие и многие тысячелетия, зародившись на первых встречах, которые начались еще задолго до Джихада. Орден имел множество селекционных генетических программ, нацеленных на отбор и накопление лучших черт человеческого существа, но ни одна из них не могла полностью соответствовать намеченной цели, и никто не мог полностью охватить эти программы разумом. Генетические

линии мессианского проекта были таким секретом на всем протяжении истории Империи, что даже многие голоса из внутренней Памяти отказывались открывать все его подробности.

Но для Анирул было сделано исключение. Голоса Другой Памяти открыли ей всю схему, и она поняла весь замысел от начала до конца. Именно поэтому она была избрана будущей матерью Квисац Хадераха, хранительницей самой сокровенной цели существования Ордена Бене Гессерит.

Такая высокая честь и власть, данная ей от Сестер, не могли служить оправданием опоздания на встречу Совета. Многие Сестры смотрели на нее как на самую молодую Преподобную Мать и такое поведение могли счесть вызовом.

Открыв вращающуюся массивную дверь, Анирул вошла в фойе, где ее ждали десять Сестер, одетых в черные накидки с капюшонами – абы. Анирул была одета точно так же. Под сводами фойе непритязательного здания стоял приглушенный гул голосов. Сокровища можно прятать под мусором и неброской шелухой, утверждалось в одной из пословиц Ордена.

Сестры расступались перед Анирул, которая прошла через их группу, рассекая ее, как пловец рассекает воду. Хотя она была высока и отличалась широкой костью, походка ее была очень грациозной, что, впрочем, давалось ей не без труда. Перейдя на шепот и тихо переговариваясь, сестры последовали за Анирул в восьмиугольную палату Совета, где с древних времен собирались на совет руководители Ордена. Под ногами Анирул жалобно скрипели старые половицы, а дверь жалобно взвизгнула на древних петлях, когда ее закрыли, прежде чем приступить к встрече.

Белые скамьи из элакки окружали старый, выдавший виды стол. Верховная Мать Харишка сидела на одной из таких скамей, как простая послушница. На ее лице, покрытом глубокими морщинами, отражались все линии ее наследственности, которые она получила от разных ветвей человечества. Миндалевидные, пронизательные глаза смотрели из-под капюшона накидки.

Сестры подошли к столу и расселись на свободные скамьи, ничем не отличаясь от Верховной Матери. Затих шелест накидок, и наступило молчание. Слышалось только поскрипывание ветхих конструкций здания. Снаружи моросил мелкий дождь, сквозь занавески пробивался скудный свет маленького солнца.

– Анирул, я жду твоего доклада, – сказала Верховная Мать; в ее голосе можно было услышать небольшое раздражение по поводу опоздания Сестры на Совет. Харишка распорядилась всем Орденом, но Анирул была облечена полной и бесконтрольной властью в отношении выполнения проекта. – Ты обещала подготовить генетическое резюме и высказать свои предложения.

Анирул вышла на середину зала. Готический сводчатый потолок лепестками огромного цветка спускался к высоким стрельчатым витражным окнам. В каждом окне были секции, на которых изображались гербы выдающихся руководителей Ордена.

Подавив волнение, Анирул усилием воли заставила на время замолчать говорившие в ее душе голоса Другой Памяти. Многим Сестрам Бене Гессерит не понравится то, что она сейчас скажет. Хотя голоса прошлого могут подсказать удобный выход и подходящий компромисс, она должна выдать свою собственную оценку и твердо держаться этой точки зрения. При этом надо соблюдать абсолютную честность; Верховная Мать славилась тем, что сразу улавливала самое невинное и мелкое лукавство. Верховная Мать замечала все, и сейчас ее миндалевидные глаза с ожиданием и нетерпением смотрели на Анирул.

Анирул откашлялась и, прикрыв рот рукой, начала вещать специальным шепотом. Этот голос мог достичь только ушей присутствующих в зале и ничьих больше. Ничто не могло быть уловлено ни одним, самым сложным и хитроумным подслушивающим устройством. Все присутствующие представляли себе ее работу, но сейчас Анирул собиралась сообщить Сестрам некоторые важные детали, о которых они не могли знать.

– Тысячи лет упорного скрещивания и селекции наконец привели нас вплотную к заветной цели. Этот план выполняется уже в течение девяноста поколений, его осуществление началось еще до того, как войны Джихада привели нас к свободе от думающих машин. Мы начали разрабатывать его как собственное оружие такого освобождения. Мы хотели создать сверхсущество, способное соединить в своем разуме пространство и время.

Слова Анирул тонули во всеобщем равнодушии. Сестры заскучили от такого стандартного вступления в проект. *Очень хорошо, сейчас я скажу вам нечто такое, что вы сразу оживитесь. Я пробужду ваши надежды.*

– По хореографии ДНК я смогла определить, что от достижения цели нас отделяет всего три поколения. – Анирул почувствовала, как участился ее пульс. – Скоро у нас будет наш Квисац Хадерах!

– Берегись, когда произносишь вслух секрет секретов, – предостерегающе сказала Верховная Мать. Однако под напускной суровостью она не смогла скрыть восторг.

– Я берегу каждый аспект нашей программы, Верховная Мать, – ответила Анирул. Ответ прозвучал, пожалуй, слишком надменно. Она быстро взяла себя в руки, ее продолговатое лицо приняло обычное бесстрастное выражение, но все Сестры успели заметить вырвавшееся из-под контроля высокомерие. Раздался ропот, Сестры высказывали старые опасения относительно ее зазнайства, молодости и непригодности к столь высокой миссии. – Именно поэтому я так уверена в том, что мы должны сделать. Проанализированы все пробы генов, проверены все мыслимые возможности. Путь стал яснее, чем когда-либо.

Сколь много Сестер до нее работали над этим проектом, но именно ей, Анирул, выпало принять окончательное решение и проследить за воспитанием той девочки, которая, вероятно, станет бабушкой самого Квисац Хадераха.

– Я могу назвать имена финальных генетических пар, – объявила Анирул. – Наш индекс спаривания указывает на то, что эти пары с наибольшей вероятностью приведут нас к успеху. – Она помолчала, наслаждаясь всеобщим вниманием, которое ей удалось приковать к своему докладу.

Любому стороннему наблюдателю Анирул показалась бы обыкновенной Преподобной Матерью, неотличимой от всех остальных и даже, может быть, наименее талантливой из них. Бене Гессерит были великими мастерицами хранить тайны, и Мать Квисаца была самой сокровенной из этих тайн.

– Нам нужна особая линия кровного родства, восходящая к древнему Дому. Эта линия породит дочь – наш эквивалент Девы Марии, – которая станет супругой мужчины по нашему выбору. Эти двое станут дедом и бабкой. Их отпрыск женского пола будет воспитываться здесь, на Валлахе IX. Эта женщина Ордена Бене Гессерит станет матерью Квисац Хадераха, мальчика, которого мы воспитаем, он вырастет под нашим полным контролем. – Последние слова Анирул произнесла с придыханием, сознавая непомерную важность того, что она сейчас сказала.

Пройдет всего несколько десятилетий, и, может быть, при жизни самой Анирул произойдет удивительное рождение. Перебирая Другую Память, познавая ступени, пройденные Орденом для достижения великой цели, Анирул испытывала невероятное счастье от того, что именно ей выпало жить сейчас, в это великое время, когда произойдет неповторимое и замечательнейшее в истории событие. Ее предшественницы, выстроившись в призрачную очередь, застыли в трепетном ожидании.

Когда произойдет это неслыханное, не имеющее параллелей в истории событие, Преподобным Матерям не надо будет хитрить, манипулируя политиками и властителями Империи для достижения своих целей. Все будет принадлежать им, Матерям Бене Гессерит. Рухнет архаичная галактическая феодальная система.

Хотя никто не произнес ни слова, Анирул уловила озабоченность в ястребиных глазах Сестер. Правда, ни одна из них не осмелилась вслух высказать свои сомнения.

– Какова конкретно эта линия кровного родства? – озвучила немой вопрос Верховная Мать.

Анирул неестественно выпрямила спину и не колеблясь ответила:

– Нам нужна дочь барона Владимира Харконнена.

Она прочла неприкрытое удивление в глазах Сестер. Харконнены! Они, конечно, были частью всех селекционных программ, как и все Дома Совета Земель, но никто не мог и предположить, что сокровище Бене Гессерит произрастет непосредственно от такого семени. Что сулит такое происхождение Квисац Хадераху? Получив супермена от Харконненов, сможет ли Бене Гессерит контролировать его?

Все эти вопросы, хотя они и не были заданы вслух, прозвучали в выражении глаз Сестер, устремленных на Анирул, которая оставалась совершенно невозмутимой.

– Как вам всем хорошо известно, – заговорила она, – барон Харконнен очень опасен; он умен, хитер и умеет манипулировать людьми. Хотя мы можем быть уверенными, что он прекрасно осведомлен о многочисленных селекционных программах Бене Гессерит, наш конкретный план не может быть ему известен. Значит, нам надо найти способ устроить так, чтобы он оплодотворил Сестру по нашему выбору, причем так, чтобы он об этом не узнал.

Верховная Мать вытянула свои сморщенные губы.

– Сексуальные аппетиты барона распространяются исключительно на мужчин и мальчиков. Он не проявит никакого интереса к потенциальной любовнице, особенно к той, которую подберем ему мы.

Анирул рассудительно кивнула.

– Нам придется, как никогда, напрячь нашу способность соблазнять. – Она вызывающе взглянула на Верховную Мать. – Но я уверена, что если мы привлечем все ресурсы Ордена, то нам удастся вынудить барона поступить по нашей воле.

В ответ на введение табу на использование машин, осуществляющих мыслительные функции, возникли школы, готовившие людей, способных решать задачи, возлагавшиеся ранее на компьютеры. Главными школами такого типа, возникшими после Джихада, стали: Бене Гессерит, обративший особое внимание на психические и физические тренировки; Космическая Гильдия, сделавшая упор на предзнании, позволявшем прокладывать верный маршрут через свернутое пространство; и ментаты, чей разум подобен разуму компьютера и способен производить логические операции.

Трактат Ихбана о разуме; том I

Готовясь к отъезду из дома на целый год, Лето изо всех сил старался сохранить уверенность в себе и спокойствие. Он понимал, насколько важен для него этот шаг и то, почему отец выбрал для его обучения именно Икс, но, что поделаешь, он все равно будет страшно скучать по Каладану.

Дело было даже не в том, что это был первый отъезд герцогского наследника за пределы родной планеты. Нет, Лето с отцом уже покидал Каладан. Отец и сын осмотрели многопланетную систему Гаар, побывали на туманной планете Пилагро, с которой, как гласит легенда, явились люди, населяющие ныне Каладан. Но то были обычные вылазки, волнующие туристические экскурсии, и не более того.

Теперь же перспектива долгого отъезда сильно волновала Лето. Мальчик не ожидал, что будет так бояться поездки, и старался скрыть свой страх. *Настанет день, когда я стану герцогом.*

Одетый в пышное одеяние Атрейдесов, Лето стоял рядом со старым герцогом на взлетной площадке муниципального космопорта Кала в ожидании посадки на челнок, который доставит

его на борт корабля Космической Гильдии. У ног мальчика висели на магнитной подвеске два больших чемодана.

Мать предложила взять с собой слуг, запас одежды и еды с Каладана и не забыть об играх и развлечениях. Герцог Пауль посмеялся над таким предложением, сказав, что когда ему было столько же лет, сколько сейчас его сыну, он, герцог, ухитрялся выживать на поле битвы, имея на спине вещевой мешок со скудными припасами. Однако Пауль настоял на том, чтобы Лето взял с собой традиционные рыбацкие ножи Каладана в изукрашенных ножнах.

Лето принял сторону отца, решив ограничиться минимумом вещей. В конце концов, Икс – богатая индустриальная планета, а не глушь, там не страдают от материальных лишений.

Леди Елена, когда на нее смотрели посторонние, со стоическим благородным спокойствием принимала любые удары судьбы. Лето знал, что мать действительно боится за него, но сейчас, стоя в космопорте рядом с мужем и сыном, леди Атрейдед, одетая в роскошное платье и затканную золотом накидку, являла собой образец величавого достоинства, сохраняя в глазах народа свое августейшее лицо.

Лето поднес к глазам отцовский бинокль и перевел его от залитого пастельными переливами света горизонта к остаткам ночного занавеса все еще темного неба. Среди звезд он заметил светящуюся подвижную точку. Изменив фокусное расстояние окуляров, Лето увеличил картинку и принялся рассматривать лайнер Гильдии, окруженный сияющим защитным полем.

– Ты его видишь? – спросил Пауль, склонившись к плечу сына.

– Вот он, окруженный полным защитным полем. Они что, опасаются нападения? Здесь?

Лето не мог себе представить, что кто-то, находясь в здравом уме, решится напасть на космолет Гильдии. Такое безрассудство привело бы к непредсказуемым политическим и экономическим последствиям. У Гильдии не было собственных вооруженных сил, но зато имелось оружие иного рода – прекратив транспортное обслуживание, Гильдия могла практически уничтожить любую планету, доведя ее до полного хозяйственного упадка. Кроме того, обладая неплохой разведкой, Гильдия могла выявить любого нападающего и сообщить об этом императору, который, согласно заключенному между ним и Гильдией договору, направлял против обидчиков своих сардаукаров.

– Не поддавайся соблазну игнорировать тактику отчаяния, сынок, – сказал Пауль, но не стал дальше развивать эту тему. Время от времени он рассказывал Лето истории об инспирированных обвинениях против тех или иных групп, когда надо было избавиться от врагов императора или Гильдии.

Лето подумал, что больше всего ему будет недоставать уроков отца, его глубоких замечаний по разным поводам. Краткие наставления старого герцога сразу верно расставляли акценты в понимании любого события.

– Империя живет не только по официальным законам, – продолжал между тем Пауль. – Не в меньшей степени ее жизнью управляет не менее прочная сеть союзов, предпочтений и религиозной пропаганды. Вера всегда сильнее факта.

Лето снова внимательно взгляделся в величественный силуэт межзвездного корабля и нахмурился. Как трудно бывает порой отличить правду от вымысла...

От брюха огромного корабля отделилась маленькая оранжевая точка, которая начала стремительно снижаться, на глазах превращаясь сначала в полоску света, а потом принимая очертания челнока, который вскоре завис над посадочной площадкой космопорта Кала. Кувыряясь в потоках воздуха, вокруг корабля метались четыре чайки. Пронзительно крича, птицы вдруг исчезли, метнувшись в сторону прибрежных скал.

Вокруг космического челнока сверкало и переливалось разными цветами защитное поле. На установленных вдоль ограды космопорта флагштоках с треском дрожали на соленом морском ветру полотнища знамен и выпелов. Белый, похожий на пулю корпус челнока, медленно передвигаясь над полем, приблизился к пассажирской платформе, на которой отдельно

от почетного караула стояли Лето и его родители. Стоявшие по краям посадочной площадки провожающие неистово выкрикивали приветствия и размахивали руками. Челнок соприкоснулся с платформой, раздался щелчок соединения, и в фюзеляже открылась раздвижная дверь.

Мать выступила вперед и начала прощаться. Не произнося никаких слов, она просто обняла сына; накануне она пригрозила, что не поедет в космопорт, а проводит сына, наблюдая за взлетом из окна одной из башен дворца, но Пауль сумел убедить жену не делать этого. Толпа оживилась и с новой силой принялась выкрикивать приветствия. Герцог и его супруга посылали людям ответные приветствия.

– Помни, – что я говорил тебе, сынок, – сказал Пауль, имея в виду наставление, которое он неоднократно давал Лето на протяжении последних недель. – Учись у Икса. Учись всему.

– Но пусть твое сердце позволит тебе отличить фальшь от истины, – добавила мать.

– Я всегда буду спрашивать у него совета, – ответил мальчик. – Я буду скучать по вам обоим, но вы сможете мной гордиться.

– Мы уже и так гордимся тобой, сынок.

Герцог отступил на несколько шагов в сторону почетного караула и приветствовал сына старым салютом Атрейдесов: приложил к виску развернутую вперед правую ладонь. То же самое сделали солдаты. Потом герцог подошел к Лето и сердечно обнял сына...

Несколько мгновений спустя пилотируемый роботом челночный корабль стремительно взмыл в небо над черными скалами. Мощные потоки раскаленного газа возмутили гладь моря и нивы Каладана. Внутри корабля Лето с любопытством вглядывался в небо сквозь иллюминатор. Когда корабль поднялся в синий мрак космоса, мальчик заметил огромный корпус лайнера Гильдии. Солнце ярко отражалось от боков его стального корпуса.

Как только челнок приблизился к лайнеру, в брюхе громадного корабля открылась широкая щель, поглотившая сразу показавшийся крошечным челнок. Что-то подобное Лето видел в фильмотеке, когда смотрел фильм о том, как червь Арракиса целиком поглотил комбайн для добычи пряности. Такая метафора погрузила мальчика в невеселые размышления.

Челнок гладко вошел в чрево «Вайку», пассажирского космолета Гильдии, и скользнул в док. Космолет завис в нужной точке пространства, прибыв на свою обычную стоянку над Каладаном. Лето ступил на борт. Чемоданы следовали за ним, словно привязанные. Лето начал вспоминать, что ему надо теперь делать, следуя наставлениям отца.

Учись всему. Движимый любопытством, которое заглушило в нем чувство страха, Лето вышел из своей каюты, поднялся на вторую палубу и оказался в зале для пассажиров со скамьями у окон. На ближайшей скамье сидели два торговца камнями су и о чем-то разговаривали, обильно уснащая свою стремительную речь непонятым жаргоном. Старый Пауль хотел, чтобы мальчик учился стоять за себя. Так, для того чтобы ускорить приобретение необходимого опыта в этом отношении, Лето путешествовал без сопровождения, без надлежащей атрибутики, то есть как простой смертный, а не благородный отпрыск герцогского дома Атрейдесов.

Знай об этом мать, она умерла бы от ужаса.

На борту корабля шла оживленная торговля. Лоточники Вайку сновали между пассажирами, предлагая конфеты, закуски и ароматные напитки по совершенно заоблачным ценам. Лето отогнал от себя одного особенно назойливого торговца, хотя соленый супчик с пряностью и тушеные мясные палочки казались просто восхитительными. Пока торговец стоял над ним, Лето внимательно присмотрелся к нему. Из головных телефонов, надетых на уши человека, доносилась музыка, в такт которой двигались руки, плечи, грудь и ноги торговца. Вайку обращались к клиентам, продавали товар, но при этом ухитрялись жить в мире музыки, которая непрерывной какофонией вливалась в их мозг. По-видимому, эти люди предпочитали жить в своей внутренней вселенной, а не принимать близко к сердцу то, что происходит вовне.

Транзитный корабль, перевозивший пассажиров с планеты на планету, управлялся людьми Вайку под присмотром Гильдии. Впавший в немилость один из Великих Домов был

практически полностью уничтожен в ходе Третьей Угольной Войны, при этом народ Вайку превратился в кочевой. Эти люди как цыгане жили на бортах космических кораблей Гильдии. Хотя согласно древнему акту о капитуляции этой расе запрещалось ступить на землю любой планеты Империи, Гильдия, по каким-то своим, неизвестным, соображениям предоставила Вайку убежище на своих пассажирских кораблях. Проходили столетия, поколение сменялось поколением, но Вайку не подавали прошений на имя императора о смягчении их участи.

Посмотрев в иллюминатор, Лето увидел, что их корабль находится в гигантском ангаре. Это была огромная вакуумная камера, в сравнении с которой громадный пассажирский лайнер казался таким же крошечным, как рисовое зернышко в брюхе кита. Потолок был еще виден на большой высоте над головой, но стены были недостижимы взору, до них были километры и километры. Здесь же находились и другие корабли, большие и малые: фрегаты, грузовые суда, челноки, лихтеры и военные мониторы, сложенные в штабели, так называемые думп-ящики, груз, приготовленный для беспилотной посадки на планеты назначения. Такие ящики выстреливались с низкой орбиты на поверхность планет из специальных боковых люков.

Правила Гильдии, гравированные на листах ридулианских кристаллов, были вывешены на стенах каждой каюты. Пассажирам запрещалось самовольно покидать пределы корабля. В иллюминаторы соседних судов Лето смутно видел лица их пассажиров; какие разнообразные лица у этих представителей многочисленных рас и народностей империи.

Стюарды «Вайку» закончили первую часть своей работы, и пассажиры ждали отбытия. Путешествие сквозь свернутое пространство продолжалось не больше часа, но приготовления к нему могли продолжаться несколько дней.

Но никакого объявления об отправлении не последовало. Лето внезапно каждым своим мускулом, всем телом ощутил какой-то рокот, который, казалось, доносился откуда-то изда-лека.

– Должно быть, мы отправляемся, – сказал Лето, обратившись к одному из торговцев камнями су, но тот сделал вид, что ничего не слышит. По тому, как торговец отвел глаза и демонстративно не обратил внимания на его слова, мальчик понял, что его, должно быть, сочли неотесанным деревенщиной.

На самой верхней палубе корабля, в отдельной каюте гильд-навигатор, плавающий в наполненном пряным газом танке, напряженно думая, мысленно прокладывал безопасный маршрут сквозь складки свернутого пространства, готовясь провести корабль через огромные расстояния.

Прошлым вечером, во время обеда в столовой герцогского дворца, мать Лето высказала опасения, не нарушают ли гильд-навигаторы запреты, наложенные на людей правилами Джихада. Набив рот рыбой в лимонном соусе, леди Елена, вспомнив, что ее сын отправляется на Икс, где ему грозит почти неминуемое моральное разложение, немедленно сделала свое невинное замечание. Эффект от него был подобен эффекту камня, брошенного в стоячую воду.

– Какой вздор, Елена! – воскликнул Пауль, вытирая бороду салфеткой. – Кем бы мы были без навигаторов?

– Вещь не может считаться правильной только потому, что мы к ней привыкли, Пауль. Оранжевая Католическая Библия ничего не говорит о морали, ограниченной индивидуальными удобствами.

Лето вмешался в разговор прежде, чем отец успел возразить.

– Я думаю, что навигаторы просто видят путь, безопасный и надежный путь. Но движет корабль вперед генератор Хольцмана. – Лето решил укрепить свой аргумент цитатой из Библии. – Наивысший хозяин материального мира есть человеческий разум, а полевые звери и городские машины навеки пребывают у него в подчинении.

– Конечно, ты прав, мой дорогой, – сказала мать и сменила тему разговора.

Лето не заметил никаких изменений в ощущениях, когда корабль пересекал свернутое пространство. Прежде чем мальчик сообразил, что происходит, космическое судно прибыло, согласно расписанию, в солнечную систему Хармонтеп.

Там пришлось ждать еще пять часов, пока в трюме корабля происходила разгрузка других судов и даже одного суперфрегата. После этого корабль Гильдии снова пересек свернутое пространство и оказался в системе Кирана Алеф, где все повторилось сначала.

Лето вздремнул в спальной каюте, потом вышел в кают-компанию, съел несколько мясных палочек и выпил чашку горячего стимулирующего чая. Елена очень хотела, чтобы мальчика сопровождали слуги и охрана, но Пауль настоял на том, что есть только один способ научить Лето заботиться о себе – это предоставить его самому себе. У мальчика были только программа поездки и наставления отца, и Лето поклялся, что не отступит от них ни на шаг.

Наконец, после третьего перелета стюардесса велела Лето спуститься на три палубы вниз и взойти на борт автоматического челнока. Стюардесса оказалась женщиной сурового вида, одетой в пеструю униформу и не расположенной к разговорам. В ее наушниках звучала какая-то рубленая мелодия.

– Это Икс? – поинтересовался Лето, потянувшись к подвешенным в магнитном поле чемоданам. Они последовали за своим хозяином, когда он направился вниз.

– Мы находимся в системе Алкаурупс, – ответила женщина. Ее глаза были надежно спрячтаны за темными стеклами очков. – Икс – ее девятая планета. Ты выходишь здесь. Мы уже сбросили думп-ящики.

Лето послушно сделал все, что требовала от него стюардесса: прошел в челнок, хотя ему хотелось бы получить более подробные сведения о том, куда, собственно говоря, он прибыл и кто его там ждет. Он не знал в точности, как встретят его в этом индустриальном мире, но предполагал, что если граф Верниус даже не встретит его сам, то, во всяком случае, пришлет кого-нибудь вместо себя.

Он глубоко вздохнул и приказал себе не предаваться слишком сильному беспокойству.

Пилотируемый роботом челнок катапультировался с борта лайнера к поверхности планеты. Насколько хватало глаз, до самого горизонта простирались снежные вершины гор, облака и ледники. Автоматический челнок работал по своей, весьма простой программе, и разговоры с пассажирами не входили в его компетенцию. На борту челнока Лето был единственным пассажиром, направляющимся на Икс. Планета машин неохотно принимала зарубежных гостей.

Глядя в иллюминатор, Лето испытывал все большую и большую тревогу. Он начал понимать, что все идет не так, как следовало. Челнок «Вайку» приземлялся на высокогорное плато с альпийскими лугами в узких долинах. Не было видно ни зданий, ни больших строений, ни дыма в воздухе, ни больших городов. Не было видно никаких признаков цивилизации.

Это не мог быть высокоиндустриальный мир Икса! Лето оглянулся, приготовившись защищаться. Его предали? Заманили сюда и бросили?

Челнок остановился. Судно стояло на каменной площадке, окаймленной несколькими гранитными глыбами и кое-где покрытой зарослями белых цветов.

– Здесь вам выходить, сэр, – сообщил Лето механический голос бортового синтезатора.

– Где мы? – требовательно спросил Лето. – Я должен был прибыть в столицу Икса.

– Вам надлежит выйти здесь, сэр, – продолжал твердить голос робота.

– Отвечай мне! – Был бы у него громовой голос отца, он смог бы выбить ответ даже из этой глупой машины. – Это не может быть столицей Икса. Ты только посмотри вокруг!

– У вас десять секунд на то, чтобы покинуть борт, сэр, в противном случае мне придется насильственно катапультировать вас. Гильдия вынуждена четко соблюдать расписание движения. Лайнер уже готов отбыть в другую солнечную систему.

Выругавшись сквозь зубы, Лето вытолкнул наружу свой багаж и сам выпрыгнул на каменистую поверхность. В считанные секунды похожий на пулю корабль взмыл в воздух и вскоре превратился в крошечную оранжевую точку. Потом исчезла и она.

Два его чемодана послушно висели в воздухе рядом с ним. Холодный свежий ветер шевелил его волосы. Лето был совершенно один.

– Эй! – крикнул он, но никто не ответил.

Он задрожал всем телом, когда его взгляд упал на окаймлявшие горизонт изломанные гряды гор, покрытых вечными снегами и ледниками. На Каладане, планете по преимуществу океанической, было очень мало столь величественных гор. Но он прибыл сюда не для того, чтобы любоваться на горы.

– Эй, я – Лето Атрейдес, с Каладана! – крикнул он. – Есть здесь кто-нибудь?

Грудь мальчика сдавило страшное предчувствие беды. Он был далеко от дома, на чужой, затерянной в глубинах космоса планете. Не было никакой возможности понять, где он, собственно говоря, находится. *Да и Икс ли это?* Резкий ветер нес с собой пронизывающий холод, но равнина хранила зловещий покой. В воздухе висела гнетущая тишина.

Он провел свою короткую жизнь, слушая баюкающий рокот океана, крики чаек, гомон деревенских жителей. Здесь он не видел ничего. Ровным счетом ничего. Никто не встречал его, вокруг не было никаких признаков жилья и вообще присутствия человека. Мир выглядел нетронутым и пустым.

Если меня бросили здесь, то смогут ли меня вообще найти?

На небе сгущались тучи, но в просвете между ними Лето сумел разглядеть далекое голубое солнце. Он снова задрожал. Что делать, куда идти? Этого Лето не знал, но если он собирается стать герцогом, то должен учиться принимать решения.

С неба посыпалась снежная крупа, смешанная с морозящим дождем.

Кисть истории изобразила Абульурда Харконнена в очень невыгодных тонах. Если судить о нем по меркам его старшего сводного брата Владимира и его собственных детей Глоссу Раббана и Фейда-Рауты Раббана, то можно сказать, что Абульурд был человеком совсем другого сорта. Однако все обвинения Абульурда в слабости, некомпетентности и глупом упрямстве следует рассматривать в свете окончательного упадка Дома Харконненов. Хотя Абульурда изгнали на Ланкевейль и лишили всякой реальной власти, он сумел одержать победу, сладость которой не было суждено вкушать ни одному из Харконненов. Он научился быть счастливым в своей частной жизни.

Изданная после Джихада Энциклопедия Совета Земель о Великих Домах

Хотя Харконнены были врагами, способными манипулировать, изворачиваться и лгать, воспитанницы Бене Гессерит тоже были не последними мастерами в этих областях.

Для того чтобы достичь последней ступени грандиозной селекционной программы, над которой Бене Гессерит работал в течение последних десяти поколений после уничтожения думающих машин, Сестрам предстояло отыскать средство покорить Харконненов своей воле.

Общине Сестер не составило особого труда понять, в чем заключаются слабые стороны Дома Харконненов.

Представившись домашней прислугой после прибытия на холодный и буйный Ланкевейль, молодая Сестра Бене Гессерит Марго Рашино-Зеа сумела проникнуть в дом Абульурда Харконнена, младшего сводного брата барона Владимира Харконнена. Мать Квисаца Анирул лично отобрала прекрасную Марго для роли шпионки в доме младшего Харконнена, в задачу которой входил сбор информации о Доме Харконненов, с тем чтобы в конце концов сложить из разрозненных кусков цельную и непротиворечивую картину.

Марго, кроме всего прочего, владела шестьюдесятью тремя способами убийства с помощью одних пальцев. Бене Гессерит прилагал массу усилий для того, чтобы Сестры выглядели размышляющими интеллектуалами, но мало кто знал, что в Ордене есть прекрасно подготовленные диверсанты, и Марго была лучшей из них.

Поместье Абульурда Харконнена располагалось на узкой полосе земли, выдающейся в океан, на берегу узкого и длинного Тула-фьорда. Деревянные строения были окружены рыбацкими дерегушками. По извилистым ущельям были разбросаны немногочисленные фермы. Однако большую часть продовольствия планете доставлял промысел рыбы, которую вылавливали в холодных морях. В целом же экономика Ланкевейля держалась на промысле мехового кита.

Абульурд жил у подножия гор, с которых текли холодные ручьи, а вершины были постоянно окутаны низкими серыми облаками и сырым туманом. Главный дом и окружавшие его деревни были самыми значительными, «столичными» строениями, которые были на этой неприветливой, холодной планете.

Поскольку здесь было мало приезжих, Марго приняла все меры к тому, чтобы стать незаметной. Она была высокой и стройной, и чтобы не выделяться среди коренастых и мускулистых обитателей здешних мест, ей пришлось ссутулиться. Светлые, с медовым оттенком волосы пришлось покрасить в темный цвет и коротко остричь. С помощью специальных мазей гладкую кожу пришлось немного «задубить» и сделать неровной, придав ей обветренный вид. Она влилась в местное население, войдя в образ, как горячий нож в масло. Впрочем, для женщины, воспитанной в Общине Сестер, это не представляло никакого труда.

Марго была только одной из многочисленных шпионок Бене Гессерит, засланных в обширные владения Харконненов. Их задачей был сбор любой и, по возможности, обширной информации об этом Доме. У барона в настоящее время не было причин подозревать о таком повышенном интересе к своей персоне со стороны Общины. Но если бы этот жилистый порочный мужчина узнал о нем и смог бы изловить шпионку, то он не остановился бы ни перед чем, и не было бы такой пытки, которую он не применил бы для того, чтобы выяснить причину такого интереса к своим темным делам. Марго надеялась на то, что сумеет произвольно остановить свое сердце, прежде чем пытка развяжет ей язык и она разгласит тайны Ордена.

Традиционно считалось, что Харконнены сильны в махинациях и в умении скрывать их следы, но Марго была уверена в том, что сумеет найти компрометирующие материалы и свидетельства преступления. Хотя находились Сестры, которые оспаривали необходимость докопаться до преступной сути операций с пряностью, Марго была уверена, что в лице Абульурда она найдет подходящего простака, который откроет ей если не все, то многое. В конце концов, Харконнен-младший в течение семи лет занимался добычей меланжи и наверняка обладает ценной информацией об этом промысле. Если и есть какая-то информация, которую барон хочет скрыть, то он скорее всего спрячет ее здесь, под носом ни о чем не подозревающего Абульурда.

Как только Бене Гессерит удастся добраться хотя бы до нескольких ошибок Харконнена и доказать причастность барона к финансовым нарушениям, Сестры немедленно получают в руки необходимое оружие, которое поможет им довести до конца селекционную программу.

Одетая, как прирожденная крестьянка, в крашеную шерсть и мех, Марго без всякого труда смогла проникнуть в деревенский дом Абульурда. Это было высокое деревянное строение, выкрашенное в темный цвет. В каждой комнате были камин, в которых пылал огонь, распространявший по всему дому приятный смолистый запах. Подвесные желто-оранжевые светильники с большой натяжкой имитировали солнечный свет.

Марго стирала, выбивала пыль, помогала поварам готовить и искала финансовые документы. Два дня кряду любезный сводный брат барона неизменно дружелюбно здоровался с ней, не находя со стороны Марго никаких упущений. Он улыбался совершенно искренне.

Этот человек доверял всем, казалось, его совершенно не интересует собственная безопасность. Местные жители и гости могли свободно заходить в дом и даже приближаться к его владетельной персоне. У Абульурда были длинные, до плеч пепельно-светлые волосы, румяное лицо и совершенно обезоруживающая улыбка. Поговаривали, что он был любимцем отца – Дмитрия Харконнена, который страстно желал, чтобы именно Абульурд унаследовал Великий Дом. Но Абульурд так часто ошибался в выборе, так много решений принимал в расчете на *людей*, а не на деловую необходимость... Именно это и стало причиной его падения.

Мало того, что Марго носила колючую и жаркую одежду местных жителей, она, кроме того, спрятала свои убийственные светлые глаза под контактными линзами карего оттенка. Конечно, можно было сбросить маскарад, превратиться в светловолосую красавицу и соблазнить Абульурда, чтобы прямо выведать интересующие Марго секреты. Но, поразмыслив, женщина решила не прибегать к этому оружию. Мужчина был непоколебимо предан своей приземистой и коренастой законной супруге Эмми Раббан, матери Глоссу Раббана. Он влюбился в нее много лет назад на Ланкевейле, и с тех пор только эта женщина имела над ним власть, только ее женские чары действовали на Абульурда.

Вместо этого Марго разыгрывала из себя дружелюбную невинность, под маской которой получила доступ во все кладовые и закоулки, где продолжала искать документы. Никто ни о чем ее не спрашивал.

Через некоторое время, пользуясь своим прикрытием, она все же нашла то, что искала. Используя технику молниеносного запоминания, освоенную на Валлах IX, Марго просмотрела стопку листов ридулианской кристаллической бумаги, на которой были выгравированы бесконечные колонки цифр. Это были цены, вес отправленного и принятого груза, списки приобретенного и списанного оборудования, потери и ущерб от непогоды.

В соседней комнате женщины чистили и резали рыбу, подготовленную для варки в огромных котлах, рубили зелень и специи. Абульурд и его жена завели порядок, согласно которому все члены семьи, домочадцы и рабочие ели за одним столом. Марго закончила свою тайную работу как раз вовремя. Раздался гонг, сзывавший всех на обед...

Позже, уединившись и прислушиваясь к громовым раскатам океанского прибоя, Марго прокрутила в мозгу добытые данные, сравнив их с данными по добыче пряности на Арракисе в годы правления Абульурда. Поставки барона ОСПЧТ явно не совпадали с объемом добычи, даже если учесть контрабандный вывоз пряности.

Вообще-то Марго следовало отложить анализ до возвращения на Валлах IX, но она решила сама проанализировать данные и найти нужный ответ. Притворившись спящей, она начала работать, забыв обо всем и впад в глубокий транс.

Цифры были подогнаны с величайшей тщательностью, но после того, как Марго содрала с них маскировку и тонкий покров правдоподобия, ответ нашелся сам собой. Это было теперь ясно для Бене Гессерит, но ни финансовые аудиторы императора, ни агенты ОСПЧТ никогда не докопаются до обмана.

Если, конечно, им не подсказать верное направление поиска.

Открытие Марго говорило о том, что ОСПЧТ и император получают заниженные данные об объеме добычи пряности. Либо Харконнены продают избыток куда-то на сторону нелегально (что маловероятно, поскольку это можно было легко доказать), либо создают свои тайные запасы меланжи.

Интересно, подумала Марго, приподняв брови. Она открыла глаза, встала, подошла к амбразуре окна и стала смотреть на море, словно отлитое из серого металла, на рубленные волны, бегущие по мрачной поверхности моря, на низкие хмурые облака, на меховых китов, которые, плавая вдали от берега, тянули свои зловещие песни.

На другой день она купила билет на следующий рейс лайнера Гильдии и, сбросив маскировку, поднялась на борт, груженный китовым мехом. Марго сомневалась, чтобы кто-то на Ланкевейле обратил внимание как на ее прибытие, так и на отлет.

Четыре вещи нельзя скрыть: любовь, дым, столб пламени и человека, идущего по пустыне.

Фрименская мудрость

Один в безмолвной неподвижной пустыне – как и должно быть. Пардот Кинес находил, что лучше всего он работает, когда у него нет ничего, кроме мыслей и времени, чтобы их обдумывать. Другие люди слишком сильно отвлекают, и очень мало тех, кто имеет тот же интерес и те же побуждения.

Как имперскому планетологу, посланному на Арракис, Кинесу предстояло проникнуться жизнью планеты, впитать ее в себя каждой порой. Как только ученый приходил в нужное состояние ума, так тотчас появлялось *чувство* изучаемого мира. И вот теперь, стоя на вершине зубчатой черно-красной скалы, взметнувшейся вверх посреди плоскогорья, этот жилистый, крепкий мужчина внимательно вглядывался во все стороны горизонта. Пустыня, пустыня, куда ни кинь взгляд.

Карта называла эту гористую линию Западным Краевым Валом. Альтиметр подсказывал, что большинство пиков в этих местах имеют высоту больше шести тысяч метров. Но не видно ни снега, ни ледников, ни вообще каких-либо признаков осадков. Даже изуродованные атомными бомбардировками зубчатые вершины Салусы Секундус были покрыты вечными снегами. Но воздух здесь, на Арракисе, был настолько сух, что открытая вода не могла существовать здесь ни в какой форме.

Кинес внимательно смотрел на юг, вперив взор в океан песка окружающей мир пустыни, известной под названием Похоронной Долины. Нет сомнения, что географы могли бы изобрести отдельные названия для отличающихся друг от друга частей этой местности, но дело было в том, что те, кто отваживался выйти в пустыню, не всегда возвращались обратно, чтобы рассказать о том, что они видели. Это было царство червей, и карты были никому не нужны.

Ошеломленный Кинес вспомнил старые морские карты Древней Земли, на которых белые пятна обозначались зачастую словами: «Здесь обитает чудовище». Да, подумал он и вспомнил охоту Раббана на страшного исполинского червя. *Здесь действительно обитает чудовище.*

Стоя на вершине зубчатого хребта Краевого Вала, он вынул из ноздрей затычки защитного костюма и потер то место, где они сильно натерли кожу. Потом он снял маску, прикрывавшую рот, и глубоко вдохнул сухой хрупкий воздух. Согласно всем полученным инструкциям, запрещалось без экстренной необходимости подвергать себя такой неоправданной потере воды, но Кинесу было просто необходимо вдохнуть аромат планеты и почувствовать ее ритм. Надо было прочувствовать биение сердца Арракиса.

Он ощутил запах горячей пыли, едва заметный соленый привкус минералов, отчетливый вкус песка, выветренной лавы и базальта. Этот мир был начисто лишен ароматов влаги растущих или гниющих растений, не было никакого запаха, выдающего круговорот рождения и смерти. Только песок, камни и снова песок.

Однако при ближайшем рассмотрении даже в самой знойной и безжизненной пустыне обязательно находятся виды организмов, растения, животные и насекомые, приспособившиеся даже к такой адской экологической нише. Он опустился на колени, чтобы внимательно приглядеться к тенистым углублениям в скале, к крошечным трещинам, где могли собираться мельчайшие капельки утренней росы. Вот! На шершавой поверхности камня его наметанный глаз увидел лишайник.

Вот еще признаки жизни: кусочек помета какого-то грызуна, по всей вероятности, кенгуровой крысы. На такой высоте вполне могут жить насекомые вместе с занесенной сюда ветром травой и другими неприхотливыми растениями. Даже на вертикальных скалах могут гнездиться летучие мыши, которые по ночам вылетают на охоту за мошками и мотыльками. Высоко в блестящем, словно покрытом эмалью, небе промелькнуло пятно, которое могло быть ястребом или стервятником. Таким крупным животным очень трудно выжить в этом мире.

Но как же здесь выживают фримены?

Он видел этих покрытых пылью людей, идущих по деревенским улицам, куда они приходили по своим делам, а потом снова исчезали в своей пустыне. Кинес заметил также, что относились к ним «цивилизованные» местные жители как-то по-особому. Проистекало ли такое отношение от благоговения или от презрения, оставалось для Кинеса загадкой. *Лоск идет из городов*, – пришла на ум фрименская поговорка, *а мудрость из пустыни*.

Согласно скудным антропологическим изысканиям, которые удалось прочесть Кинесу, было известно, что фримены – это остатки древнего кочевого народа дзенсунни, которые долгое время находились в рабстве, и хозяева перевозили с планеты на планету по своей прихоти. После того как получили свободу или бежали из плена, дзенсунни попытались обосноваться на нескольких планетах, но везде подвергались преследованию, и только здесь они смогли обосноваться надолго и уцелеть.

Однажды он попытался заговорить с проходившей мимо фрименской женщиной, но когда она опалила его взглядом синих на синем фоне глаз, когда он увидел белки цвета индиго, что говорило о безусловной зависимости от пряности, из его головы вылетели все заготовленные вопросы. Когда Кинес пришел в себя, женщина пошла дальше, придерживая руками поношенную накидку, надетую поверх защитного костюма.

До Кинеса доходили слухи о том, что все фрименское население сконцентрировано в нескольких поселениях, спрятанных в плоскогорьях и скалистых горах Защитного Вала. Как они живут вне населенной земли, которая и сама-то едва кормит тех, кому посчастливилось жить на ней? Как им это удается?

Кинесу предстояло еще очень многое узнать об Арракисе, и он чувствовал, что фримены могут многому его научить. Если, конечно, он сможет их отыскать.

В грязном, застроенном безобразными угловатыми домами Карфаге Харконнены проявили большое нежелание радушно принимать ненужного им планетолога да еще снабжать его припасами и оборудованием. Покосившись на печать императора в документах Кинеса, снабженец выдал ему одежду, защитную палатку, экстренный набор для выживания, четыре емкости воды, сухой паек и подержанный орнитоптер с запасом горючего. Для такого человека, как Кинес, этого было вполне достаточно. Он не привык к роскоши, не питал склонности к развлечениям и красотам, не понимал тяги к изнеженности. Сейчас его целью было познать проблемы Арракиса. Справившись о прогнозах бурь и направлениях господствующих ветров, Кинес сел в орнитоптер и взлетел в воздух, взяв курс на северо-восток, направляя машину в глубь гористой панорамы, окружавшей приполярные области. Поскольку средние широты представляли собой скопления плавящегося от жары песка, большинство населения концентрировалось в полярном высокогорье.

Он вел выдавший виды орнитоптер, прислушиваясь к шуму двигателей и хлопанию подвижных крыльев. Он в воздухе и совершенно один: именно так лучше всего смотреть на планеты – сверху, когда видишь все подробности ландшафта, когда перед тобой широкая перспектива, когда видны все геологические признаки и пятна, когда видишь цвет скал и направление глубоких каньонов.

Сквозь поцарапанные песком стекла кабины Кинес видел сухие русла рек и ручьев, расходящиеся лучи наносных пород, оставшиеся после древнего потопа. Стены некоторых отвесных

каньонов были явно обтесаны потоками воды, срезавших слои, как проволока шиги. Сверкающая в мареве поверхность при ближайшем рассмотрении оказалась дном некогда бушевавшего здесь моря. Однако, подлетев поближе, он понял, что это был всего-навсего мираж.

Кинес проникся убеждением, что когда-то на этой планете было очень много воды. Изобилие воды, масса влаги. Для любого планетолога это было очевидно. Но куда она делась?

Количество льда в полярных областях было весьма незначительным, его постоянно добывали торговцы водой и отправляли в города, где такую воду продавали по заоблачным ценам. Полярные шапки не могли служить источником такого количества воды, которое явно присутствовало на этой планете в прошлом. Ледники полюсов не могли объяснить, откуда взялись русла пересохших рек и следы всемирного потопа. Куда увезли воду или как ее уничтожили? Если, конечно, ее попросту не спрятали. Но может быть, так оно и есть?

Кинес летел вперед, не отрываясь глядя на расстилавшийся внизу пейзаж. Он все время смотрел, изучая, стараясь не пропустить ничего, ни одной, самой мелкой детали. Прилежно ведя журнал, он записывал туда все интересное, что смог увидеть. Потребуется несколько лет, чтобы собрать материал, достаточный для написания глубокого трактата об Арракисе, но за прошедший месяц он уже успел послать императору пару полновесных докладов, просто чтобы показать, что он выполняет порученную ему работу. Он вручил эти доклады имперскому курьеру и представителю Космической Гильдии в Арракине и в Карфаге, хотя и не был уверен, станут ли Эльруд и его канцелярия читать его послания.

Кинес понимал, что теряет массу времени. Его карты и схемы были неполны, а иногда и просто неверны, что очень его озадачило. Если Арракис был единственным источником меланжи, а значит, очень важной для Империи планетой, то почему так плохо отображена на картах его поверхность и не учтены особенности ландшафта?

Космической Гильдии ничего не стоило повесить над Арракисом пару спутников с мощной оптикой, и проблема была бы решена раз и навсегда. Но почему она не решается? На этот вопрос Кинес не мог дать разумный ответ.

Правда, для планетолога нет особой печали в том, чтобы сбиться с пути. Он исследователь, а это значит, что его предназначение как раз и состоит в том, чтобы блуждать по планете без карты, без ориентиров и без четко определенной цели. Даже когда орнитоптер начал подозрительно трещать, Кинес продолжил путь. Ионный двигатель был очень мощен, и если с подержанной машиной хорошо обращаться, то она еще послужит, несмотря на порывы знойного ветра и восходящие потоки горячего воздуха. А уж горячего у него хватит на многие недели.

Кинес очень хорошо помнил годы, проведенные на суровой Салусе Секундус, когда он, тогда молодой планетолог, изо всех сил пытался понять суть катастрофы, происшедшей много веков тому назад. Он видел древние иллюстрации, знал, как великолепна и красива была когда-то столица планеты, но в его сердце Салуса навсегда осталась адским местом, каким она стала после ядерного уничтожения.

Что-то эпохальное произошло, должно быть, и здесь, на Арракисе. Но здесь нет ни свидетельств, ни летописей, переживших какую-то вселенскую катастрофу. Он не думал, что причина ее также кроется в атомном побоище, хотя такую возможность было легко постулировать. Древние войны до и во время Джихада были страшно опустошительными, они превращали в пыль и обломки целые солнечные системы.

Нет, здесь случилось что-то совсем другое.

ШЛИ ДНИ, МНОЖИЛИСЬ СКИТАНИЯ КИНЕСА.

На пустынном, объятom мертвой тишиной горном хребте, пройдя до этого половину периметра планеты, Кинес поднялся на очередную горную вершину. Он посадил орнитоптер

на усеянной обломками скал седловине и вскарабкался к вершине по крутому склону, волоча на себе все снаряжение, которое гроыхало у него на спине.

По непостижимой прихоти ранних картографов, этот кривой отрог скал, формирующих барьер между Хабанья Эргом на востоке и громадной чашей Впадины Съелаго на западе, был навеки наименован Ложным Западным Валом. Кинес мысленно отметил, что здесь можно основать пост внешнего наблюдения для сбора данных.

Чувствуя нытье в мышцах ног и слыша, как натужно работает защитный костюм, Кинес понял, что изрядно вспотел, взбираясь наверх. Но даже если и так, то костюм прекрасно справился со своей задачей, вернув ему воду. Планетолог чувствовал себя в прекрасной форме. Когда жажда стала нестерпимой, Кинес отпил немного воды из системы рециркуляции защитного костюма и снова принялся карабкаться вверх по шершавой поверхности скалы. *Лучшее место хранения воды – это твое собственное тело.* Эту расхожую фрименскую мудрость процитировал Кинесу торговец, продавший ему защитный костюм. Но теперь Кинес привык к гладкому, блестящему костюму. Он стал второй кожей планетолога.

На остроконечном, скалистом пике высотой приблизительно тысяча двести метров, в естественном укрытии у основания зубчатой каменной глыбы, Кинес устроил портативную метеорологическую станцию. Аналитические приборы будут фиксировать скорость и направление ветра, температуру воздуха и барометрическое давление и изменения относительной влажности.

Биологические испытательные станции были установлены по всей планете много столетий назад, задолго до того, как были открыты необычайные свойства меланжи. В те времена Арракис был вполне заурядной засушливой планетой, лишенной значительных запасов каких бы то ни было ископаемых, и могла привлечь внимание только каких-нибудь самых отчаянных колонистов. Многие из этих станций были заброшены и пришли в упадок, о существовании остальных просто забыли.

Кинес сильно сомневался, что на данные таких станций можно положиться. Сейчас ему нужны были достоверные данные, которые он мог получить только с помощью своих собственных инструментов. Зажужжал миниатюрный вентилятор, засасывая образец воздуха в камеру автоматического анализатора. Через несколько секунд аппарат выдал запись результата. Состав атмосферы: 23 процента кислорода, 75,4 процента азота, 0,023 процента двуокиси углерода и следовые количества других газов.

Очень странно, подумал Кинес. Воздух в высшей степени пригоден для дыхания, любая нормальная планета с такой атмосферой просто обязана обладать развитой экосистемой. Выжженные ландшафты этой планеты порождали массу вопросов. На планете нет морей, массы планктона, нет растительного покрова... В задаче спрашивается: откуда взялся на ней кислород, да еще в таких количествах? Общая ситуация казалась лишенной связного смысла.

Единственной известной Кинесу автохтонной формой жизни на планете были песчаные черви. Может ли особенность обмена веществ этих животных оказывать заметный эффект на состав атмосферы Арракиса? Не существует ли в глубинах песков своеобразный, кишачий в раскаленных пучинах планктон? В отложениях меланжи были органические вещества, но Кинес не имел представления об их источнике. *Есть ли связь между меланжесей и прожорливыми червями?*

Арракис выглядел нагромождением загадок.

Покончив со всеми приготовлениями, Кинес собрался покинуть метеорологическую станцию, но в этот момент ему в голову пришла новая мысль. С внезапно поразившей его ясностью он понял, что тот альков, который он принял за природный карман в скале, был *сделан специально.*

Он наклонился и провел пальцем по трещинам и зазубринам. Ну конечно! *Это же ступени, вырубленные в скальной породе!* Не так давно люди вырубали эти ступени, чтобы было

легче добраться до этого места. Форпост? Сторожевая вышка? Фрименский наблюдательный пункт?

По спине пробежал, холодок, на лбу появилась испарина, мгновенно поглощенная системами защитного костюма. Планетолог задрожал от волнения. Фримены, этот стойкий упорный народ, могут стать его естественными союзниками, ибо перед ними стоят те же задачи, что и перед ним.

Кинес повернулся в сторону пустыни. Ему показалось, что он стоит на открытой площадке и на него смотрят тысячи глаз.

– Эй! – крикнул он, но лишь безмолвие пустыни было ему ответом.

Какая взаимосвязь существует между всеми этими странными явлениями на планете? – подумал Кинес. И если она действительно есть, то что знают о ней фримены?

Кто может поручиться, что Икс не зашел слишком далеко? Они скрывают свои заводы, держат в рабстве своих рабочих и громко трубят о праве на сохранение тайны. Как могут они, при таких обстоятельствах, не подвергнуться искушению и не нарушить ограничения Джихада Слуз?

Граф Ильбан Ришез. «Третье обращение в Совет Земель»

– Используй запас своих сил и разум, – всегда говорил ему старый герцог. Теперь, стоя здесь и дрожа от холода, Лето решил воспользоваться и тем и другим.

Он решил рассудить, как получилось, что он так мрачно и неожиданно попал в эту глухую область Икса – или как там называется это место.

Оставлен ли он здесь случайно или это измена? Что хуже – первое или второе? В Гильдии должна остаться запись о том, где именно его так бесцеремонно высадили. Его отец и весь Дом Атрейдесов снарядят войска, как только обнаружится, что Лето не прибыл к месту назначения, и его обязательно найдут. Но сколько времени для этого потребуется? Долго ли он сможет здесь выжить? Если инициатором измены стал сам Верниус, то известит ли граф о пропаже юного Атрейдеса?

Лето постарался сохранить оптимизм, хотя понимал, что помощь может прийти не скоро. У него не было ни еды, ни теплой одежды, ни даже переносного жилья. Придется самому заниматься своими проблемами.

– Эй! – крикнул он снова, но на этот раз ледяная пустыня равнодушно проглотила его крик, не удосужившись ответить даже эхом.

Он решил отправиться в путь, чтобы поискать какие-нибудь признаки жилья, но потом, по зрелом размышлении, понял, что поход придется на некоторое время отложить. Потом он мысленно перебрал содержимое своих чемоданов, чтобы понять, что из багажа можно использовать для того, чтобы отправить послание.

Вдруг откуда-то сбоку, из зарослей ощетилившихся колючими иглами кустов, выживающих в суровых условиях тундры, раздался шорох. Лето машинально отскочил назад, потом присмотрелся. Убийцы? Группа злоумышленников, решивших похитить его? Выкуп за наследника герцогского Дома может обернуться горами солари или неудержимым гневом Пауля Атрейдеса.

Лето выхватил из ножен кривой клинок рыбацкого ножа и приготовился к сражению. Сердце бешено колотилось, но Лето внимательно осмотрелся, стремясь понять, откуда угрожает опасность. Ни один Атрейдес не испытывал дурноты, когда надо было пустить кровь врагу.

Ветви, усеянные колючими иглами, немного раздвинулись, и под ними показался пяточок, покрытый плазом. Раздался шум механизмов, и из плаза поднялась вверх прозрачная шахта лифта, казавшаяся совершенно нереальной и призрачной в этом холодном безмолвном мире.

Плотный кряжистый молодой человек стоял в кабине лифта и приветливо улыбался. У юноши были светлые непослушные волосы, которые выглядели как растрепанная копна, несмотря на явные попытки причесать эту буйную гриву. На нем были надеты полувоенные брюки и камуфляжная рубашка. Белое лицо все еще носило следы детской пухлости. На левом плече незнакомца висела сумка, почти такую же он держал в руке. По возрасту он вполне мог быть ровесником Лето.

Прозрачная кабина лифта остановилась, и распахнулась выпуклая дверь. Лето почувствовал, как волна теплого воздуха окатила руки и плечи. Он пригнулся, сжал в руке нож и приготовился защищаться, хотя в глубине души чувствовал, что этот безобидный с виду незнакомец не может оказаться хладнокровным убийцей.

– Вы, должно быть, Лето Атрейдес? – спросил молодой человек. Он говорил на галахском, на государственном языке Империи. – Может быть, мы начнем с однодневного похода?

Прищурив серые глаза, Лето присмотрелся повнимательнее и разглядел на вороте юноши завиток герба Икса. Постаравшись скрыть вздох облегчения и сохраняя вид неприступной подозрительности, Лето опустил долу острие ножа, который незнакомец якобы не замечал.

– Меня зовут Ромбур Верниус. Я... э... думал, что вы захотите размяться, прежде чем мы отправимся в резиденцию. Я слышал, что вы большой любитель прогулок на свежем воздухе, в отличие от меня, затворника. Может быть, после того как вы проведете здесь некоторое время, то вы, подобно нам, тоже оцените прелести наших подземных городов. Икс – действительно прекрасная планета.

Он посмотрел вверх, словно только сейчас поняв, что с неба сыплется мокрая холодная крупа – снег, смешанный с дождем.

– Ну почему идет дождь? Именем Вермиллиона, как я ненавижу всякую непредсказуемость климата! – Ромбур с отвращением помотал головой. – Я же приказал управлению климатом встретить вас солнечной теплой погодой. Мои извинения, принц Лето, но для меня это слишком. Давайте спустимся в Гран-Пале.

Ромбур бросил свои сумки на пол лифта и втолкнул туда же багаж Лето.

– Я очень рад, что мы наконец познакомились, – заговорил он. – Мой отец то и дело вспоминает об Атрейдесах, говорит о вас по любому поводу. Мы некоторое время будем вместе учиться, наверное, станем изучать генеалогические древа и политику Совета Земель. Я восемьдесят седьмой в линии наследников Трона Золотого Льва, но мне кажется, что ваш ранг намного выше.

Трон Золотого Льва. Великие Дома имели свои ранги по системе, разработанной ОСПЧТ и Советом Земель. Были и вторичные иерархии, действовавшие внутри Домов, и основанные на принципе первородства. Ранг Лето был действительно значительно выше, чем ранг иксианского принца. Лето, через свою мать, приходился праправнуком Эльруду Девятому от его второй жены Иветты. Но разница в рангах была абсолютно несущественной; у императора и так было великое множество праправнуков. Ни он, ни Ромбур никогда не станут императорами. Но, однако, служение в качестве герцога Дома Атрейдесов тоже тяжелый жребий, подумал Лето.

Молодые люди обменялись неким подобием рукопожатия, принятым в Империи – сплели кончики пальцев правых рук. На правой руке иксианского принца пламенел драгоценный камень, и Лето не ощутил на его пальцах мозолей.

– Я подумал, что меня высадили в каком-то другом месте, – признался Лето, выказав растерянность и недоумение, которые охватили его поначалу. – Подумал, что меня высадили на какую-то необитаемую скалу. Неужели это правда Икс? Планета машин?

С этими словами Лето указал рукой на живописные пики гор, снежные вершины и густые леса на склонах.

Лето заметил колебания Ромбура и вспомнил все, что говорил отец о склонности иксианцев к соблюдению повышенной секретности.

– О, это вы увидите! Мы стараемся не слишком сильно афишировать свои технические достижения.

Принц жестом пригласил Лето в кабину лифта, и дверь из прозрачного плаза плотно закрылась. Лифт помчался сквозь километровую толщу скалы. Во всяком случае, Лето показалось, что этот путь был бесконечен. Все время этого стремительного полета Ромбур продолжал как ни в чем не бывало спокойно рассказывать:

– Из-за природы наших технологических операций мы приобрели великое множество врагов, которые изо всех сил стремятся уничтожить Икс. Поэтому мы и стараемся держать наши дела и ресурсы подальше от жадных и хищных глаз.

Лифт продолжал падать, увлекая двух молодых людей сквозь светящиеся соты какого-то искусственного материала. Потом они увидели большое помещение, похожее на грот, это был сказочный мир, надежно упрятанный в глубинах коры планеты.

Массивные венцы опорных поясов поддерживались ажурными с виду, но такими высокими колоннами, что их верх был не виден снизу. Кабина лифта, выполненная из плаза, продолжала спускаться, плывя по воздуху на магнитной иксианской подвеске. Прозрачный пол капсулы создавал иллюзию свободного падения в разреженной атмосфере с невыносимой высоты. Лето слегка затошнило от этого страшного чувства. Он ухватился за боковой поручень, а его чемоданы болтались по кабине.

Наверху, прямо над головой было видно облачное иксианское небо и солнце, находившееся в зените. Проекторы, расположенные на поверхности планеты, проецировали изображение пейзажа и неба на огромные потолочные экраны с высоким разрешением.

По сравнению с этим ошеломляющим подземным миром самый большой корабль Гильдии выглядел крошечной скорлупкой. При спуске от крыши огромного свода Лето видел перевернутые правильные геометрические конструкции – дома, похожие на сталактиты, соединенные между собой лестницами и переходами. Каплевидные воздушные суда проносились между зданиями в этом подземном царстве. Были видны и украшенные блестящими пестрыми полосами пассажирские экипажи.

Далеко внизу, на дне пещеры были видны озеро и реки, надежно защищенные от посторонних глаз.

– Вернии, – сказал Ромбур, – наша столица.

Капсула продолжала скользить вниз между сталактитами, и Лето мог уже разглядеть наземные экипажи, автобусы и магистрали пневмотранспорта. Ему казалось, что он попал внутрь волшебной снежинки.

– У вас такие невероятно красивые дома, – сказал Лето, жадно впитывая своими серыми глазами каждую подробность. – Я всегда думал, что Икс – это шумный промышленный мир.

– Мы специально создаем такое впечатление для чужаков. Мы открыли строительные материалы, которые не только очень красивы и эстетичны, но весьма легки и прочны. Живя здесь, под землей, мы одновременно и спрятаны от посторонних глаз, и защищены от врагов.

– И это же позволяет вам сохранять первозданный вид поверхности вашей планеты, – заметил Лето. Было похоже, что принц Ромбур даже не думал об этой стороне дела.

– Аристократы и администраторы живут в верхних этажах сталактитов, – продолжал Ромбур. – Рабочие, сменные мастера и все субоиды рабочих команд живут внизу, в жилых участках. Все работают совместно ради процветания Икса.

– Внизу, под городскими кварталами, есть еще уровни? Люди живут даже там?

– Ну, на самом деле это не совсем люди. Это субоиды, – ответил Ромбур, пренебрежительно махнув рукой. – Мы специально вывели нужную породу существ, которые могут выполнять самую грязную работу и не роптать. Это триумф генетической инженерии. Я просто не знаю, что бы мы без них делали.

Кабина продолжала между тем свой стремительный спуск мимо горизонтов Икса. Вот она нырнула в трубу и начала замедлять полет, причаливая к огромному перевернутому, прикрепленному к потолку сталактиту, похожему на подвешенный в воздухе древний готический собор:

– Здесь меня ждут ваши инквизиторы? – спросил Лето, вздернув подбородок и приготовившись к испытанию. – Я никогда еще не подвергался ментальному сканированию.

Ромбур в ответ только рассмеялся.

– Я могу, конечно, устроить для тебя некое подобие зондирования сознания, если ты действительно хочешь пощекотать себе нервы... – Иксианский принц испытующе посмотрел гостю в глаза. – Лето, Лето, если бы мы не доверяли тебе, ты никогда не попал бы на Икс. Понятия о безопасности у нас несколько изменились с тех пор, как здесь побывал твой отец. Не слушай все эти темные и страшные сказки, которые мы сами распространяем о себе, чтобы отпугнуть любопытных.

Капсула наконец поравнялась с причальным балконом, под нее подвели поддерживающий механизм, и кабина сбоку начала приближаться к зданию.

Лето изо всех сил постарался не показать чувство облегчения.

– Хорошо. Я уважаю твое суждение.

– Я сделаю то же, когда прибуду на вашу планету. Вода и рыба, открытое небо. Каладан – это звучит чудесно. – Тон принца говорил о противоположном.

Служащие, одетые в черно-белые ливреи, выбежали из здания, построенного из бронированного плаза. Выстроившись с обеих сторон дорожки, одетые в униформу мужчины и женщины застыли, образуя живой коридор.

– Это Гран-Пале, – сказал Ромбур, – где слуги будут исполнять любое твое желание. Поскольку ты – единственный наш гость, то тебя будут немного баловать.

– Все эти люди находятся здесь, чтобы прислуживать мне? – Лето вспомнил время, когда он, проголодавшись, должен был сам чистить и потрошить пойманную им самим рыбу.

– Ты очень уважаемый и почетный гость, Лето. Сын герцога, друга нашей семьи, союзник по Совету Земель. Ты ожидал чего-то меньшего?

– По правде сказать, я принадлежу к Дому, который не блещет излишним богатством, где все очарование исходит от рыбаков, крестьян, поставляющих дыни, и фермеров, выращивающих рис-пунди.

Ромбур звонко и по-дружески рассмеялся:

– О, так ты еще и скромник!

Сопровождаемые послушно плывущим по воздуху багажом, молодые люди бок о бок поднялись в Гран-Пале по трем широким лестничным пролетам.

Оглядывая центральный вестибюль, Лето тотчас узнал хрустальные иксианские светильники, самые изящные во всей Империи. Хрустальные кубки, бокалы и вазы украшали мраморные столы, а на каждой стороне черного стола помещались статуэтки графа Доминика Верниуса и его жены леди Шандо Верниус. Лето узнал августейшую чету по виденным дома фотоизображениям.

Одетая в униформу прислуга прошла в дом. Люди остановились на некотором расстоянии от владетельных особ, чтобы в любой момент выполнить нужное приказание. В противоположной стене открылись двойные двери, из них в вестибюль вышел широкоплечий, приземистый и лысый граф Доминик Верниус, похожий на джинна, только что покинувшего свой кувшин.

На графе была надета серебристо-золотая туника, заканчивающаяся у ворота белой полосой. Грудь была украшена пурпурно-медным завитком Икса.

– Ах, вот и он, наш юный гость! – приветливо и радушно воскликнул Доминик. Вокруг ясных карих глаз появились веселые паутинки морщин. Он был очень похож на своего сына

Ромбура, кроме того, пожалуй, что накопленный с возрастом жир округлил его лицо, образовав на нем множество складок. Белые зубы обрамляли пышные темные усы. Граф Доминик был на несколько сантиметров выше своего сына. Черты лица графа были не столь удлинёнными и жесткими, как у представителей Домов Атрейдес и Коррино. Граф был представителем рода, который считался древним ко времени битвы при Коррине.

Вслед за графом в вестибюле появилась его супруга Шандо, бывшая наложница императора, одетая в торжественное платье. Точеные черты, ее лица, маленький, аккуратно вылепленный нос и шелковистая кожа придавали ее внешности царственную красоту, которую не могла скрыть никакая одежда. Выглядела она стройной и гибкой, но, несмотря на это, во всей ее фигуре чувствовалась недюжинная сила и выносливость.

Рядом с Шандо выступала ее дочь Кайлея, стремившаяся затмить мать своим парчовым одеянием цвета лаванды, спадавшим с плеч. Голову венчала высокая прическа медно-рыжих волос. Кайлея выглядела несколько моложе Лето, но шла с такой грацией и с таким достоинством, что казалось невероятным, что она вообще может передвигаться, как простые смертные. У девушки были тонкие дугообразные брови, яркие, выразительные, изумрудного цвета глаза и чувственный рот, придававший ее облику что-то кошачье. Кайлея сделала безупречный реверанс.

Лето поклонился и начал отвечать на приветствия, стараясь не смотреть в сторону дочери графа Верниуса. Торопливо проделав весь ритуал, которому его научила мать, Лето вскрыл замки одного из чемоданов и извлек оттуда шкатулку, украшенную драгоценными камнями, фамильное сокровище Атрейдесов. Взяв в руки шкатулку, он выпрямился.

– Это для вас, лорд Верниус. В этой шкатулке находятся уникальные вещи с нашей планеты. Есть у меня дар и для леди Верниус.

– Превосходно, превосходно! – Затем, явно потеряв терпение от затянувшегося ритуала, граф Доминик жестом подозвал одного из слуг, чтобы тот забрал шкатулку. – Я собираюсь насладиться содержимым твоего дара вечером, когда у меня будет для этого больше времени.

Он сцепил свои большие руки. Этот человек гораздо лучше смотрелся бы в кузнице или на поле битвы, нежели во дворце.

– Благополучно ли было твое путешествие на Икс, Лето?

– Не произошло ничего примечательного, сэр.

– Это самое лучшее, что может произойти в пути. – Доминик весело рассмеялся.

Лето осторожно улыбнулся, стараясь произвести на этого человека наилучшее впечатление. Он откашлялся, смутившись от того, что его растерянность видна как на ладони.

– Да, сэр, кроме того, что, прибыв на Икс, я сначала подумал, что меня высадили на какой-то другой планете, когда увидел дикую глушь.

– А, да это я просил твоего отца не раскрывать тебе заранее наш главный секрет. Это, видишь ли, наша небольшая шалость. Твоего отца я по его приезду тоже угостил этим сюрпризом. Должно быть, ты почувствовал себя навеки потерянным. – Доминик буквально лучился удовольствием. – Однако ты выглядишь достаточно отдохнувшим, молодой человек. В твоём возрасте временные сдвиги переносятся на удивление легко. Ты покинул Каладан два дня назад, так?

– Даже меньше, сэр.

– Удивительно, как быстро эти лайнеры пересекают громадные пространства. Это положительно невероятно. Но мы постоянно вносим усовершенствования в конструкции кораблей, чтобы они могли перевозить больше грузов и пассажиров.

Громовой голос усиливал впечатление от сказанного.

– Сегодня вечером мы закончим постройку еще одной конструкции. Мы покажем тебе все, что мы создали, это будет немаловажной частью твоего обучения здесь, на Иксе. Ты познакомишься со всеми модификациями космических лайнеров.

Лето улыбнулся, хотя чувствовал, что его мозг готов взорваться. Сегодня он не сможет усвоить никакой новой информации. Ясно, что по прошествии года он станет совсем другим человеком.

*Есть оружие, которое нельзя держать в руках. Его можно
держат только в голове.*

Учение Бене Гессерит

Челнок Бене Гессерит совершил посадку на ночной стороне планеты Гьеди Первая, приземлившись в космопорте Харк-Сити незадолго до полуночи по местному времени.

Озабоченно размышляя над тем, что понадобилось от него этим ведьмам, как только он вернулся домой после путешествия по адским пустыням Арракиса, барон вышел на защищенный экраном балкон Убежища Харконненов и принялся наблюдать за приземлением залитого огнями космического челнока.

В затянутой дымкой темноте от стен монолитных башен, отлитых из плаза, отражались ослепительно яркие огни. Пешеходные дорожки и тротуары были покрыты гофрированными тентами для защиты прохожих от промышленных отходов и кислотных дождей. Немного воображения и внимания для рассмотрения деталей, и Харк-Сити мог бы показаться стороннему наблюдателю поразительным местом. Вместо этого само место выглядело каким-то пораженным.

– У меня есть для вас кое-какие данные, барон, – раздался резкий, назойливый, несколько в нос, голос. Кто-то стоял на расстоянии вытянутой руки. Не наемный ли это убийца?

Барон резко повернулся на голос, приняв боевую стойку и согнув мускулистые руки. Увидев говорившего, он осклабился. У входа на балкон стояла долговязая, закутанная в накидку фигура его личного ментата Питера де Фриза.

– Никогда больше не подкрадывайся ко мне, Питер. Ты же скользишь, как червь.

Сравнение напомнило барону об охотничьей экспедиции его племянника Раббана и ее обескураживающих результатах.

– Ты же знаешь, Харконнены убивают червей.

– Об этом я слышал, – сухо отозвался де Фриз. – Но иногда лучший способ добыть нужную информацию – это двигаться неслышно.

Красные, брусничного цвета губы, приобретшие свой цвет от постоянного употребления сока сафо, который ментаты пили для усиления своих способностей, искривились в злой усмешке. Барон, вечно ищущий физического наслаждения, охотно пробуящий любые наркотические вещества, тоже пробовал сок сафо, но нашел его горьким и отвратительным на вкус.

– Это Преподобная Мать и ее свита, – сказал де Фриз, кивнув головой в сторону огня челнока. – Пятнадцать сестер и послушниц и четверо мужчин-охранников. Мы не обнаружили при них никакого оружия.

Де Фриз был воспитан ментатом по программе Бене Тлейлакс, мудрецами от генетики, которые во множестве продуцировали для Империи людей со способностями компьютеров. Но барону не нужна была машина с человеческими мозгами для обработки данных; нет, ему был нужен умный, умеющий считать и оценивать ситуацию человек, способный не только понять и просчитать последствия затей Харконненов, но и обладающий порочным воображением, достаточным для того, чтобы помочь барону достичь его целей. Питер де Фриз был особой тварью Бене Тлейлакс. Такие создания назывались «извращенными ментатами».

– Но чего они *хотят*? – буркнул барон, уставившись во все глаза на приземлившийся челнок. – Эти ведьмы очень самоуверенно прибыли сюда.

Его обмундированная в синюю форму гвардия, словно стая волков, высыпала на взлетно-посадочную полосу, готовая встретить всех, кто выйдет из корабля.

– Мы могли бы уничтожить их всех самыми обычными средствами обороны Дома.

– Бене Гессерит не безоружен, мой барон. Некоторые говорят, что они сами по себе являются оружием. – Де Фриз поднял кверху тощий палец. – Я бы никому не посоветовал понапрасну навлекать на себя гнев Общины Сестер.

– Я это знаю, идиот! Так как зовут эту Преподобную Мать и чего она хочет?

– Гайус Элен Мохиам. Что касается того, что ей нужно, то об этом Община Сестер предпочитает умалчивать.

– Черт бы побрал их со всеми их секретами, – рявкнул барон, резко повернувшись ко входу на балкон, вышел в коридор и поспешил встречать прибывшее судно.

Питер де Фриз улыбнулся ему вслед.

– Когда воспитанница Бене Гессерит говорит, она часто делает это загадками и намеками, но в ее словах всегда содержится зерно истины. Надо просто докопаться до этого зерна.

Барон только неопределенно хмыкнул в ответ, продолжая идти. Обуреваемый любопытством де Фриз двинулся следом за господином.

По пути ментат освежал в памяти свои познания об этих одетых в черные накидки ведьмах. Бене Гессерит занимался какими-то селекционными программами, словно фермер, который хочет вывести для каких-то своих темных целей новую породу человечества. Сестры также распоряжались одним из крупнейших в Империи хранилищ информации, используя свои сложные библиотеки для исследования больших перемещений людских масс и для оценки воздействия поступков отдельных людей на межпланетную политику.

Будучи ментатом, де Фриз с удовольствием бы наложил лапу на это хранилище информации. Присвоив это бесценное знание, он смог бы выдавать свои логические расчеты и проекции. Может быть, этого было бы достаточно для того, чтобы опрокинуть и Общину Сестер.

Но Бене Гессерит не допускал в свою сокровищницу чужаков. Туда не мог сунуть нос даже сам император. Значит, даже ему, ментату, не на чем было строить свои проекции. Де Фриз мог только догадываться о цели прибытия очередной ведьмы.

Сестры Бене Гессерит любили манипулировать политикой и обществами втайне, так, чтобы никто не мог догадаться, откуда исходит это мощное влияние. Тем не менее Преподобная Мать Гайус Элен Мохиам знала, как устроить торжественное, впечатляющее прибытие. В развевающейся черной накидке, в сопровождении безупречно экипированных мужчин-охранников, со свитой послушниц, она решительным шагом направилась в наследственное Убежище рода Харконненов.

Сидя за отполированным до блеска черным столом из плаза, барон ждал прибывших Сестер в обществе извращенного ментата и двух специально отобранных охранников. Чтобы показать свое презрение к прибывшим визитерам, Владимир даже не оделся как подобает для торжественной встречи. Никаких фанфар, никаких церемоний, никакого обеда.

Очень хорошо, – подумала Мохиам, возможно, так нам лучше удастся сохранить в тайне наше сугубо тайное дело.

Сильным, хорошо поставленным голосом она представилась, потом сделала шаг к барону, оставив позади свою свиту. Лицо ее выражало скорее равнодушие, чем какую бы то ни было деликатность. Это лицо не было ни привлекательным, ни отталкивающим. В профиль ее нос имел одну особенность, которая была незаметна в фас. Нос был очень длинный.

– Барон Владимир Харконнен, моя Община Сестер хочет обсудить с вами важное дело.

– Мне неинтересно иметь дело с ведьмами, – ответил барон, опершись волевым подбородком на кулак. Его паучьи верные глаза презрительно смотрели на прибывших Сестер, при этом барон не забыл оценить силу присутствовавших здесь мужчин. Он нервно забарабанил пальцами свободной руки по гладкой поверхности стола.

– Тем не менее вам придется выслушать то, что я должна сказать. – В голосе Преподобной Матери прозвучали стальные ноты.

Видя, что в глазах барона полыхнула ярость, Питер де Фриз поспешил выступить вперед. – Должен ли я напомнить Преподобной Матери, куда она прибыла? Мы не приглашали вас.

– Возможно, это я должна напомнить *вам*, – рявкнула в ответ Преподобная Мать, – что мы можем представить подробный отчет о том, что делают здесь с пряностью Харконнены. Какое оборудование они используют здесь, на Арракисе, сколько людей здесь работает, сколько пряности они добывают и о каком количестве докладывают в ОСПЧТ. Мы можем дать очень точные, исчерпывающие сведения. – Она вскинула бровь. – Мы уже провели предварительное изучение, основанное на данных, представленных, – она зловеще улыбнулась, – нашими источниками.

– Вы хотите сказать, вашими шпионами, – негодуя сказал барон.

Она заметила, что он пожалел об этих словах, как только они слетели с его губ, поскольку говорили в пользу его виновности.

Барон встал, играя мускулами, но прежде, чем он ответил на инсинуации Мохиама, в разговор поспешил вмешаться де Фриз.

– Может быть, будет лучше, если мы устроим приватную встречу Преподобной Матери и барона, наедине, с глазу на глаз? Нет нужды превращать простой разговор в спектакль и предмет донесений.

– Я согласна, – быстро ответила Мохиама, в ее взгляде, брошенном на извращенного ментата, промелькнуло нечто вроде одобрения. – Отчего нам не последовать в ваши покои, барон? Харконнен скорчил недовольную гримасу. Его полные чувственные губы стали темно-розовыми.

– Почему я должен приглашать Сестру Бене Гессерит в свои покои?

– Потому что у вас нет иного выбора, – ответила она низким, твердым голосом.

Потрясенный ее отвагой, барон потерял дар речи, но потом громко рассмеялся.

– Почему бы и нет? Пожалуй, мы не сможем обставить дело менее претенциозно.

Де Фриз, прищурив глаза, наблюдал за этой дуэлью. Он оценил свое предложение, пропустил через мозг текущие данные, вычисляя вероятности. Ведьма очень быстро перешла к делу. Она хочет аудиенции. Она хочет остаться с бароном наедине. Зачем? Что она хочет сделать в такой приватной обстановке?

– Позвольте мне сопровождать вас, барон, – сказал де Фриз и сделал шаг к двери, чтобы выйти в коридор, ведущий к личным покоям барона Харконнена.

– Это дело лучше сохранить между бароном и мной, – сказала Мохиама.

У барона окаменело лицо.

– Не командуй моими людьми, ведьма, – угрожающе произнес Харконнен тихим голосом.

– Каковы будут ваши указания? – дерзко спросила Преподобная Мать.

Последовало короткое молчание. Барон колебался. Потом заговорил:

– Я удовлетворяю вашу просьбу о частной аудиенции.

Преподобная Мать коротко наклонила голову, потом оглянулась на послушниц и охрану. Де Фриз уловил какое-то странное шевеление пальцев Мохиама. Она явно дала своим какой-то тайный сигнал.

Птичьи глаза Преподобной Матери уставились на ментата, который был вынужден остановиться.

– Вы тоже можете кое-что сделать, ментат. Будьте так добры, позаботьтесь, чтобы моих спутников разместили и накормили. Мы прибыли сюда не для удовольствия, и времени на развлечения у нас нет. Мы должны как можно скорее вернуться домой на Валлах IX.

– Сделай, как она говорит, – кратко приказал барон.

Взглядом отпустив де Фриза так, словно тот был последним рабом в Империи, она последовала за бароном...

Войдя в свои покои, барон с удовольствием отметил царящий там беспорядок. В кучу была свалена грязная одежда, мебель передвинута в полном беспорядке, на стенах какие-то красные пятна. Ничего, пусть ведьма видит, что к ее приезду никто не готовился, и не ждет торжественной встречи.

Уперши руки в узкие бедра, барон расправил плечи и, подняв подбородок, вскинул взгляд на Мохиам.

– Ну вот, мы в моих покоях, Преподобная Мать. Говорите, что вам угодно. У меня нет больше времени на словесные игры.

Мохиам позволила себе едва заметную усмешку.

– Словесные игры?

Она понимала, что в Доме Харконненов знают цену политическим нюансам. Конечно, это не относится к детски простодушному Абульурду, но барон Владимир и его советники...

– Хорошо, барон, – просто ответила она. – Община Сестер хочет использовать вашу генетическую линию.

Она сделала паузу, наслаждаясь выражением ужаса на его жестком, властном лице. Прежде чем он смог выдавить из себя слово, она объяснила ему суть сценария. Сама Мохиам не знала тонкостей и деталей плана. Она только знала, что должна была беспрекословно сделать, подчинившись воле Ордена.

– Вы, без сомнения, знаете, что на протяжении многих лет Бене Гессерит внедряет в своих Сестер важные генетические линии. Наши Сестры представляют собой, в плане наследственности, весь спектр самого благородного и ценного, что было в человечестве в его истории. Мы воплощаем в себе все лучшие черты Великих и Малых Домов, представленных в Совете Земель. У нас есть даже представители, правда, довольно отдаленные, линии Дома Харконненов.

– И вы хотите улучшить состояние штамма Харконненов? – опасливо спросил барон. – Это так?

– Вы прекрасно все поняли.

Барон отступил на шаг и расхохотался так, что из глаз его потекли слезы.

– Вам придется поискать в другом месте, – сказал он, вытирая глаза. – У меня нет детей, и я никогда не буду их иметь, поскольку естественный процесс зачатия, требующий участия женщины, вызывает у меня отвращение.

Зная о сексуальных предпочтениях барона, Мохиам ничего не ответила. В отличие от многих других благородных людей у него не было отпрысков, даже незаконных, живущих где-нибудь на планетах, разбросанных по Империи.

– Тем не менее нам нужна дочь рода Харконненов, барон. Не наследница, даже не претендентка, поэтому вам не надо беспокоиться о ее династических амбициях. Мы внимательно изучили наследственные линии родства, и нужная нам помесь обладает весьма специфичными свойствами. Вы должны оплодотворить меня.

Брови барона едва не взлетели к потолку.

– Но зачем, во имя всех лун Империи, я должен хотеть этого?

Он посмотрел на нее, анатомируя ее взглядом. Ничего особенного. Фигура так себе. Волосы каштановые, редкие, лицо длинное, не отличается красотой. К тому же она старше, чем он, приближается к концу своего детородного периода.

– Особенно с вами, – добавил он, закончив осмотр.

– Бене Гессерит решает такие вещи на основе генетических свойств, независимо от взаимной склонности или физической привлекательности.

– Вот что, я отказываюсь. – Барон отвернулся и скрестил руки на груди. – Убирайтесь. Забирайте своих маленьких рабынь и убирайтесь с Гьеди Первой.

Мохиам несколько секунд осматривалась, стараясь запомнить обстановку покоев Харконнена. Используя аналитическую технику Бене Гессерит, она пыталась на основании обстановки составить представление о характере барона, оценить запахи жилища, не подготовленного для посторонних глаз. Сам того не зная, Владимир Харконнен предоставил в распоряжение Преподобной Матери очень ценную информацию.

– Если таково ваше окончательное решение, барон, то следующей остановкой моего корабля будет Кайтэйн, я собираюсь посетить императора Эльруда. Собственно, эта встреча запланирована уже давно. На корабле имеется моя личная библиотека данных, где собраны все сведения о добыче пряности на Арракисе, о том, сколько ее вы накопили для своих нужд и о каком количестве сообщили ОСПЧТ и Дому Коррино. Наш предварительный анализ достаточен для того, чтобы инициировать полномасштабный аудит банка Гильдии и вскрыть вашу деятельность. Вашу лицензию, кстати говоря, немедленно отзовут или, во всяком случае, приостановят ее действие. Вы не будете управлять Арракисом.

Барон во все глаза уставился на Преподобную Мать. Она была совершенно бесстрашна. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Но в ее глазах барон прочитал истинность слов, произнесенных Мохиам. Он ни на минуту не сомневался в том, что эти ведьмы применили все свои дьявольские хитрости, чтобы узнать, как он дурачит и водит за нос престарелого императора. И скорее всего им это удалось. Понял барон и то, что Мохиам, не колеблясь, приведет в исполнение свою угрозу.

Копии всех донесений... Даже если он уничтожит корабль ведьм, из этого не выйдет ничего хорошего. У этой дьявольской Общины Сестер есть копии всех документов.

Вероятно, Бене Гессерит имеет компрометирующий материал на имперский Дом Коррино, а также на сделки Космической Гильдии и могущественной компании ОСПЧТ. *Предметы торга.* Община Сестер умеет пользоваться слабостями своих потенциальных противников.

Барону была ненавистна мысль о том, что он поставлен в положение буриданова осла, но с этим уже ничего не поделаешь. Эта ведьма может уничтожить его одним словом, но в конце концов все равно заставит дать гены их проекту.

– Чтобы облегчить вам задачу, могу сказать, что обладаю способностями управлять своими телесными функциями, – стараясь казаться разумной и убедительной, заговорила Мохиам. – Я могу вызвать овуляцию по своему желанию, поэтому могу гарантировать, что вам не придется повторять этот неприятный для вас опыт. После одной-единственной встречи с вами я с гарантией рожу девочку. Вы больше никогда не услышите о нас.

У Бене Гессерит всегда в запасе есть план, у них всегда работает сложный механизм с множеством шестерен, и эти ведьмы не так просты, как кажутся на первый взгляд. Барон нахмурился, задумавшись о вероятностях разных исходов. С этой дочерью, которую они так сильно хотят, не собираются ли ведьмы – несмотря на уверения в противоположном – создать незаконную наследницу, готовую оспорить права Раббана, которого барон уже готовит для власти? Это было бы нелепо.

– Я... – Он начал подыскивать слова. – Мне нужно немного времени, чтобы подумать и посоветоваться со своими помощниками.

Преподобная Мать Мохиам только округлила глаза, выслушав это предложение, но позволила барону уйти, жестом позволив ему немного потянуть время. Отбросив в сторону испачканное кровью полотенце, Мохиам поудобнее устроилась на диване и принялась ждать возвращения Владимира Харконнена.

Несмотря на свою порочную природу, барон был привлекательным человеком, красивым мужчиной, хорошо сложенным, с приятными чертами лица, полными чувственными губами... Тем не менее воспитание Бене Гессерит закладывало в своих послушниц представление о том, что половое сношение – это просто инструмент манипулирования мужчинами для получения

нужного потомства, линию которого можно включить в сеть Общины Сестер. Мохиам никогда не стремилась испытывать наслаждение, независимо от того, какой приказ она получала. Тем не менее она испытывала некоторое удовольствие от того, что барон оказался у нее под каблучком и теперь готов исполнить любой ее приказ, оказавшись в подчиненном положении.

Преподобная Мать откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза и сосредоточилась на потоке гормонов в крови, на работе аппарата размножения, готовя себя к делу...

Она знала, каким будет ответ барона.

– Питер! – крикнул барон, выйдя в зал. – Где мой ментат?

Де Фриз неслышно выскользнул из примыкающего помещения, откуда он собирался последить за тем, что происходит в покоях барона. Для этого в помещении имелись специальные отверстия и смотровые щели.

– Я здесь, мой барон, – ответил он, сделав глоток из маленькой склянки. Сафо включило в его головном мозге цепь реакций, запустило работу нейронов, усилило умственные способности. – Чего потребовала ведьма? Чего она хочет?

Барон кругами заходил по залу, найдя наконец мишень для своей ярости.

– Она хочет, чтобы я оплодотворил ее! Свинья!

Оплодотворить ее? – подумал де Фриз, добавив эту фразу к своему банку данных. На повышенной скорости он попытался включить новые данные в процесс оценки информации и постановки проблемы.

– Она хочет родить от меня девочку! Ты можешь в это поверить? Мало того, они все знают о моих запасах пряности!

Де Фриз включился в режим работы ментата.

Факт: Иным способом барон никогда больше не сможет иметь детей. Он ненавидит женщин. Кроме того, он очень осторожен в политическом плане, чтобы без разбора разбрасывать свое семя.

Факт: У Бене Гессерит на Валлахе находятся подробные журналы генетического скрещивания, разнообразные планы селекции, результаты которых открыты для всяческих толкований. Чего хотят достичь ведьмы, получив от барона дочь (именно дочь), а не сына?

Есть ли в этом какой-то изъян – или преимущество – в наследственности Харконненов, которую хотят использовать? Не является ли это каким-то изоциренным унижительным наказанием, которому они хотят подвергнуть барона? Если так, то чем сам барон, лично, оскорбил Общину Сестер?

– Мне отвратительна сама мысль об этом! Половой акт с этой племенной кобылицей, – бушевал между тем барон. – Но я почти схожу с ума от любопытства. Чего в действительности могут хотеть Сестры?

– Я не могу сделать соответствующую проекцию, барон. У меня мало данных для этого. Харконнен едва не ударил де Фриза, но вовремя сдержался.

– Я не жеребец в конюшне Бене Гессерит!

– Барон, – миролюбиво заговорил де Фриз, – если они действительно располагают данными о вашем производстве пряности, то вам ни в коем случае нельзя допустить обнародования этих данных. Если даже они блефовали, то теперь ваша реакция сказала им, что в своих подозрениях они правы на сто процентов. Если они представят свои доказательства на Кайт-эйн, императору, то он немедленно пришлет сюда сардаукаров, чтобы искоренить Дом Харконненов и вместо него назначить другого управляющего на Арракис. Так уже случилось до вас с Домом Ришезов. Император и ОСПЧТ могут расторгнуть свои договоры с любым из ваших холдингов в любой момент, когда они этого пожелают. Эльруд, в этом нет никакого сомнения, будет просто в восторге. Они могут передать управление Арракисом и производство пряности, ну, скажем, Дому Атрейдесов... Хотя бы для того, чтобы насолить вам.

– Атрейдесы! – Барон едва не плюнул от злости. – Я никогда не позволю, чтобы мои холдинги перешли в их руки.

Де Фриз понял, что задел нужную струну. Вражда между Харконненами и Атрейдесами началась много поколений назад, во время трагических событий, связанных с битвой при Коррине.

– Вы должны сделать то, что требует от вас эта ведьма, барон, – сказал де Фриз. – Этот раунд Бене Гессерит выиграл. Приоритет: защитить богатство своего Дома, холдинги пряности и незаконно добытую пряность. – Ментат улыбнулся. – Отомстить вы сможете позже.

Барон посерел, лицо его покрылось красными пятнами.

– Питер, с этого момента я приказываю тебе спрятать в воду все концы. Ты должен уничтожить все наши запасы пряности. Разместить их в потайных местах. Там, где никто не сможет никогда их найти.

– То же самое надо сделать на планетах наших союзников? Я не рекомендую делать этого, барон. Слишком сложно все это сделать, к тому же союзнические отношения не вечны.

– Очень хорошо. – Паучьи глаза барона вспыхнули. – Большую часть пряности надо спрятать на Ланкевейле, прямо под носом моего глуповатого сводного брата. Они никогда не поверят, что Абульурд замешан в таких делах.

– Да, мой барон, это очень хорошая идея.

– Конечно, хорошая идея! – Он нахмурился и огляделся. Мысль о сводном брате напомнила ему о нежно любимом племяннике. – Где этот Раббан? Может быть, ведьма может воспользоваться его спермой вместо моей?

– Сомневаюсь в этом, барон, – сказал де Фриз. – Их генетические планы обычно очень специфичны.

– Ну все равно, где он? Раббан! – Барон крутанулся на каблуках и зашагал по залу, словно ожидая найти кого-нибудь в темном углу. – Я сегодня не видел его целый день.

– Он уехал на свою глупую охоту в Охранный Лес. – Де Фриз с трудом подавил улыбку. – Вы здесь один, барон, и мне кажется, что вам лучше пойти к себе в спальню. Вам надо выполнить важную обязанность.

Основное правило заключается в следующем: никогда не поддерживай слабого; всегда поддерживай сильного.

Бене Гессерит: Книга Ашара. Компиляция великих тайн

Легкий крейсер стремительно взмыл вверх, оставив внизу затянутый дымом и освещенный тусклыми огнями города безликий пейзаж. Запертый в крошечный отсек под брюхом корабля, Дункан Айдахо смотрел сквозь иллюминатор на огромный куб тюрьмы Баронии, это средоточие мучений заточенных в нем человеческих существ.

По крайней мере его родители больше не узники этого страшного места. Раббан убил их, чтобы возбудить в Дункане гнев и желание драться. И правда, за последние несколько дней подготовки к охоте гнев Дункана только усилился.

Металлическая стенка нижнего отсека, где помещался Дункан, словно ярь-медянкой, была покрыта инеем. Сам Дункан словно окаменел. Все чувства притупились и умерли. Сердце превратилось в кусок свинца, нервы онемели, кожа превратилась в лишенное всяких чувств одеяло. Палуба передавала пульсирующую вибрацию двигателя.

Наверху комфортно расположилась партия охотников. Эти люди стучали в пол, передвигались в своих подбитых мягким материалом тяжелых охотничьих доспехах, болтали и громко смеялись. Все были вооружены ружьями с автоматическими прицелами. Они хорошо подготовились к вечерней забаве.

Раббан тоже был там, вместе с остальными.

Для того чтобы дать юному Дункану шанс, охотники вооружили его тупым ножом (как они сами говорили, чтобы он не поранился), карманным фонариком и короткой веревкой; это было все, чем мог воспользоваться восьмилетний ребенок, чтобы попытаться ускользнуть от взвода профессиональных охотников, которые к тому же собирались играть на своем поле...

Наверху, в теплом, обитом мехом отсеке Раббан от души забавлялся, представляя себе чувства разгневанного, испуганного ребенка, запертого в нижнем, холодном отсеке. Если бы этот Дункан был старше и сильнее, то был бы опасен, как любое сильное животное. Правда, Раббан признавал, что Айдахо был силен и развит не по годам. Как он сумел уйти от элитных тренеров Баронии по закоулкам тюрьмы! Это было восхитительно, особенно трюк с магнитной трубой.

Крейсер был уже далеко от пропитанного нефтью промышленного города, приближаясь к специально созданному уголку дикой природы, расположенному на высоком плоскогорье среди сосен, песчаника, пещер, скал и ручьев. В этой рукотворной глуши водились даже специально выведенные генетиками дикие звери – хищники, для которых нежная плоть ребенка была такой же лакомой добычей, как и для охотников Харконнена.

Крейсер приземлился на усеянном валунами лугу, палуба накренилась под углом к земле; включились стабилизаторы, и корабль выровнялся. Раббан нажал кнопку на сигнальном устройстве, прикрепленном к поясу.

Гидравлическая дверь нижнего отсека с шипением открылась; Дункан мог свободно покинуть свою клетку. Холод ночи обжег щеки мальчика. Первым желанием Дункана было выпрыгнуть прочь из корабля. Он мог быстро бегать и скорее всего достиг бы густого соснового леса, где можно зарыться в опавшие иглы и немного поспать, чтобы восстановить силы.

Но именно этого и хочет Раббан. Он хочет, чтобы Дункан убежал и спрятался, при этом охотники прекрасно знают, что он не может убежать далеко. С этого момента надо действовать, повинаясь инстинктам, втиснутым в рамки разума. Время неожиданных, решительных и безоглядных действий не настало. Еще не настало.

Дункан останется на крейсере до тех пор, пока охотники не объяснят ему правила игры, хотя он и так был уверен, что знает, чего они от него ждут. Это была большая арена, предстоит долгая охота, высокие ставки, но по сути, это будет та же игра, к которой Дункана готовили тренеры в Баронии.

Лениво открылся верхний люк, и перед Дунканом возникли две фигуры: капитан охотников и широкоплечий человек, который убил мать и отца Дункана. *Раббан.*

Отвернувшись от яркого света, Дункан привыкшими к темноте глазами принялся рассматривать открытое пространство луга и густые тени хвойного леса. Небо было усеяно яркими звездами. Ребра, поврежденные во время прежних тренировок, отозвались вдруг болью, но Дункан усилием воли заставил себя забыть об этой мелочи, исключить ее из своего сознания.

– Лесничество Охраняемого Леса, – сказал мальчику капитан охотников. – Это как каникулы в лесу. Отдых на природе. Наслаждайся им. Это игра, мой мальчик, – мы оставим тебя здесь, дадим тебе фору, а потом начнется охота. – Мужчина прищурил глаза. – Однако смотри не ошибись. Это не тренировки Баронии. Если ты проиграешь, то будешь убит и твоя набитая опилками голова пополнит коллекцию охотничьих трофеев лорда Раббана.

Стоявший рядом с капитаном племянник барона Харконнена одарил Дункана лучезарной улыбкой, растянув до ушей свои толстые губы. Раббан дрожал от возбуждения и предвкушения удовольствия. Загорелое лицо его пылало.

– А что, если я убегу? – тонким голосом спросил Дункан.

– Не убежишь, – коротко отрезал Раббан.

Дункан не стал развивать тему. Если он принудит этих людей к ответу, они все равно солгут, а если он убежит, то сам будет диктовать им правила игры.

Они вытолкнули его на заиндевелый луг. На мальчике была легкая одежда и стоптанные ботинки. Ночной холод ударил Дункана, словно молот.

– Оставайся в живых как можно дольше, мальчик, – крикнул Раббан от люка, прежде чем залезть обратно в теплое чрево грохочущего двигателями крейсера. Двигатель начал набирать обороты. – Доставь мне удовольствие! Моя предыдущая охота была сплошным разочарованием!

Дункан остановился и, застыв в немой неподвижности, смотрел, как крейсер, поднявшись в воздух, полетел в сторону охраняемого поста. Именно оттуда, выпив и закусив, охотники отправятся на поиски своей жертвы.

Может быть, Харконнены будут играть с ним некоторое время, забавляясь охотой, но может случиться и иначе. Иззябшие на ночном морозе охотники, промерзшие до костей, желающие только одного – поскорее выпить виски, они, возможно, разнесут Дункана на куски при первой возможности.

Дункан побежал вперед, под укрытие деревьев густого темного леса.

Даже когда он покинул луг, его ноги продолжали оставлять явственные следы, пригибая к земле мерзлую, покрытую инеем траву. Кожу царапали вечнозеленые ветви, ноги взрыхляли кучи мертвых иголок, но мальчик упрямо бежал вверх по склону, к отрогам песчаника.

В луче карманного фонарика металась струя пара, вырывавшегося из его рта при учащенном глубоком дыхании. Выбиваясь из сил, Дункан продолжал взбираться по склону туда, где высилась отвесная скала. Вот наконец его ноги стали ступать на гладкий камень, а пальцы, которыми он хватался за камни, ощутили твердую породу. Здесь по крайней мере он не оставит следов, хотя на камнях было довольно много инея, на котором следов не спрячешь.

Отрог хребта, словно страж, возвышался над лесом. Ветер и дождь выгрызли в камнях пещеры и расщелины, некоторые из которых были настолько малы, что в них не спрячется и мышь, но были и такие, куда мог бы залезть даже взрослый человек. Движимый отчаянием, Дункан карабкался вверх, тяжело дыша и теряя остаток сил.

Достигнув вершины слоистой скалы, покрытой, словно ржавчиной, какими-то коричневыми отложениями, Дункан посветил фонариком, опустил на корточки и осмотрелся, стараясь сориентироваться в этом диком месте. Интересно, вышли ли уже охотники на его поиски? Скорее всего они уже недалеко.

Где-то вдалеке выли какие-то звери. Чтобы сохранить маскировку, Дункан выключил фонарь. Старые травмы ребер и раны на спине горели огнем, плечо болело там, куда был имплантирован радиомаяк, говоривший о местонахождении Дункана.

Позади Дункана высился еще один крутой, похожий на пчелиные соты, склон, изъеденный трещинами и расщелинами; из склона, словно изуродованные крюки, торчали стволы прихотливо изогнутых деревьев, напоминавшие толстые волосы, растущие из бородавки. До ближайшего города или космопорта было очень и очень далеко.

Лесничество Охраняемого Леса. Когда-то мать рассказывала ему об этом охотничьем заповеднике, любимом месте развлечений племянника барона.

– Раббан так жесток потому, что ему надо доказать, что он не похож на своего отца, – сказала однажды мать.

Мальчик провел все свои девять лет в больших домах, дышал регенерированным воздухом, насыщенным парами топлива, растворителей и промышленными отходами. Он не знал, как холодна может быть эта планета, как пронизывает мороз по ночам и... как красиво звездное небо.

Небо распростерлось над головой громадным абсолютно черным куполом, усеянным сверкающими точками света, булавочными головками, которые пронизывали своим светом невероятные глубины галактик. Далеко-далеко гильд-навигаторы прокладывали своим огромным, размером с целые города, лайнерам маршруты от звезды до звезды.

Дункан никогда не видел кораблей Гильдии, никогда не покидал Гьеди Первую – и теперь сильно сомневался, что когда-нибудь сможет ее покинуть. Живя в промышленном городе, он никогда не испытывал потребности в рисунке звездного неба и не умел поэтому ориентироваться по звездам. Но даже если бы он и умел это делать, то все равно не смог бы скрыться от охотников.

Сидя на вершине отрога, вглядываясь в холодную тьму, Дункан внимательно изучал окружающий его мир. Мальчик съёжился и прижал колени к подбородку, чтобы сохранить остатки тепла, и все равно его била дрожь.

Вдали, там, где возвышенность переходила в низинные долины, заросшие лесом, виднелось здание поста. Оттуда выплыла цепочка огней, которая медленно двинулась к отрогу, раскачиваясь, как процессия ярмарочных паяцев. Это согревшаяся в тепле, отлично вооруженная партия охотников вышла позабавиться. Они хотят доставить себе удовольствие.

Глядя на них с высоты отрога, Дункан смотрел и ждал, холодный и покинутый всеми. Надо решить, хочет ли он вообще жить? Что он станет делать? Куда ему идти? Кто позаботится о нем?

Лазерное ружье Раббана не оставило ничего от лица матери, которое он мог целовать. Ничего не осталось и от ее волос, которые можно было погладить. Никогда не услышит он голоса матери, которая ласково скажет ему: «Мой сладкий Дункан».

Теперь Харконнены хотят сделать то же самое с ним самим, и он не может им помешать. Он ведь просто маленький мальчик с тупым ножом, слабым фонариком и короткой веревкой. У охотников есть ришезианские пеленгаторы, с помощью которых они могут засечь местонахождение маячка, имплантированного под кожу плеча Дункана. У них есть мощное оружие, теплая одежда с подогревом. Они превосходят его по численности в десять раз. У него нет шансов.

Наверное, ему было бы легче просто сидеть здесь и ждать, когда они подойдут. Пеленгатор засечет местонахождение маяка и безошибочно приведет охотников к его носителю. И тут он не примет участия в их охоте, он испортит им удовольствие. Испортит своей сдачей, своим презрением к их варварским увеселениям, это будет пусть маленькая, но победа. Единственная победа, которую он сможет одержать над ними.

Но есть и другой выход. Дункан Айдахо может драться и причинить вред Харконненам, пусть даже они в конце концов все равно убьют его. У матери и отца не было возможности драться за свою жизнь, но ему, Дункану, Раббан предоставил такой шанс.

Раббан считает его беззащитным и беспомощным ребенком. Эти охотники думают, что, застрелив безоружного ребенка, они смогут доставить себе немалое развлечение.

Он встал, выпрямил застывшие, одеревеневшие ноги, отряхнул одежду и усилием воли заставил себя перестать дрожать. *Я не уйду из жизни просто так, – решил он, хотя бы просто из-за того, чтобы доказать им, что они не смеют издеваться надо мной.*

Сомнительно, чтобы охотники надели, выходя на свою забаву, персональные защитные устройства. Они не думают, что им понадобится какая-то защита, уж во всяком случае, не от такого, как Дункан.

Он ощутил в кармане массивную рукоятку тупого ножа, эта игрушка совершенно бесполезна против любого приличного оружия. Но с помощью этого лезвия он может сделать еще одну, очень болезненную, но нужную ему сейчас вещь. Да, он будет драться, драться, чего бы это ему ни стоило.

Ползком забравшись вверх по склону, он ступил на поваленное дерево, с трудом сохраняя равновесие на стволе, усыпанном мелкой галькой. По этому стволу он добрался до маленькой пещеры в песчанике. По пути он старался обходить снег и ступать только на замерзшую грязь, чтобы оставлять как можно меньше следов.

Пеленгатор неизбежно приведет их к нему, не важно, как далеко он сумеет оторваться от них.

Над входом в пещеру высился почти отвесный склон, который мог обеспечить Дункану еще одно преимущество: свободно лежавшие глыбы покрытого лишайником песчаника. Может быть, ему удастся сдвинуть их с места...

Дункан ползком забрался в укрытие, где ему отнюдь не стало теплее. Правда, там царил непроницаемый мрак. Отверстие пещеры располагалось низко, но взрослый человек мог свободно вползти сюда, а другого выхода из пещеры не было. Да, эта пещера не защитит его, надо было поспешить.

Скрючившись в тесноте своего убежища, Дункан включил фонарь, стащил через голову свою старую рубашку и достал из кармана нож. Не спеша мальчик ощупал место, куда был имплантирован радиомаяк. Отчетливая припухлость прощупывалась у заднего края трехглавой мышцы плеча левой руки.

Кожа, как думал Дункан, потеряла от холода всякую чувствительность и окончательно онемела, эмоции притупились от горя и потрясений, однако, когда он воткнул лезвие ножа в мягкую плоть плеча, нервы запротестовали и вспыхнули нестерпимой болью. Закрыв глаза, мальчик продолжал погружать в свою плоть острие ножа, стараясь достать маяк.

Вперив остановившийся взгляд в темную стену, на которой была видна его тень в призрачном свете фонаря, он продолжал механически работать правой рукой, загнав боль в самый дальний угол сознания.

Наконец маячок выпал на пол пещеры – маленький окровавленный комочек, в котором была заключена металлическая игрушка, достижение технологического гения Ришезов. Пошатываясь от перенесенной боли, Дункан поднял с пола кусок камня, чтобы разбить проклятое приспособление. Он уже занес руку, но в последний момент передумал и опустил камень.

Лучше оставить маячок здесь. В качестве приманки.

Дункан выполз из пещеры, набрал в руку пригоршню крупинчатого снега. На светлый песчаник падали крупные капли крови. Он прижал снег к ране, откуда обильно струилась кровь, и боль, которую он сам причинил себе, стала понемногу утихать. Он прижимал ледяной ком к ране до тех пор, пока сквозь пальцы не потекла талая, окрашенная в розовый цвет вода. Он снова набрал пригоршню снега и повторил манипуляцию, нисколько не заботясь о следах, которые оставляет: все равно Харконнены придут сюда.

Зато снег помог остановить кровотечение.

Потом Дункан начал карабкаться вверх от пещеры, стараясь на этот раз не оставлять следов, чтобы охотники не смогли понять, куда он ушел. Он видел, что цепочка фонарей в долине разделилась. Охотники выбирали себе маршруты, каждый стремился добраться до жертвы своим путем. Над головой вился орнитоптер с потушенными огнями.

Дункан старался идти как можно быстрее, заботясь только о том, чтобы не возобновилось кровотечение. Теперь нельзя было оставлять следов. Он разорвал на полосы рубаху, чтобы перевязать рану, из которой все еще понемногу сочилась кровь. Грудь была открыта, и чтобы не замерзнуть окончательно, мальчик натянул лохмотья рубашки на плечи. Лесные хищники тоже могут начать свою охоту за ним, учуяв железный запах крови, и настичь его раньше, чем люди, но об этом Дункан не хотел сейчас думать.

Под ногами осыпалась галька. Мальчик сделал круг и взобрался на скалу, нависшую над входом в пещеру. Слепой инстинкт гнал Дункана дальше, но усилием воли мальчик заставил себя остановиться. Так будет лучше. Он подобрался к лежащим на склоне тяжелым глыбам камня, попробовал их раскатать, потом лег на спину и принялся ждать.

Ему не пришлось ждать долго. Первый из охотников взошел вверх по склону и приблизился к входу в пещеру. Одетый в облегченный, на подвесках, охотничий костюм, он выставил

вперед дуло лазерного ружья, потом взглянул на ручной пеленгатор, который указывал местонахождение радиомаяка.

Дункан затаил дыхание и застыл на месте, чтобы не загреметь мелкими камнями. Стекавшая по руке кровь оставляла на коже горячую полосу.

Охотник остановился у входа в пещеру, осмотрел запятнанный кровью снег, следы на нем, прислушался к прерывистому зуммеру ручного пеленгатора. Дункан не мог видеть лица этого человека, но мог живо представить себе игравшую на его губах усмешку презрительного триумфа.

Направив дуло ружья в узкий лаз, ведущий в пещеру, охотник наклонился, потом, неуклюже согнувшись в своем утепленном обмундировании, лег на брюхо и пополз в темноту пещеры.

– Я нашел тебя, мальчонка!

Мальчик, напрягая всю силу своих мышц, пододвинул к краю скалы покрытый лишайником валун. После этого он сделал то же самое еще с одним камнем, а затем изо всех сил толкнул их вниз. Оба тяжелых камня, кувыркаясь в воздухе, полетели вниз по крутому склону.

Потом он услышал звук сильного удара и треск. Раздался тошнотворный хруст, потом до слуха Дункана долетели тяжкий вздох и клокочащее хрипение.

Подобравшись к краю скалы, Дункан посмотрел вниз. Один из валунов уклонился в сторону и продолжал нестись вниз, взметая на своем пути пыль и увлекая за собой массу мелкой гальки, которая вместе с ним, набирая скорость, сыпалась к подножию отрога.

Второй камень попал в цель. Он упал точно на поясницу охотника, раздробил ему позвоночник и, несмотря на защитный костюм, пригвоздил охотника к земле, как булавка, на которую накалывают образчик насекомого.

Дункан, задыхаясь от спешки, гремя осыпающимися камушками, торопливо спустился вниз, оскальзываясь на гальке. Охотник был еще жив, хотя и парализован. Ноги его подергивались, носки ботинок выбивали дробь, ударяясь о замерзшую грязь. Этого можно было больше не бояться.

Протиснувшись мимо массивного тела охотника в пещеру, Дункан включил фонарик и направил его неяркий луч в лицо человека. Взгляд охотника был полон застывшего изумления. Это была уже не игра. Айдахо знал, что сделают с ним Харконнены, и уже видел, что сделал Раббан с его родителями.

Теперь Дункан будет играть с ними по их правилам.

Умирающий охотник прохрипел Дункану что-то нечленораздельное, но мальчик ни секунды не колебался. Глаза его потемнели и сузились – это не были уже глаза ребенка, и Дункан наклонился к своей жертве. Нож с глухим звуком вошел под нижнюю челюсть охотника. Охотник дернулся и поднял подбородок, словно подставляя под удар шею и моля о смерти. Лезвие распороло кожу, мышцы и сухожилия. Из яремной вены и сонной артерии хлынула кровь, которая окатила все вокруг фонтаном, прежде чем свернуться застывшим озером на грязном полу пещеры.

У Дункана не было времени ни размышлять о том, что он только что сделал, ни на то, чтобы ждать, когда окоченеет тело убитого им охотника. Он пошарил рукой по поясу мертвеца, нашел полевую аптечку и пакет с сухим пайком. Вытащив эти нужные ему вещи, он с трудом разжал окоченевшие пальцы трупa и вытянул из их последней хватки лазерное ружье. Прикладом ружья он разнес вдребезги окровавленный ришезианский радиомаяк, превратив его в металлическую крошку. Ему больше не нужна была эта фальшивая приманка. Теперь преследователям придется искать его, полагаясь только на свой ум.

Кто знает, может быть, им даже понравится такой вызов и они получат своеобразное удовольствие, преследуя равного противника. Но это будет потом, когда пройдет первая ярость.

Дункан выполз из пещеры. Лазерное ружье, которое было длиннее самого Дункана, со стуком волочилося за ним. Внизу была видна приближающаяся цепочка огней. Охотники были уже рядом.

Вооруженный и имеющий запас пищи, Дункан бросился бежать во тьму ночи.

Многие элементы Империи считают, что именно они обладают наибольшей властью в ней: Космическая Гильдия с ее монополией на межзвездные перевозки; ОСПЧТ с ее экономической удавкой; Бене Гессерит с его тайнами; ментаты с их умением контролировать процессы мышления; Дом Коррино с его Троном; Великие и Малые Дома Совета Земель с их держаниями. Горе нам, если в один прекрасный день кто-нибудь из них решит доказать это на практике.

Граф Хазимир Фенринг. Донесения с Арракиса

У Лето не оказалось и часа на то, чтобы отдохнуть и освоиться в новых апартаментах Гран-Пале.

– Прости, что помешал, – проговорил Ромбур, через раздвижную дверь пятясь в коридор с хрустальными стенами, – но этого ты никак не можешь пропустить. Для постройки лайнера требуются месяцы и месяцы. Дай знать, как только ты будешь готов идти на наблюдательную палубу.

Взбудораженный, но милостиво предоставленный самому себе хоть на несколько мгновений, Лето начал рыться в багаже, одновременно осматривая комнату и бормоча при этом проклятия. Взглянув на аккуратно сложенные пожитки, которых было намного больше, чем ему могло когда-нибудь понадобиться (включая всякие безделушки, пакет писем от матери и даже Оранжевую Католическую Библию, стихи из которой он обещал матери ежедневно читать на ночь).

Он ошарашенно уставился на чемоданы, лихорадочно размышляя, сколько времени ему потребуется, чтобы ощутить себя здесь как дома – *целый год продлится разлука с Каладаном*, – и решил пока ничего не трогать. Для всего этого найдется время и позже; ведь впереди целый год. *Год на Иксе*.

Ум его утомился после путешествия, и Лето все еще был в смятении от ощущения громадной тяжести, нависшей над этим странным подземным городом. Лето стянул с себя удобную рубашку и снова растянулся на постели. Едва он успел пощупать матрац и взбить подушку, как в дверь снова постучали.

– Пошли, Лето! Поторопись! Одевайся, и нам... э... надо поймать транспорт.

На ходу попадая в левый рукав куртки, Лето бросился вслед за Ромбуrom в холл.

Пневмотранспорт понес их вверх, пролетая между вышерасположенными зданиями, а потом направился к предместьям подземного города. В конце концов они оказались на вторичном уровне между наблюдательными куполами. Выйдя из кабины, Ромбур начал проталкиваться сквозь толпу, собравшуюся на балконах и возле широких окон. Схватив Лето за рукав, Ромбур буквально протащил его мимо гвардейцев Верниуса и собравшихся зрителей. Лицо принца горело, он поминутно спрашивал у каждого встречного:

– Который теперь час? Все уже произошло?

– Еще нет. Осталось еще десять минут.

– Навигатор только едет сюда. Вот сейчас его контейнер проследовал защитное поле.

Бормоча благодарности и извинения, Ромбур вел своего вконец смутившегося спутника к широкому застекленному окну в наклонной стене наблюдательной галереи.

В противоположном конце этого внушительного помещения раскрылась раздвижная дверь, и толпа расступилась, чтобы пропустить двух темноволосых молодых людей, на первый взгляд идентичных близнецов, которые были эскортом сестры Ромбура Кайлеи. Юноши буквально лопались от гордости за такой почет. За то время, что Лето не видел ее, Кайлея успела

переодеться в другой наряд – менее вычурный, но не менее красивый. Казалось, близнецы пьяны от присутствия девушки, а Кайлея наслаждалась их раболепным вниманием. Она мило стиво улыбалась юношам, ведя их к удобному месту у наблюдательного окна.

Ромбур подвел Лето к сестре и ее эскорту и погрузился в созерцание происходящего. Принца явно больше интересовало происходящее действие, чем толпа зрителей. Оглядевшись, Лето пришел к выводу, что все они – важные чиновники разных рангов. Он машинально стал смотреть вниз, все еще переживая свое присутствие здесь как утрату.

Огромное замкнутое пространство по мере удаления исполинской воронкой суживалось в точке, где соединялись пол и потолок этого подземного царства. Внизу Лето увидел готовый настоящий лайнер, размером со средний астероид, похожий на корабль, перенесший его самого с Каладана на Икс.

– Это самое большое... э-э... производственное помещение на Иксе, – сказал Ромбур. – Именно здесь расположен завод, единственный в Империи, площадь которого позволяет разместить на ней целый межзвездный лайнер Гильдии. Все другие используют сухие доки в космосе. Здесь же, в полностью земной обстановке, безопасность и эффективность производства дают наилучшее соотношение цена – качество.

Новый сверкающий корабль занимал все пространство подземного каньона. На ближней стороне корпуса, в хвостовой его части сияло декоративное оперение. На фюзеляже красовался пурпурно-медный герб Икса, искусно вписанный в белую эмблему Гильдии, символизирующую бесконечность, знак которой окружал выпуклый картуш.

Построенный глубоко под землей космический корабль покоился на механических подвесках, поднимавших огромный корпус так высоко, что под ним могли свободно проезжать транспортеры с деталями. Рабочие-субоиды сновали под фюзеляжем, выполняя свою рутинную работу. Команды рабочих осматривали корабль, готовя его к полету, а вокруг производственной зоны плясали прямые лучи света, лучи силового поля, сквозь которое к кораблю не смог бы подобраться никакой незваный гость.

Подъемные краны и подвесные системы выглядели как крошечные букашки на огромном теле космического лайнера, однако большая часть машин неторопливо сползала с пологих бортов гигантского судна. Перед запуском? Лето, глядя на корабль, не мог поверить, что это вообще возможно. Тысячи рабочих невероятно медленно перемещались вниз, убирая оборудование и готовя невероятное судно к отбытию.

Гул толпы, собравшейся в галерее для гостей, резко усилился, и Лето почувствовал, что сейчас что-то произойдет. Он пригляделся к изображениям на многочисленных экранах. От этого зрелища мальчик почти утратил дар речи.

– Но как вы выведете его отсюда? Корабль таких невероятных размеров? Здесь же потолок – целая гора, да и стены...

Один из близнецов, которые как замороженные наблюдали за действием, с самодовольной улыбкой посмотрел на Лето:

– Подожди, и ты все увидишь.

У обоих молодых людей были широко расставленные глаза на круглых лицах, пытливый взгляд, густые брови; они были на несколько лет старше Лето. Бледность кожи была неизбежным следствием жизни в подземелье.

Стоявшая между близнецами Кайлея откашлялась и окликнула брата.

– Ромбур! – произнесла она, переведя взгляд с близнецов на Лето. – Ты забыл о хороших манерах.

Ромбур сразу вспомнил о своих обязанностях.

– О да! Это Лето Атрейдес, наследник Дома Атрейдесов с Каладана. А эти двое – К'тэр и Д'мурр Пилру. Их отец посол Икса в Кайтэйне, а мать – банкир Гильдии. Они живут в одном из флигелей Гран-Пале, так что вы вполне можете видеться.

Молодые люди разом поклонились и, как показалось Лето, придвинулись ближе к Кайлее. – Мы готовимся к сдаче экзаменов в Гильдии, – сказал один из близнецов, К’тэр. – Экзамены начнутся через несколько месяцев. Надеемся, что скоро мы сможем водить корабли, подобные этому.

Он повернул голову в сторону огромного судна. Кайлея встревоженно посмотрела на близнецов. Ее явно не вдохновляло их желание стать навигаторами.

Лето был растроган искрами восторга, сверкнувшими в глубоко посаженных карих глазах молодого человека. Второй брат был менее общительным, и казалось, заинтересован только тем, что происходило внизу.

– Вот появилась камера навигатора, – сказал Д’мурр.

Внизу появился массивный черный бак, плывущий на промышленной подвеске к кораблю по предварительно освобожденному пути. По традиции гильд-навигаторы скрывали от посторонних свою внешность, прячась в густых облаках испарений пряности. По всеобщему убеждению, для того, чтобы стать навигатором, надо было полностью трансформироваться. Считалось, что навигаторы поднимаются по эволюционной лестнице выше обычных людей. Члены Гильдии предпочитали не подтверждать, но и не опровергать эти убеждения.

– Я ничего не могу разглядеть, – пожаловался К’тэр.

– Да, но навигатор там, я это чувствую. – Д’мурр так стремительно подался вперед, словно хотел пролететь сквозь метастекло наблюдательной галереи. Близнецы совершенно забыли о присутствии Кайлеи, увлекшись зрелищем пуска корабля, и девушке ничего не оставалось, как обратить внимание на Лето, который не мог оторваться от сверкающих изумрудных глаз Кайлеи.

Ромбур жестом указал на сцену, развертывающуюся внизу, продолжив свой скорый комментарий:

– Мой отец очень волнуется по поводу новых усиленных большегрузных кораблей. Я не знаю, изучал ли ты историю своего рода, но первоначально... э-э... лайнеры изготавливали на заводах Ришезов. Ришезы и Иксианцы конкурировали друг с другом за контракты Гильдии, но постепенно мы взяли верх, вложив в производство все силы нашего общества: государственные субсидии, подписку, повышение налогов, все, что для этого потребовалось. Мы на Иксе ничего не делаем наполовину.

– Я слышал, что вы также непревзойденные мастера промышленного шпионажа и спекуляции патентами, – сказал Лето, вспомнив то, что говорила ему об Иксе мать.

– Это ложь, которую распространяют завидующие нам Дома. – Ромбур покачал головой. – Клянусь адом Вермилиона, мы не крадем патенты или идеи – мы ведем против Ришезов только технологическую войну, в которой никогда не было сделано ни единого выстрела. Но при этом мы наносим им такие смертельные удары, которые не могли бы нанести даже с помощью атомной бомбы. Поколение назад они потеряли право на управление Арракисом, и приблизительно тогда же они утратили свои позиции в технологии. Думаю, это было плохое семейное управление.

– Моя мать происходит из Дома Ришезов, – сухо произнес Лето.

Ромбур зарделся от смущения.

– О, прости, я совсем забыл. – Не зная, чем занять руки, он принялся ерошить свою и без того буйную шевелюру.

– Все нормально, мы не носим шор, – сказал Лето. – Я понимаю, о чем ты говоришь. Ришезы все еще существуют, но их существование стало намного скромнее. Слишком много бюрократии и слишком мало инноваций. Моя мать никогда не хотела, чтобы я посещал ее семью. Мне кажется, ее всегда мучили воспоминания и браком с моим отцом она хотела попытаться восстановить былое могущество рода Ришезов.

Тем временем внизу бак с таинственным навигатором вплотную приблизился к входному люку корабля. Отполированный до блеска бак исчез в громадном чреве лайнера, словно комар, проглоченный огромной рыбой.

Хотя Кайлея была моложе своего брата, девочка выглядела более рассудительной и говорила, как взрослая, вникая в суть вещей.

– Эта программа производства новых лайнеров обещает стать для нас самой прибыльной за всю историю. Этот контракт принесет нам очень много денег. Дом Верниусов будет получать двадцать пять процентов той суммы, которую удастся сэкономить Гильдии в течение первых десяти лет эксплуатации новых кораблей.

Ошеломленный Лето вспомнил мелкий бизнес Каладана: выращивание риса-пунди, разгрузка морских судов и та невероятная радость, которую жители планеты изливали на старого герцога после боя быков.

Из громкоговорителей, вмонтированных в стены огромной пещеры, оглушительно завывла сирена. Внизу, словно подхваченные магнитным полем железные опилки, субоиды в спешке покидали стены корпуса готового к вылету корабля. В окнах высоких домов-сталактитов начали мигать огоньки. Зрителей заметно прибавилось. Лето мог рассмотреть маленькие фигурки, прилипшие к стеклам окон.

Ромбур встал рядом с Лето, среди зрителей воцарилась благоговейная тишина.

– Что же будет дальше? – спросил Лето.

– Навигатор уведет отсюда корабль, – ответил К’тэр.

– Он улетит с Икса и начнет свои полеты, – добавил Д’мурр.

Лето посмотрел на монолитный каменный потолок исполинской пещеры, непроницаемый барьер из коры планеты, и понял, что это физически невозможно. В этот момент он услышал какое-то едва слышное жужжание.

– Вывести отсюда этот корабль нетрудно – э... по крайней мере не так трудно, как посадить его сюда или в такое же замкнутое пространство. На такое способны только самые опытные штурманы Гильдии.

Лето смотрел во все глаза, как, впрочем, и все остальные зрители, стремясь не упустить ни малейшей подробности диковинного чуда. На его глазах корабль начал терять свои очертания и вдруг вовсе исчез.

Воздух внутри пещеры содрогнулся от страшного удара, волна прошла в вакуум, образовавшийся на месте только что бывшего здесь огромного корпуса межзвездного корабля. Здание содрогнулось, и Лето почувствовал, что у него вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Грот был совершенно пуст – огромное пространство без всяких следов лайнера; осталось только монтажное оборудование, да на полу и стенах пещеры были видны выгоревшие пятна.

– Ты на всю жизнь запомнишь, как навигатор управляется с кораблем, – сказал Д’мурр, видя замешательство Лето.

– Он свертывает пространство, – сказал К’тэр. – Лайнеры не проходят *сквозь* кору Икса. Навигатор просто улетает отсюда к месту назначения.

Некоторые зрители принялись аплодировать. Ромбур не мог скрыть удовольствия, глядя на опустевший стапель, протянувшийся на сколько хватало глаз.

– Теперь у нас есть место для строительства нового корабля!

– Простая экономика, – сказала Кайлея, с притворной застенчивостью потупив взор. – Мы не тратим времени даром.

Наложницы-рабыни, разрешенные моему отцу соглашением между Бене Гессерит и Гильдией, не могли, конечно, рожать наследников, но интриги не прекращались и угнетали своей похотливостью.

Мы, я, мои сестры и мать, приобрели немалую споровку в умении избегать смерти от яда.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Класс для учебных занятий кронпринца Шаддама, расположенный в императорском дворце, своими размерами превосходил деревню средней величины. Наследник Дома Коррино грустил возле обучающей машины, а Фенринг внимательно наблюдал за своим патроном.

– Мой отец все еще хочет, чтобы я, словно малый ребенок, сидел в классе и зубрил уроки. – Шаддам с отвращением покосился на мигающие огоньки дисплея обучающей машины. – Мне уже давно пора жениться и самому иметь наследников императорского престола.

Фенринг хмыкнул:

– Зачем? В таком случае трон может перейти к наследнику через поколение, если, не дай бог, ваш сын успеет вырасти.

Шаддаму было уже тридцать четыре года, но до получения императорской власти, казалось, была вечность. Каждый раз, когда старик выпивал свое любимое пряное пиво, тайный яд начинал свое разрушительное действие, но н'ки работает медленно, а пока его действие проявлялось только в усилении иррационального поведения императора. Стоило ради этого идти на преступление!

Не далее как сегодня утром Эльруд снова упрекнул Шаддама за нерадение в учебе.

– Учись как следует, – сказал ему отец. – Учись у Фенринга.

С самого детства Фенринг посещал занятия вместе с кронпринцем. Усердие Фенринга, впрочем, было показательным. Он составлял компанию принцу только для того, чтобы проникнуть в механику придворных интриг и тайны закулисной политики. Правда, успехи Фенринга в учебе были куда лучше, чем у его августейшего товарища. Хазимир буквально пожирал любую информацию, которая могла укрепить его позиции.

Мать Фенринга, Чаола, скрытная придворная фрейлина, после смерти четвертой жены императора Хаблы уединилась в доме и жила на имперскую пенсию. Воспитывая двух сыновей и одновременно служа императрице, Чаола дала им шанс стать чем-то большим, нежели простыми слугами. Было такое впечатление, что она спланировала это заранее.

В последнее время Чаола делала вид, что не понимает, чем ее сын занят при дворе, хотя и была воспитана в Общине Сестер Бене Гессерит. Фенринг же был достаточно хитер для того, чтобы понимать, что его мать знает гораздо больше, чем ей положено по чину, и что он вряд ли знает о тех планах и селекционных схемах, в воплощении которых участвовала Чаола.

В этот миг Шаддам издал горестный стон и отвернулся от машины.

– Ну почему эта старая тварь не может просто умереть? Как бы это упростило все дело! – Слова вырвались неожиданно, и Шаддам в смятении приложил ладонь ко рту.

Фенринг прошел по длинному залу, глядя на свисавшие со стен знамена Ландсраада. Кронпринцу полагалось знать флаги и гербы всех Великих и Малых Домов, но Шаддам с трудом запоминал даже имена своих ближайших родственников.

– Терпение, мой друг. Все придет в свое время.

В одной из ниш Фенринг остановился у курящейся палочки, пахнувшей ванилью, и с наслаждением вдохнул ароматный дым.

– А пока изучай предметы, важные в деле правления. Эти сведения понадобятся тебе в самом ближайшем будущем, ахххм, да?

– Оставь наконец свое бесконечное хмыканье, Хазимир. Оно меня раздражает.

– Хммх?

– Оно раздражало меня еще в детстве и, как ты знаешь, злит до сих пор. Прекрати немедленно!

Из расположенной рядом комнаты, отделенной от класса якобы звукоизолирующим экраном, раздавались хихиканье тьютора, шелест одежд, скрип кровати и сладострастный звук соприкосновения обнаженных тел. Тьютор проводил день в обществе порочной, дьявольски красивой женщины, прошедшей специальную сексуальную подготовку. Шаддам отдал ей соответствующий приказ, и теперь тьютор нисколько не мешал им с Фенрингом. Они могли вести свои опасные тайные разговоры, не опасаясь подсматривающих глаз и подслушивающих ушей, которыми дворец буквально кишел от подвала до крыши.

Тьютор, однако, и не подозревал, что женщина эта предназначалась в подарок Эльруду для пополнения его гарема. Этот хитрый ход давал в руки Шаддаму неоспоримый козырь в отношениях с докучливым учителем. Если только император об этом узнает...

– Умение манипулировать людьми – очень важная часть науки о царствовании, – часто говорил Фенринг, прежде чем предложить эту блестящую идею. Это, во всяком случае, было вполне доступно пониманию Шаддама. *Если кронпринц будет прислушиваться к моим советам, – думал Фенринг, – то из него, пожалуй, выйдет хороший правитель.*

На экранах обучающей машины высвечивались скучные сведения о количествах грузовых кораблей, об экспорте основных планет, появлялись голографические изображения разного рода товаров: от искусно окрашенного китового меха до иксианских звукопоглощающих тканей... Чего здесь только не было: чернильницы, проволока шиги, сказочные произведения искусства из Экази, рис-пунди и даже ослиный навоз. Вся эта премудрость лилась из машины, как из рога изобилия, словно Шаддаму надо было знать все детали. *Но для чего же тогда существуют советники и эксперты?*

Подойдя к принцу, Фенринг взглянул на дисплеи мониторов.

– Как ты считаешь, Шаддам, что самое важное из всего того, что существует в твоей Империи, хмм?

– Теперь ты стал моим тьютором, Хазимир?

– Я всегда им был, – ответил Фенринг. – Если ты окажешься превосходным императором, то это будет благом для всего населения Империи... включая и меня.

Ритмичное скрипение кровати в соседней комнате нарушало плавность течения мыслей.

– Мир и покой – вот что самое главное, – проворчал Шаддам, отвечая на вопрос Фенринга.

Тот повернул ключ обучающей машины. В механизме что-то щелкнуло, и автомат издал долгое низкое жужжание. На экране появилось изображение ландшафта пустынной планеты. *Арракис*. Фенринг присел на скамью рядом с Шаддамом.

– Меланжа. Вот самая главная вещь. Без нее Империя рассыплется в прах.

Он подался вперед, и его ловкие пальцы заскользили по клавиатуре управления. На экране возникли ожившие сцены добычи пряности. Шаддам внимательно смотрел фильм о том, как гигантский песчаный червь уничтожил уборочные машины в глубинах пустыни.

– Арракис – это единственный известный источник меланжи во вселенной.

Фенринг сжал кулак и с силой ударил по столешнице из мраморного плаза.

– Но почему? Дом Коррино назначил фантастическое вознаграждение тому, кто отыщет иной источник пряности. Все исследователи Империи заняты поиском. Но почему никто до сих пор ничего не нашел? В конце концов, в Империи биллион миров, должна же эта проклятая пряность быть где-то еще!

– Биллион? – Шаддам с сомнением выпятил губы. – Хазимир, ты же знаешь, что это гипербола для черни. Я видел подсчет. В нашей Империи всего миллион планет или около того.

– Миллион, биллион, какая разница, хммх? Я считаю, что если меланжу нашли, то она существует в природе, и ее можно найти и в других местах. Ты знаешь о планетологе, которого твой отец послал на Арракис?

– Конечно, его зовут Пардот Кинес. Мы ждем от него сообщений со дня на день. С последнего сообщения прошло уже несколько недель. – Он гордо вскинул голову. – Я взял привычку прочитывать его сообщения, как только они приходят.

Из-за занавеси доносились тяжкие вздохи, иногда смех. Что-то с грохотом упало на пол. Шаддам усмехнулся. Наложница действительно знает свое дело.

Фенринг округлил свои и без того большие глаза и повернулся к машине.

– Обрати внимание, Шаддам. Пряность жизненно необходима, и, однако, все ее производство контролируется единственным Домом на единственной планете. Велика угроза, что нас загонят в бутылку с узким горлышком. Это нешуточная угроза, невзирая на имперский надзор и давление ОСПЧТ. Для того чтобы обеспечить стабильность Империи, мы должны, просто обязаны получить более надежный источник пряности. Если понадобится, то мы должны будем освоить ее синтез. Нам нужна альтернатива. – Он вперил в кронпринца свой пылающий взор. – Этот источник Пряности должен быть целиком под нашим контролем.

Шаддам наслаждался такими дискуссиями. Они были так не похожи на обычное рутинное общение с тьютором.

– Ах, конечно. Альтернатива меланжи сдвинет весь баланс сил в Империи, верно?

– Именно так! Сейчас ОСПЧТ, Гильдия, Бене Гессерит, ментаты и даже Дом Коррино дерутся за производство пряности и ее распределение с единственной на всю вселенную планеты. Но если отыщется альтернатива, которая окажется исключительно в руках императорского дома, то члены вашей семьи станут истинными императорами, а не марионетками в руках других политических сил.

– Мы не марионетки, – огрызнулся Шаддам. – Даже мой выживший из ума отец.

Он тревожно посмотрел на потолок, словно опасаясь, что там могут быть видеокамеры, хотя только недавно Фенринг проверил помещение на подслушивающую аппаратуру.

– Да продлятся его дни.

– Как вам угодно, мой принц.

Фенринг произнес это, не уступая ни на миллиметр своих позиций.

– Если мы сейчас приведем в действие механизм, то вы пожнете массу выгод, когда получите трон. – Он нажал несколько клавиш на обучающей машине. – Смотри и учись!

Фенринг искусно имитировал скрипучий фальцет Эльруда. Шаддам расхохотался от такого сарказма друга.

На экране машины появились картины иксианских технических достижений, были показаны все новые изобретения и усовершенствования, сделанные за время плодотворного правления Дома Верниусов.

– Почему, как ты думаешь, иксианцы не могут применить свою технологию для того, чтобы найти альтернативу пряности? – спросил Фенринг. – Им снова и снова дается поручение проанализировать пряность и разработать способы ее получения, но они упрямо продолжают заниматься своими космическими кораблями и дурацкими изысканиями о превращении времени. Кому это вообще надо – знать точное время в любом уголке Империи? Разве есть более важная цель, чем получение пряности? Дом Верниусов – это скопище неудачников, если вас это интересует.

– Между прочим, эта обучающая машина сделана на Иксе. Новую, раздражающую меня конструкцию лайнеров тоже придумали на Иксе. То же самое касается вездехода и...

– Это не в счет, – отпарировал Фенринг. – Я не верю, что Дом Верниусов вкладывает хоть какие-то средства в поиск альтернативы пряности. Для них это отнюдь не приоритетное направление.

– Значит, отец должен дать им более твердое руководство. – Шаддам, раскрасневшись от негодования, заложил руки за спину, стараясь придать себе императорский вид. – Когда я

стану императором, то позабочусь о том, чтобы люди более точно разбирались в приоритетах. Я сам лично буду приказывать делать то, что выгодно Империи и Дому Коррино.

Фенринг обошел машину с грацией лазанского тигра. Со стоявшего на столе неброского подноса он взял засахаренный финик.

– Старый Эльруд много лет назад тоже не скупился на подобные декларации, но он так и не воплотил их в жизнь. – Фенринг махнул рукой. – О, в начале своего правления он тоже просил иксианцев обратить самое пристальное внимание на пряность. Он сулил райское наслаждение любому ученому, который сможет найти хотя бы сырье для пряности на какой-нибудь не обозначенной на картах планете.

Он бросил в рот финик, облизал длинные пальцы и с удовольствием проглотил сладкий нежный плод.

– И что из этого вышло? Ничего.

– Значит, отцу надо было увеличить сумму вознаграждения, – произнес Шаддам. – Не слишком-то он старается.

Некоторое время Фенринг внимательно изучал свои аккуратно подстриженные ногти, потом поднял огромные глаза и посмотрел в лицо Шаддаму.

– Но может быть, старый Эльруд Девятый сознательно не рассматривает все возможные альтернативы?

– Он, конечно, слабоумный, но не настолько. Зачем ему так поступать?

– Предположим, что кто-то предложит тебе использовать например, Бене Тлейлаксу? Как единственно возможное решение. – Фенринг прижался к каменной колонне, наблюдая за реакцией Шаддама.

Лицо кронпринца сморщилось от отвращения.

– Поганые Тлейлаксу! Зачем кому бы то ни было работать с ними?

– Потому что они могут дать ответ, который мы ищем.

– Ты, должно быть, шутишь. Кто поверит в то, что говорят Тлейлаксы?

Принц представил себе людей с серой кожей, сальными волосами, крошечными носиками, низкорослых, с глазками-пуговичками и острыми мышинными зубами. Они держались обособленно, сами вырыв себе ямку, в которой их общество отгородилось от остального мира на своих родовых исконных планетах.

Однако стоило признать, что тлейлаксы были настоящими волшебниками в генетике, сознательно применявшими неортодоксальные и отвратительные методы в работе с живым и мертвым материалом. В своих таинственных чанах с аксолотлями они могли выращивать клоны живых клеток и изготавливать гхола из мертвой плоти. Тлейлаксы были окружены скользкой, переменчивой аурой. *Как можно принимать их всерьез?*

– Подумай над этим, Шаддам. Разве тлейлаксы не мастера в органической химии и клеточных механизмах, хммхх? – Фенринг шмыгнул носом. – У меня есть своя сеть осведомителей, и через них я узнал, что тлейлаксы, несмотря на отвращение, которое мы к ним испытываем, сумели разработать совершенно новые технологии. Я и сам обладаю определенными навыками, ты знаешь об этом, и я убежден, что эта технология может позволить синтезировать меланжу... это будет наш собственный источник пряности. – Он остановил свои яркие птичьи глаза на лице Шаддама. – Или это ты не желаешь рассмотреть все возможные альтернативы, что позволит твоему отцу перехватить у тебя инициативу?

Шаддам скривился, помедлив с ответом. Сейчас он с гораздо большим удовольствием поиграл бы в мяч. Ему действительно не хотелось думать об этих похожих, на гномов людей; тлейлаксы – религиозные фанатики, отличались невероятной скрытностью и никогда не приглашали на свои планеты гостей. Не обращая ни малейшего внимания на то, как к ним относятся остальные подданные Империи, тлейлаксы рассылали везде своих представителей, которые на самом высшем уровне заключали сделки на поставки самых совершенных биоин-

женерных продуктов. Ходили слухи, что ни один чужестранец никогда не видел женщин Тлейлаксу. *Никогда*. Должно быть, они дико красивы или отвратительно безобразны.

Видя, что кронпринц вздрогнул, Фенринг выставил вперед палец.

– Шаддам, не попадайся в ту ловушку, в которую угодил твой отец. Как твой друг и советник, я должен принимать во внимание всякие, в том числе и скрытые, возможности, ххммх? Оставь сантименты и представь себе плоды победы, если это сработает – победы над Ландсрадом, Гильдией, ОСПЧТ. Тебе удастся подчинить и призвать к порядку Дом Харконненов. Как это будет забавно, когда окажется, что все те нити, с помощью которых они управляют Арракисом, доставшимся им ценой борьбы с Ришезами, окажутся никому не нужными.

Фенринг заговорил тихим голосом, призвав на помощь всю свою способность апеллировать к разуму.

– Какая разница, что нам придется иметь дело с Тлейлаксу? Ведь в случае успеха мы сломаем монополию на пряность и овладеем независимым ее источником. Так не стоит ли игра свеч?

Шаддам задумчиво посмотрел на друга, повернувшись спиной к обучающей машине.

– Ты в этом уверен?

– Нет, не уверен, – огрызнулся Фенринг. – Никогда нельзя быть уверенным до того, как дело не сделано. Но мы должны по крайней мере принять во внимание эту идею, дать себе шанс. Если мы не сделаем этого, то это сделает кто-то другой, пусть даже не сразу. Может быть, сами тлейлаксы. Нам надо сделать это ради нашего выживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.